
Алексѣй Ремизовъ
КРЕСТОВЫЯ
СЕСТРЫ
ИЗД.
З:И:ГРЖЕБИНА
Москва · Петербургъ · Берлинъ
1923

KTHMA
EΙΣ
AEI

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

КРЕСТОВЫЯ СЕСТРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА
1923

ПОСВЯЩАЮ
С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО

КРЕСТОВЫЯ СЕСТРЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Маракулинъ дружилъ съ Глотовымъ вовсе не потому, что служебное дѣло ихъ одно съ другимъ связывалось тѣсно, одинъ безъ другого обойтись не могъ: Петръ Алексѣевичъ талоны выдавалъ, Александръ Ивановичъ кассиръ.

Порядокъ извѣстный: Маракулинъ только чернилами напишетъ, а Глотовъ точно то же только золотомъ отсчитаетъ.

И оба они такіе разные и не похожіе: одинъ узкогрудый и усы ниточкою, другой широченный и усы кота, одинъ глядитъ изнутри, другой расплывается.

А все-таки пріятели: хлѣбъ-соль одна.

Была у нихъ у обоихъ примѣтина — качество и такое коренное, никакъ его не спрячешь, у сонняго подъ вѣками поблескивать будетъ, и притомъ совсѣмъ неважно, запихано ли оно въ зрачкѣ гдѣ или изъ зрачка вонъ по яблоку разбѣгается: хоботокъ словно, либо усикъ какой у нихъ у обоихъ одинъ былъ, и хоботокъ этотъ не то, чтобы къ жизни прицѣплялся, а какъ-то такъ всасывалъ въ себя все живое, все, что вокругъ жизни живетъ, до травинки, которая дышетъ, до малаго камушка, который растетъ, и всасывалъ съ какою-то жадностью и весело, да какъ-то заразительно весело. Вотъ оно что.

Кому надо, видѣли; кто не видитъ, чувствовали, а кто не чувствуетъ, догадывались.

Ну и молодость — обоимъ что-то по тридцати или по тридцати съ чѣмъ-то, и удача — тому и другому какъ-то удавалось, и крѣпкость — и тотъ и другой никогда не хворалъ и ни на какіе зубы не жаловался, и нѣтъ никакой связанности ни законной, ни беззаконной, какъ въ степи одинъ, а развернулась степь во всю ширь и мощь, вольная, свободная, раздольная — твоя.

Года три, кажется, назадъ Глотовъ жену свою законную съ третьяго этажа на мостовую выбросилъ и у бѣдняжки черепъ пополамъ, и не три года, нѣтъ, пожалуй ужъ всѣ четыре будетъ, впрочемъ, все равно, дѣло совсѣмъ не въ Глотовѣ, а въ Маракулинѣ, о Маракулинѣ Петрѣ Алексѣевичѣ рѣчь.

Заражая своихъ сослуживцевъ весельемъ и беззаботностью, Маракулинъ признавался какъ-то, что ему хоть и тридцать лѣтъ, но почему-то, и самъ того не зная, считаетъ онъ себѣ ровно-неровно, ну лѣтъ двѣнадцать, и примѣры привелъ: когда, скажемъ, случается ему встрѣтить кого или въ разговоръ вступить, то всѣ будто старшіе — старые, а онъ младшій — маленькій, такъ лѣтъ двѣнадцати. И еще Маракулинъ признавался, что на человѣка онъ нисколько не похожъ, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ настоящихъ людей, которыхъ постоянно увидишь въ театрѣ, на собраніяхъ, въ клубахъ, когда входятъ они или выходятъ, говорятъ или молчатъ, сердятся или довольны, ну, ни чуточку не похожъ, и что у него, должно быть, начиная съ носа до маленькаго пальца, все не на своемъ мѣстѣ сидитъ, такъ ему кажется. И еще Маракулинъ признавался, что онъ никогда ни о чемъ не думаетъ, просто не чувствуетъ, чтобы думалось, и если идетъ онъ по улицамъ, то такъ и идетъ, ну, просто ногами идетъ, а когда знакомятъ его, то различій онъ

никакихъ не замѣчаетъ и никакихъ особенностей ни въ лицѣ, ни въ движеніяхъ своего новаго знакомаго, и только смутно чувствуетъ, что одинъ притягиваетъ, другой отталкиваетъ, одинъ ближе, другой дальше, а третій — все равно, но чаще преобладаетъ чувство близости и увѣренность въ благожелательствѣ. И еще Маракулинъ признавался, что съ тѣхъ поръ, какъ началъ онъ книги читать и съ людьми столкнулся, самыя противоположныя мнѣнія его нисколько не пугали, и онъ со всѣми готовъ былъ согласиться, считая всякаго по своему правымъ, и спорить не спорилъ, а если прорывался и даже самъ задиралъ, то по причинамъ совсѣмъ безспорнымъ, о которыхъ, между прочимъ, всякій разъ прекрасно сознавалъ, только виду не показывалъ, — мало-ли сколько такихъ причинъ безспорныхъ, житейскихъ! И еще признавался Маракулинъ, что онъ съ роду никогда не плакалъ, и всего одинъ разъ, когда уходила старая нянька, въ послѣдній ея день: тогда, забравшись въ чуланъ, онъ захлебывался отъ первыхъ и послѣднихъ слезъ. И было у него одно примѣчательное сумасбродное свойство, надъ которымъ обычно посмѣивались: взбредутъ ему въ голову пустяки какіе-нибудь и онъ такъ за нихъ ухватится и съ такимъ упорствомъ, словно бы вся суть въ нихъ и его собственной жизни, — вѣдь цѣлое дѣло изъ пустяковъ себѣ выдумаетъ! Къ празднику директору подается отчетъ, отчетъ обыкновенно пишется на машинѣ — самый обыкновенный отчетъ, а вотъ ему почему-то непремѣнно захочется самому переписать и своею рукою, и, хотя на машинѣ скорѣе можно сдѣлать и легче и проще и бланки такіе есть, это его нисколько не смущаетъ, какъ можно! — и ночи и дни онъ упорно выводитъ букву за буквой, строчитъ ровно, точно бисеромъ нижетъ, и не разъ

перепишетъ, пока не добьется такого отчета, хоть на выставку неси, вотъ даже какого! — почеркомъ Маракулинъ славился. Завтра же этотъ отчетъ заложатъ куда-нибудь въ бумаги, особаго вниманія никто не обратитъ, никому онъ такой не нуженъ, а времени и труда затрачено много и безъ толку. Сумасбродный человѣкъ и въ своемъ сумасбродствѣ упорный. Да вотъ еще, и чуднѣе еще разсказывалъ Маракулинъ о какой-то своей ничѣмъ не объяснимой необыкновенной радости, а испытывалъ онъ ее совсѣмъ неожиданно: бѣжитъ другой разъ по утру на службу и вдругъ безпричинно словно бы сердце перепорхнетъ въ груди, переполнитъ грудь и станетъ необыкновенно радостно. И такая это радость его, такъ охватитъ всего и такъ ея много, взялъ бы, кажется, изъ груди, изъ самаго сердца горячую и роздалъ каждому, — и на всѣхъ бы хватило, взялъ-бы какъ птичку, въ обѣ горсти и, дуя ртомъ, чтобы не зазябла, не выпорхнула эта райская птичка, понесъ-бы ее по Невскому: пускай видятъ ее и вдохнутъ тепло ея и почувствуютъ свѣтъ ея, — тихій свѣтъ и тепло, какимъ дышетъ и свѣтитъ сердце отъ радости.

Конечно, самъ себя не разсудишь, на признаніяхъ не выѣдешь: было, не было, — кто разберетъ? — но любовь къ жизни и чутье къ жизни, веселость духа, это въ немъ было, правда.

Слушая Маракулина и видя, какъ онъ къ людямъ подходитъ, по улыбкѣ его и взгляду, приходила иной разъ мысль, что вотъ такой, какъ онъ, во всякое время готовъ къ бѣшеному звѣрю въ клѣтку войти и не сморгнуть, и не задумавшись руку протянетъ, чтобы по вздыбившейся бѣшеной шерсти звѣря погладить, и звѣрь кусаться не будетъ.

А какъ Маракулинъ огорчался, когда нежданно

и негадано открывалось, что и его, какъ и всякаго, ненавидѣть могутъ, что и у него есть свои недоброхоты, что и онъ для кого-то, и Богъ знаетъ изъ-за чего, бревномъ въ глазу сидитъ!

А вѣдь съ Маракулинымъ что угодно можно было дѣлать!

И если онъ умудрился до тридцати лѣтъ дожить и удачно, тутъ ужъ одно чудо — вещь невѣроятная.

Да скорѣе Петра Алексѣевича любили и не какъ-нибудь тамъ крѣпко и очень, но вѣдь и не за что было не любить его — веселье и смѣхъ и не простой, а пьяный какой-то, маракулинскій, за что же ненавидѣть его!

И все-таки кончилось все не очень любовно, плохо кончилъ Петръ Алексѣевичъ.

Такъ было: ждалъ Маракулинъ себѣ къ Пасхѣ повышенія и награду — въ богатыхъ торговыхъ конторахъ къ празднику порядочно приходится наградныхъ, а вмѣсто повышенія и наградныхъ его со службы выгнали.

Такъ случилось: пять лѣтъ служилъ Петръ Алексѣевичъ, пять лѣтъ завѣдывалъ талонными книжками, и все было въ полной исправности и точно — Маракулина за его аккуратность и точность въ шутку нѣмцемъ прозвали, — а затѣяли директора передъ праздниками провѣрять книжки, да какъ стали свѣрять и считать — и произошла заминка: ровно бы что-то не сходится, чего-то не хватаетъ, и, можетъ быть, сущихъ пустяковъ не хватало, да дѣло-то большое, пустяки эти и путаница все дѣло запутать могутъ.

И книжки у него отобрали, и его по шапкѣ.

На первыхъ порахъ Маракулинъ и не повѣрилъ, просто отказался повѣрить, думаетъ себѣ: въ родѣ шутки съ нимъ отшучиваютъ, трублю какую оттру-

бливаютъ потѣхи ради, для пущей веселости, такъ вотъ — передъ праздникомъ!

Самъ смѣется, пошелъ объясняться, и тоже не безъ шуточки.

— Позвольте, молъ, вору такому-то и разбойнику и шишу подорожному въ воровствѣ объясниться...

— Что-съ?

— Ха-ха... — самъ первый смѣется.

А въ одномъ письмѣ своемъ объяснительномъ и къ лицу очень важному и вліятельному — директору подпись подписалъ, и не просто Петръ Маракулинъ, а воръ Петръ Маракулинъ и экспропріаторъ.

„Воръ Петръ Маракулинъ и экспропріаторъ".

— Что-съ?

— Ха-ха... — самъ первый смѣется.

Да шутка-то, видно, не удалась, смѣшного ничего не выходитъ, или выходило, да не замѣчали, и смѣяться никто не смѣется, напротивъ.

И самымъ смѣшнымъ показался отвѣтъ одного молодого бухгалтера — маленькій тихій человѣкъ этотъ бухгалтеръ, мухи не обидитъ, какъ и званія нѣтъ.

Аверьяновъ сказалъ:

— Впредь до выясненія вашего недоразумѣнія я хотѣлъ бы съ окончательнымъ отвѣтомъ подождать.

Тутъ ужъ пошелъ Петръ Алексѣевичъ всурьёзъ:

— Какая, молъ, такая путаница, и быть не можетъ никакой ошибки!

— Что-съ?

— Ошибка, говорю... я безъ ошибки, я нѣмецъ... гдѣ ошибка?

И повѣрилъ.

Повѣришь!

Звѣрюга-то бѣшеный, видно, не такъ ужъ простъ,

не такъ легко поддается, по вздыбившейся бѣшеной шерсткѣ его не очень-то ловко погладишь, прочь руки: звѣрюга палецъ прокуситъ!

Такъ что-ли?

Или тутъ и звѣрь не при чемъ, и все проклятіе вовсе не въ томъ, что человѣкъ человѣку звѣрь да еще и бѣшеный, а въ томъ, что человѣкъ человѣку бревно. И сколько ни молись ему, не услышитъ, сколько ни кличь, не отзовется, лобъ себѣ простукаешь, лбомъ передъ нимъ стучавши, не пошевельнется: какъ поставили, такъ и будетъ стоять, пока не свалится, либо ты не свалишься.

Такъ что ли?

Такъ, въ этомъ родѣ что-то промелькнуло тогда у Маракулина, и въ первый разъ отчетливо подумалось и ясно сказалось:

человѣкъ человѣку бревно.

Ткнулся туда, постучался сюда, — все закрыто, все заперто: не принимаютъ. А и примутъ — говорить не хотятъ, не даютъ слова сказать.

Потомъ передъ носомъ двери захлопывать стали: и — некогда! — и отстань, пожалуйста! и — не до тебя совсѣмъ! и — другихъ дѣлъ по горло! и — чего раньше глядѣлъ! и — на себя пеняй! и опять — некогда! и — отстань, пожалуйста!

И ужъ прислуга черезъ цѣпочку не разговариваетъ: и не велѣно и надоѣлъ всѣмъ очень.

Не стало Маракулину пристанища, остался онъ, какъ въ степи одинъ, а лежала степь вызженная, черная, необозримая — чужая. Смотри кругомъ на всѣ четыре стороны, ну!

Былъ онъ во всемъ, сталъ ни въ чемъ.

А вѣдь все изъ-за пустяковъ — одна слѣпая случайность.

Ходили слухи, будто все дѣло Александръ Ивановичъ подстроилъ, его рукъ: подчислилъ Глотовъ пріятеля своего, а самъ изъ воды сухъ вышелъ.

А съ другой стороны всѣ знали, что и Маракулинъ не прочь былъ по добротѣ ли своей душевной или еще по какому качеству, по излишней ли довѣрчивости своей и воображенію — любилъ вѣдь ладить съ людьми! — да, самъ онъ не прочь былъ временно, конечно, талонъ выдать и лицу, совсѣмъ не причастному ни къ какому полученію, ну въ виду какихъ-нибудь просьбъ особенныхъ и стѣсненности пріятеля, хоть бы тому же Александру Ивановичу!

Вѣдь, съ Маракулинымъ что угодно можно было сдѣлать!

Но самъ-то онъ, слѣпою случайностью выбитый изъ колеи, безъ дѣла, одинъ, ночи и дни думая, про себя думая, теперь, вѣдь, не то ужъ время — то время прошло — теперь и онъ, какъ настоящіе люди, думать сталъ, самъ-то онъ на первыхъ порахъ твердо рѣшилъ и судъ себѣ вынесъ.

Виновнымъ себя не призналъ и въ воровствѣ себя не обвинилъ.

А доказывая право свое на существованіе, въ горячкѣ своей, въ мысляхъ своихъ хваталъ, какъ и въ смѣхѣ и въ весельѣ своемъ, по-маракулински: ухватился за это бревно, до котораго додумался, что человѣкъ человѣку бревно, и пошелъ вывертывать.

Хотѣлъ онъ, непремѣнно, во что бы то ни стало знать, кому все это понадобилось и для чего, для удовольствія какого бревна брёвна стоять поставлены, а хотѣлъ знать для того, чтобы опредѣленно сказать себѣ, еще стоять ли ему бревномъ, какъ вздумалось кому-то поставить его, или, не дожидаясь минуты,

когда опять вздумается кому-то свалить его, самому по своей доброй волѣ и никого не спрашиваясь, чебурахнуться?

Отвѣтить же на это, сами посудите, сразу такъ не отвѣтишь, да и кому отвѣтить, не хироманту же съ Кузнечнаго, который брюки укралъ, а по рукѣ — по чертамъ руки на другого доказалъ, на сосѣда по угламъ, тоже съ Кузнечнаго!

Да видно, безъ того ужъ нельзя, чтобы сердца не изнести — сердца не сорвать, видно, ужъ всегда такъ, когда примется кто свое право доказывать на существованіе.

А вѣдь, дѣло-то совсѣмъ не въ томъ, что человѣкъ человѣку бѣшеный звѣрь, и не въ томъ, что человѣкъ человѣку бревно, дѣло проще.

Навалится бѣда, терпи, потому терпи, что все равно — будешь отбрыкиваться или кусаться начнешь — все по-пусту, она тебя не отпуститъ, пока срокъ ей не кончится.

Такъ что ли?

Такъ, въ этомъ родѣ что-то промелькнуло тогда у Маракулина и ясно сказалось:

терпи!

Прогулялъ онъ лѣто безъ дѣла. Все, что собралось у него за пять петербургскихъ талонныхъ лѣтъ, все ушло по ломбардамъ либо въ Столичный, либо въ Городской на Владимірскій. И скоро ничего не осталось, и ломбардныя квитанціи спустилъ къ часовщику на Гороховой, а что осталось, все изношено, изорвано, и татаринъ не беретъ. Ободрался и пообдергался, линолевый единственный воротничекъ до нитки измылъ, только крестъ цѣлъ на шеѣ да поясокъ боголюбскій, которымъ, впрочемъ, давнымъ давно не опоясывался, на стѣнкѣ, какъ память, держалъ.

И стыдъ какой-то почувствовалъ, раньше ничего подобнаго не испытывалъ. Просить ужъ не смѣетъ. Хорошо, что просить-то некого: какъ отъ холернаго, разбѣжались пріятели, всѣ попрятались.

И страшно ему какъ-то всѣхъ стало, и знакомаго и незнакомаго.

Стыдно и страшно по улицамъ ходить: всѣ будто что-то знаютъ про него и такое, въ чемъ и самому себѣ, кажется, духу не хватитъ признаться, не только что на людяхъ сказать. Толкаютъ прохожіе. Собака и та ворчитъ, хватаетъ за ногу.

Погибшій онъ человѣкъ.

Ну, погибшій, безправный — и терпи, терпи и забудь...

Навалится бѣда, забудь, что на свѣтѣ люди есть, люди не помогутъ, а если и захотятъ помочь, все равно, бѣда дѣла ихъ разстроитъ, всякое дѣло ихъ на нѣтъ сведетъ, разгонитъ и запугаетъ, и потому о людяхъ забудь.

Такъ что ли?

Такъ, въ этомъ родѣ что-то промелькнуло тогда у Маракулина и ясно сказалось:

забудь!

А люди-то вскорѣ нашлись, явились, да не какой-нибудь Аверьяновъ и не его помощникъ Чекуровъ — бичъ пошлости, какъ самъ себя величалъ этотъ честнѣйшій Чекуровъ, нѣтъ, всѣ такіе, о которыхъ Маракулину ни разу не вспомнилось: мелкіе подозрительные служащіе, переизгнанные изъ всевозможныхъ учрежденій и кочующіе по всякимъ мѣстамъ — кандидаты на выгонъ, погибшіе и погибающіе, ошельмованные и претерпѣвшіе, которыхъ въ порядочные дома не пускали и подавать руку которымъ считалось неприличнымъ и невозможнымъ, которые, наконецъ,

имѣли опредѣленную кличку — свое имя и прозвище воровъ, подлецовъ, негодяевъ — жуликовъ.

И вотъ всѣ эти воры, подлецы и негодяи — жулики знакомые, полузнакомые и вовсе неизвѣстные явились къ Маракулину сочувствіе свое выразить, они же тогда на первыхъ порахъ и работу ему достали, ну не особенно важную, а такъ кое-какую, чтобы только хоть какъ-нибудь прожить.

У Маракулина было своя квартира на Фонтанкѣ у Обухова моста, маленькая, а все-таки своя, пришлось бросить квартиру, перебраться въ комнаты, нашлась комната по той же лѣстницѣ тремя этажами выше.

Вообще-то жизнь у Маракулина сложилась и удачно, но путанно и нескладно, жилъ онъ и не Богъ знаетъ какъ, но все это было до насиженнаго мѣстечка, на первыхъ порахъ жизни, когда ничего такого не замѣчается.

И теперь трудно показалось ему, тяжело было стѣсниться, тѣмъ болѣе трудно и тяжело, что на поправку не было надежды, а жуликовымъ заработкомъ зарабатывалось не важно, едва хватало, чтобы только хоть какъ-нибудь прожить.

А для чего прожить?

И для чего терпѣть, для чего забыть — забыть и терпѣть?

Хотѣлъ онъ непремѣнно, во что бы то ни стало знать, кому это все понадобилось и для чего, для удовольствія какого вора, подлеца и негодяя — жулика, а хотѣлъ знать для того, чтобы опредѣленно сказать себѣ, еще стоитъ ли всю канитель тянуть — терпѣть, чтобы только хоть какъ-нибудь прожить?

Отвѣтить же на это, сами посудите, сразу такъ не отвѣтишь, да и кому отвѣтить, не хироманту

2*

же съ Кузнечнаго, который брюки укралъ, а по рукѣ — по чертамъ руки на другого доказалъ, на сосѣда по угламъ, тоже съ Кузнечнаго!

Да видно, безъ того ужъ нельзя, чтобы сердца не изнести — сердца не сорвать, видно, ужъ всегда такъ, когда примется кто свое право доказывать на существованіе.

А вѣдь дѣло-то совсѣмъ не въ томъ, чтобы терпѣть, и не въ томъ, чтобы забыть, дѣло проще:

не думай!

Такъ, что ли?

Такъ, въ этомъ родѣ что-то промелькнуло тогда у Маракулина и ясно сказалось:

не думай!

Не думать ему... теперь?

Да именно теперь, слѣпою случайностью выбитый изъ колеи, одинъ, безъ дѣла, онъ впервые и думать сталъ, — то время прошло, когда не думалось, то время не вернешь.

И замкнулся въ немъ кругъ: зналъ онъ, что по-пусту думать, не надо думать, ничего не докажешь, и не могъ не думать — не могъ не доказывать — до боли думалось, мысли шли безостановочно, какъ въ бреду.

Съ квартирой Маракулинъ раздѣлался удачно, никуда его въ участокъ не таскали и описывать не описывали — ничего не было, а душу не вынешь.

Только Михаилъ Павловичъ руку не подалъ, — старшій Михаилъ Павловичъ, если уважалъ жильца средней руки, всегда руку ему подавалъ.

Послѣдній день на старомъ пепелищѣ выдался для Маракулина памятный.

Утромъ на дворѣ случилось несчастье: убилась кошка — бѣлая гладкая кошка съ сѣдыми усами. Мо-

жетъ, она и не убилась, и ни съ какой крыши пятаго этажа падать не думала, а что-нибудь проглотила случайно: гвоздь или стекло, а то и нарочно, шутки ради, осколкомъ или гвоздикомъ покормилъ ее какой любитель, есть такіе. Мучилась она и трудно ей было: то на спину повалится и катается по камнямъ, то перевернется на брюхо, переднія лапки вытянетъ, задеретъ мордочку, словно заглядываетъ въ окна, и мяучитъ.

Обступили кошку ребятишки, бросили свои дикія игры и дикія работы, кругомъ на корточки присѣли, притихли, не оторвутся отъ кошки, а она мяучитъ.

Персіанинъ — массажистъ изъ бань, черный, тоже около примостился, кружитъ бѣлками, а она мяучитъ.

Какой-то дымчатый котъ выскочилъ изъ каретнаго сарая, ходко шелъ по двору черезъ доски по щебню прямо на кошку, но шагахъ въ трехъ вдругъ остановился, ощетинился, да съ надутымъ хвостомъ въ сторону.

Схватилась одна дѣвочка, за молокомъ сбѣгала, принесла черепушку, поставила подъ носъ кошкѣ, а она и не глядитъ, все мяучитъ.

— Кошка съ ума сошла! — сказалъ кто-то взрослый: тоже, должно быть, какъ и Маракулинъ, изъ окна наблюдавшій за кошкой.

— Это наша кошка Мурка! — поправила дѣвочка, которая за молокомъ бѣгала, личико ея горѣло, а въ голосѣ прозвучала и обида и нетерпѣніе.

И всѣ, казалось, ждали одного: когда конецъ будетъ.

Маракулинъ не отходилъ отъ окна, не могъ оторваться, тоже ждалъ: когда конецъ будетъ.

И простоялъ бы такъ, не пошевельнулся, хоть до вечера, если бы не почувствовалъ, что сзади за

его спиной стоитъ кто-то, переминается: дверей онъ давно ужъ не запираетъ, вотъ и вошелъ кто-нибудь!

Да такъ и есть: старикъ какой-то стоялъ передъ нимъ, переминался, — всклокоченный старикъ, длинный, изъ-подъ пальто штаны болтаются на ногахъ, будто не ноги, однѣ костяшки у старика, въ рукахъ шапку теребитъ и еще что-то... конвертъ, да, конвертъ какой-то.

Онъ такого старика никогда не видѣлъ, конечно! — но что ему надо?

— Что вамъ угодно?

— Къ вашей милости, Петръ Алексѣевичъ, я отъ Александра Ивановича.

— Отъ Александра Ивановича!

— Отъ нихъ самихъ, двери забыли-съ запереть, а я тутъ-какъ-тутъ, а позвонить побоялся, извините, — старикъ шевелилъ губами, теребилъ шапку.

Въ прежнее время не разъ отъ Глотова приходили всякіе люди, — въ конторѣ для вечернихъ занятій народъ надобился, — но какъ вздумалось Глотову теперь послать къ нему человѣка, вѣдь Глотовъ же знаетъ, что онъ безъ мѣста, и вотъ одинъ пятачекъ у него въ карманѣ!

— Сдѣлать для васъ я ничего не могу, вамъ вѣдь денегъ надо...

Старикъ засуетился, вытащилъ изъ конверта измятую четвертушку, исписанную неровно и крупно.

— Я вашей милости прошеніе написалъ, стыдно просить, такъ я прошеніе написалъ! — старикъ тыкалъ четвертушкой и все улыбался и такою улыбкой, словно въ губахъ его гдѣ-то эта кошка мяукала, Мурка.

И сунувъ старику послѣдній свой пятачекъ, Мара-

кулинъ присѣлъ къ столу и ждалъ одного, когда уйдетъ старикъ, когда конецъ будетъ.

Старикъ не уходилъ, сжималъ въ кулакѣ пятачекъ и шапку, а въ другомъ конвертъ и измятую четвертушку, исписанную неровно и крупно.

Руки тряслись, и вотъ шапка не удержалась, упала на полъ.

— Что жъ Александръ Ивановичъ, какъ Александръ Ивановичъ, какъ поживаетъ? — спросилъ Макулинъ, чувствуя, какъ внутри его трясется все, и ужъ не выдержитъ онъ, крикнетъ, выгонитъ вонъ старика.

Старикъ по-птичьи длинно вытянулъ шею и клювомъ разинулъ ротъ.

— Нынче въ самомъ разу-съ, — словно обрадовался старикъ, затрясъ головою, — ужъ одѣты-то очень хорошо, какъ старшій дворникъ, поддевка и сапоги лаковые, какъ старшій дворникъ. „Иди, Гвоздевъ, прямо къ Петру Алексѣевичу на Фонтанку!" такъ и сказали. Какъ старшій дворникъ! Въ Царскомъ у нихъ былъ на дачѣ, шутитъ все, влюбленъ, говоритъ, въ мадамъ влюбились. Шутитъ все: „Голоднаго, говоритъ, накормить можно, бѣднаго обогатить можно, а коль скоро ты влюбленъ и предметъ твой тебѣ не взаимствуетъ, тутъ хоть тресни, нѣтъ помощи.» Ничего не понимаю-съ, шутитъ все. Пальто съ своего плеча подарили, а это Аверьяновъ бухгалтеръ — ихніе-съ, широки немножко. „Ты, говоритъ, Гвоздевъ, соблюдаешь?" — «Извините, говорю, Александръ Ивановичъ, я до женщинъ охотникъ.» Шутитъ все.

Безъ умолку, путанно говорилъ старикъ, но сѣсть не сѣлъ, и кулакъ не разжалъ и шапку не поднялъ.

Безпокойный старикъ, такой ужъ онъ безпо-

койный, служилъ онъ у Шаховскихъ въ конюхахъ въ Петербургѣ, должность хорошая, да лошадь взбѣсилась, ударила его въ грудь, онъ и пошелъ въ монастырь.

Съ тѣхъ поръ по монастырямъ: изъ монастыря въ монастырь переходитъ — такой складъ безпокойный — гдѣ начнетъ привыкать, сейчасъ же оттуда сбѣжитъ.

Съ мѣсяцъ назадъ изъ Череменецкаго сбѣжалъ.

— Прѣзрѣлъ меня человѣкъ одинъ знакомый, пустилъ къ себѣ въ комнату. На Зелениной комнату снимаетъ, такъ небольшая комнатка. Семейный самъ, Корякинъ, жена, ребенокъ маленькій, — дѣвочка, прѣзрѣлъ: всѣ вчетверомъ жили. А на Ольгинъ день старшая ихъ дочка въ Питеръ гостить пріѣхала, тѣсновато и неловко: дѣвица. Перебрался я на Обводный, уголъ снялъ — полтора рубля съ огурцами, хорошій уголъ въ проходѣ. Я, Петръ Алексѣевичъ, торговлишкой занялся бы, чтобы только хоть какъ-нибудь прожить...

Безъ умолку, путанно говорилъ старикъ, сливались и шипѣли слова, безпокойный старикъ.

А у Маракулина глаза застилало, вѣки тяжелѣли, ничего ужъ не видѣлъ, только болтались передъ глазами штаны старика, широкіе аверьяновы и не на ногахъ, а на костяшкахъ.

— Я до женщинъ охотникъ... полтора рубля съ огурцами, только чтобы хоть какъ-нибудь прожить.

Маракулинъ вскочилъ со стула:

— Да для чего, скажите, наконецъ, — крикнулъ онъ, — для чего прожить?

Но онъ одинъ былъ въ комнатѣ и больше никого.

Кошка мяукала, Мурка мяукала.

Онъ одинъ былъ въ комнатѣ, онъ заснулъ подъ разговоръ, старикъ догадался и съ пятачкомъ, съ его послѣднимъ пятачкомъ, крадучись, незамѣтно вышелъ, какъ и вошелъ незамѣтно.

И шапка на полу не валялась.

Кошка мяукала, Мурка мяукала.

И вдругъ Маракулину ясно подумалось, какъ никогда еще такъ ясно не думалось, что Мурка всегда мяукала и не вчера, а всѣ пять лѣтъ тутъ на Фонтанкѣ, на Бурковомъ дворѣ, и только онъ не замѣчалъ, и не только тутъ на Бурковомъ дворѣ — на Фонтанкѣ, на Невскомъ мяукала и въ Москвѣ, въ Таганкѣ — у Воскресенія въ Таганкѣ, гдѣ онъ родился и выросъ, вездѣ, гдѣ только есть живая душа.

И какъ ясно подумалось, такъ твердо сказалось, что ужъ отъ этого мяуканья, отъ Мурки никуда ему не скрыться.

И какъ твердо сказалось, такъ глубоко почувствовалось, что не на дворѣ тамъ мяукаетъ Мурка, а вотъ гдѣ...

— Воздуху дайте! — мяукала Мурка, какъ-бы выговаривала: в о з д у х у д а й т е! и каталась по камнямъ, глядя вверхъ къ окнамъ.

Тѣсно, еще тѣснѣе кругомъ ея сидѣли на корточкахъ ребятишки, забыли свои дикія игры и дикія работы, притихли, насторожились и тутъ-же черепушка съ молокомъ нетронутая стояла, и персіанинъ — массажистъ изъ бань черный не уходилъ прочь, кружилъ бѣлками.

Только къ вечеру поздно перебрался Маракулинъ въ свою новую комнату на пятый этажъ, гдѣ была раньше прачешная.

Въ квартирѣ, кромѣ кухарки Акумовны, никого

не было, хозяйка Адонія Ивойловна еще не вернулась — Адонія Ивойловна лѣтомъ на богомолье уѣзжала, оставляя квартиру на Акумовну, другія двѣ комнаты стояли безъ жильцовъ.

Въ первую ночь на новосельѣ приснился Маракулину сонъ, будто сидитъ онъ за столикомъ въ какомъ-то загородномъ саду противъ эстрады — Акваріумъ напоминаетъ садъ, а вокругъ все люди незнакомые: лица злыя и безпокойныя, и все ходятъ, поуркиваютъ, все шушукаются. Онъ и соображаетъ, что это о немъ они шушукаются, на его счетъ поуркиваютъ и недоброе у нихъ на умѣ, ой, не доброе! Сталъ его страхъ разбирать, а ихъ все больше подходитъ и тѣснѣе кругъ замыкается, и ужъ перестали шушукаться, а такъ глазами другъ другу показываютъ, понимаютъ другъ друга, на него показываютъ. И ужъ никакого сомнѣнія: ему дольше тутъ нельзя оставаться — убьютъ. Онъ всталъ да незамѣтно къ выходу, а они ужъ за нимъ: такъ и есть — убьютъ они. Убьютъ они его, задушатъ они его, куда ему дѣваться, куда скрыться? Господи, если-бы былъ хоть одинъ человѣкъ, хоть бы одинъ человѣкъ! А они — по пятамъ, близко, вотъ-вотъ нагонятъ. Онъ — въ гротъ, упалъ ничкомъ на камни. И вдругъ, какъ камень, сѣла ему на спину птица, не орелъ, коршунъ, который куръ носитъ, зажалъ крѣпко когтями, задралъ за спину, всего зажимаетъ, какъ куръ ломитъ. „Воръ, воръ, воръ!“ — стучитъ клювомъ. И тяжко — тяжело стало, удробило сердце, оборвалось, опустились руки и ужъ никакого сомнѣнія: ему никогда не подняться, не стать на ноги, — и тяжко и горечь и тоска смертельная.

— Нехорошій сонъ, — сказала Акумовна, когда на утро Маракулинъ разсказалъ Акумовнѣ о ночныхъ

людяхъ и птицѣ-коршунѣ, — видѣть его передъ болѣзнью, обязательно заболѣете.

А ужъ хвороба — болѣзнь привязалась, его ломало всего, размогался онъ, и голову клонитъ, онъ ужъ боленъ былъ: по утру стаканъ чаю едва допилъ и кусокъ нейдетъ въ горло.

Стояли петровскія жары, а его трясло, какъ въ крещенскій морозъ.

Акумовна божественная, такъ по Буркову двору величали Акумовну божественной, добрая душа, уложила Маракулина въ постель и малиной поила и горчишники ставила, дни и ночи ходила за нимъ и выходила.

Отвязалась хвороба-болѣзнь, отошла отъ него.

И все-таки недѣльки двѣ провалялся.

Первое, что онъ почувствовалъ, — когда послѣ болѣзни переступилъ за порогъ дома и очутился на улицѣ, — онъ теперь все видѣть какъ-то сталъ и все слышалъ.

И еще онъ почувствовалъ, что и сердце его раскрывается и душа живетъ.

Одному надо предать, чтобы черезъ предательство свое душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ самимъ собою, другому надо убить, чтобы черезъ убійство свое душу свою раскрыть и ужъ, по крайней мѣрѣ, умереть самимъ собою, а ему, должно быть, надо было талонъ написать какъ-то, да не тому лицу, кому слѣдовало, чтобы душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ и не просто какимъ-нибудь Маракулинымъ, а Маракулинымъ Петромъ Алексѣевичемъ:

видѣть, слышать и чувствовать!

Такъ сказалось у Маракулина въ его первый же день послѣ болѣзни, такъ нашелъ онъ себѣ лазейку

опять на свѣтъ выбраться, такъ доказалъ онъ свое право на существованіе:

только видѣть, только слышать, только чувствовать!

Людей онъ не боялся, не страшны они ему. И стало ему какъ-то совсѣмъ не важно: воръ онъ или не воръ. И бѣды никакой не боялся.

И если бы, думалось ему, упало на него бѣдъ въ тысячу разъ больше, онъ ко всему готовъ, онъ на все согласенъ, все приметъ и все претѣрпитъ, и жить будетъ въ какомъ-угодно позорѣ и въ какомъ-угодно униженіи, все видя, все слыша, все чувствуя, а для чего, самъ не знаетъ, только будетъ жить.

На перекоръ-ли бѣдѣ — лиху одноглазому, а ему одноглазому гдѣ тужатъ и плачутъ, тутъ ему и праздникъ, изморилъ онъ бѣду свою, пустилъ ее голодную по землѣ гулять, и одноглазый, своимъ налившимся окомъ косо посматриваетъ изъ-за облаковъ съ высоты надзвѣздной, какъ въ горѣ, въ кручинѣ, въ нуждѣ, въ печали, въ скорби, въ злобѣ и ненависти земля кувыркается и мяучитъ Муркой, а, можетъ, терпитъ до времени... нѣтъ, онъ любуется:

— Въ чемъ застану, сужу тебя!

Или на зло горю-бѣдѣ, тощей, жидкой, пережимистой, лыкомъ подпоясанной, мочаломъ пріопутанной, всклокоченной, какъ старикъ Гвоздевъ, на зло насмѣшкамъ ея, на зло слезамъ ея притворнымъ, когда, въ яму столкнувъ, заплачетъ:

— Се человѣкъ!

Или постигъ онъ въ муркиномъ мяуканьѣ, въ обреченности Мурки мяукать, какую-то высшую справедливость, кару за какой-то Муркинъ изначальный грѣхъ, неискупленный и незаглаженный и, можетъ, пустяковскій, да сказано:

— Кто весь законъ соблюдаетъ, но въ одномъ согрѣшитъ, во всемъ виновенъ!

И, найдя право свое въ первородномъ безправіи, покорился въ страхѣ и трепетѣ.

Или любовь его къ жизни, чутье его къ жизни — веселость духа — основа и стержень его жизни оправдали его, подсказали умѣнье найтись, приладиться и приноровиться и безъ всякихъ словъ и безъ всякихъ доказательствъ, какъ свойства души его?

Или онъ просто будетъ жить и не наперекоръ и не на зло, и не отъ разумѣнія и не благодаря свойству своему душевному, а такъ просто — не для чего, какъ не для чего передъ праздникомъ директору отчетъ переписывалъ, дни и ночи упорно выводя букву за буквой, нанизывая буквы, какъ бисеръ?

Такъ что-ли?

Такъ, въ этомъ родѣ промелькнуло тогда у Маракулина и ясно сказалось:

Не для чего, — не для чего, а будетъ жить! — только видѣть, только слышать, только чувствовать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Бурковъ домъ ни въ какую стѣну не упирается.

Противъ — Обуховская больница. Между домомъ и больницею два двора: Бурковъ дворъ и Бельгійскаго Общества. Заводъ Бельгійскаго Общества по правую руку — четыре кирпичныхъ трубы съ громоотводами коптятъ цѣлый день и оттого между рамъ черная копоть. На эту копоть Акумовна, убирая передъ праздникомъ комнаты, всегда сѣтуетъ, только винитъ почему-то не кирпичныя бельгійскія трубы, а огромный молочный электрическій фонарь, который освѣщаетъ бельгійскій дворъ.

Луна въ окно заглядываетъ, а солнца никогда не видно, и только лѣтомъ комната Маракулина пышетъ, какъ жаркая сковородка: лучи ложатся вмѣстѣ съ пылью и съ тѣмъ надоѣдливымъ стукомъ желѣза о камень, какимъ стучитъ подновляющійся и подстраивающійся Петербургъ лѣтомъ.

И звѣздъ тоже немного, глядитъ всего одна звѣзда вечерняя и то по веснѣ въ глухую не темную полночь, зато огонекъ въ Обуховской больницѣ всегда, какъ звѣзда.

Когда на дворѣ Бельгійскаго Общества появляются черные люди и, ровно каторжники, одинъ за другимъ везутъ съ Фонтанки черныя тачки съ каменнымъ углемъ, и день за днемъ дворъ выростаетъ въ черную гору, это значитъ лѣто прошло, зима наступаетъ — осень.

Когда-же гора начинаетъ убывать и тая, какъ

снѣгъ, расползается, и снова появляются съ черными тачками черные люди и въ звонкихъ тачкахъ развозятъ куда-то послѣдніе черные куски, и на дворѣ, усыпанномъ сѣдымъ пескомъ, подымаются бѣлыя палатки и въ сѣрыхъ больничныхъ халатахъ бродятъ стриженные землистые люди да мелькаетъ красный крестъ бѣлыхъ сестеръ, это значитъ зима прошла, лѣто наступаетъ — весна.

„Бурковъ домъ — весь Петербургъ!“

Такъ любили говорить на Бурковомъ дворѣ.

Парадный конецъ дома въ переулокъ къ казармамъ — квартиры богатыя.

Тамъ живетъ самъ хозяинъ Бурковъ — бывшій губернаторъ: отъ его мундира, какъ отъ электричества, видно, а прихожая его въ погонахъ и пуговицахъ.

Этажемъ выше — присяжный повѣренный Амстердамскій, двѣ квартиры занимаетъ.

Еще выше — Ошурковы мужъ съ женою — десять комнатъ, всѣ десять разными мелкими вещицами поизнаставлены и акваріумъ съ рыбками, прислуга то-и-дѣло мѣняется.

Сосѣдъ Ошурковыхъ — нѣмецъ, докторъ медицины Виттенштаубе, лѣчитъ отъ всѣхъ болѣзней рентгеновскими лучами.

Надъ Ошурковыми и Виттенштаубе генеральша Холмогорова или вошь, какъ величали генеральшу по двору.

Надъ генеральшей никто не живетъ, а подъ самимъ Бурковымъ контора и на углу булочная.

Самого Буркова никто не видалъ и только ходили слухи о какомъ-то его самоистребленіи, будто, губернаторствуя гдѣ-то въ Пурховцѣ и истребляя крамолу, такъ развернулся, что подписалъ въ числѣ про-

чихъ бумагъ донесеніе въ министерство о своей полной непригодности, и благополучно, но совершенно неожиданно для себя отозванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и получилъ отставку.

Холмогорову генеральшу, напротивъ, всякій видѣлъ и всѣ очень хорошо знали, что процентовъ однихъ ей до ея смерти хватитъ а проживетъ она еще съ полсотни — крѣпкая и живая, всѣхъ переживетъ или, по словамъ хироманта, конца жизни ей не видно, и знали также про генеральшу, что ходитъ она по вторникамъ въ баню париться, и такъ закалилась, что и не старѣетъ, а все въ одномъ положеніи, и еще знали, и Богъ вѣсть откуда, что на духу ей будто совсѣмъ не въ чемъ и каяться: не убила и не украла и не убьетъ и не украдетъ, потому что только питается — пьетъ и ѣстъ — перевариваетъ и закаляется, и наконецъ, знали, что выходитъ она изъ дому не иначе, какъ со складнымъ стульчикомъ, а беретъ она его на случай, если нападутъ, и такъ со стульчикомъ можно ее ежедневно встрѣтить прогуливающуюся по Фонтанкѣ для моціона, а по субботамъ и въ воскресенье, подъ праздники и въ праздникъ на Загородномъ въ церкви и изъ церкви.

Всякій день въ полдень по пушкѣ на дворѣ появляется бурковская горничная Сусанна, похожая больше на какую-нибудь барышню — департаментскую машинистку, чѣмъ на горничную, и водитъ по двору красивую губернаторскую собаку — рыжаго пса Ревизора, едва сдерживая стальную докучливую цѣпь.

По середамъ во дворъ выносятся ковры, а передъ праздниками мягкая мебель, и полотеры вытряхиваютъ и выбиваютъ такъ усердно и съ такимъ гро-

момъ, что иной разъ кажется, на Невѣ изъ пушекъ палятъ: не то покушеніе, не то наводненіе. И всѣ эти ковры и мебель съ параднаго конца — изъ богатыхъ квартиръ: отъ Буркова, Амстердамскаго, Ошурковыхъ, отъ Виттенштаубе и Холмогоровой генеральши.

Черный конецъ дома — квартиры маленькія и жильцы средніе, а больше мелкіе.

Тутъ и сапожникъ и портной, пекаря, банщики, парикмахеры, прачешная, двѣ бѣлошвейныхъ, три портнихи, сидѣлка изъ Обуховской, кондуктора, машинисты, шапочники, зонтичники, щеточники, приказчики, водопроводчики, наборщики и разные механики, техники и мастера электрическіе съ семьями, съ тряпками, съ пузырьками, съ банками и тараканами и всякія барышни съ Гороховой и Загороднаго и дѣвицы — портнишки и дѣвицы изъ чайной, и шикарные молодые люди изъ бань, прислуживающіе петербургскимъ дамамъ до востребованія.

Тутъ же и углы.

Содержатель угловъ торговецъ Горбачевъ — молчокъ, такая кличка ему по двору, коренастый, осадистый, съ сѣдиной старикъ, богомольный, окуривающій ладаномъ по субботамъ всѣ свои тридцать угловъ, на Марсовомъ полѣ три ларя имѣетъ.

Въ праздники у Горбачева толкутся дѣвицы въ черныхъ платочкахъ и монашки-сборщицы въ сапогахъ, а на Пасху всѣ эти дщери пѣснопѣнія и весело и задорно охватываютъ ему Христосъ воскресъ.

Горбачева всѣ знаютъ и не очень долюбливаютъ, а Горбачевъ дѣтей терпѣть не можетъ.

Генеральша Холмогорова, какъ говорятъ, тоже дѣтей терпѣть не можетъ, да у ней своихъ никогда

не было, а у Горбачева была дѣвочка и онъ ее въ пустомъ крысиномъ чуланѣ держалъ и пальцы ей выламывалъ, пока на тотъ свѣтъ не отправилъ.

Ребятишки дразнятъ Горбачова, прозвища даютъ ему всякія, дикими стаями ходятъ за нимъ, надъ ладаномъ его подсмѣиваются и надъ носомъ, заросшимъ конскимъ волосомъ, и оттого по двору разсыпается крѣпкое слово и летучее — такая отборная, крѣпкая русская рѣчь, какую въ острогѣ рѣдко услышишь, а острогъ ей академія.

— Времена созрѣли, исполнилась чаша грѣха, наказаніе близко, я всѣхъ васъ, шельмецовъ, перевѣшаю на веревочкѣ! — ворчитъ обиженный, изведенный ребятишками старикъ-молчокъ и потягиваетъ своимъ въ конскомъ волосѣ горбачевскимъ носомъ, окуривая ладаномъ по субботамъ всѣ свои тридцать угловъ, и злобно и горько перемѣшивая божественное съ непотребнымъ.

Горбачевскіе углы извѣстные.

Тутъ и старуха, торгующая у бань подсолнухами, сѣмячками, цареградскимъ стручкомъ, леденцами въ бахромѣ съ розовой бумажкой и селедкой и мочеными дулями, и кухарки безъ мѣста, и такъ разные люди, вродѣ безпокойнаго старика Гвоздева, и маляръ и столяръ и сбитенщикъ, тутъ и разносчики.

Шкапчики разносчиковъ — ларьки — надъ дровяными подвалами отъ помойки съ одной стороны, а съ другой — отъ мусорной ямы.

Раннимъ утромъ, когда дворники прибираютъ и метутъ дворъ, кипитъ у разносчиковъ на лоткахъ работа: яблоки, апельсины, шептала, черносливъ, финики и другія сласти и лакомства, все это бережно и заманчиво раскладывается и перекладывается, подсвѣжается и подновляется и затѣмъ развозится на

фонтанку и ужъ такое соблазнительное, такое вкусное, кажется, нѣтъ силъ удержаться и не купить къ чаю, ну хоть финикъ, либо плиточку постнаго сахару, пахнущаго поганками.

И какъ горбачевскіе углы никогда не пустуютъ, такъ и разносчичьи шкапчики — ларьки всегда полны соблазнительныхъ сластей и лакомствъ.

Около угловъ дворницкая. Семь дворниковъ. Всѣ на видъ такіе здоровые и всѣ больны чѣмъ-нибудь такимъ, ну хоть бы на смѣхъ одинъ попался! И дѣло дворницкое — дѣло не легкое и дежурь, и дрова носи, и въ часть таскай, все прямо съ топора дѣлай. Одна выгода — дрова. Только парадный конецъ дома на хозяйскихъ, черные же — мелкота на своихъ, свои дрова покупаетъ, и бурковскіе дворники, всѣ семь, какъ одинъ дровами промышляютъ.

Надъ дворницкой — старшій Михаилъ Павловичъ, по благообразію своему подходящъ больше къ Невской лаврѣ — быть бы ему въ Лаврѣ не изъ послѣднихъ, праздничныхъ меньше рубля не беретъ.

Надъ Михаиломъ Павловичемъ — паспортистъ Еркинъ и конторщикъ Станиславъ.

Еркинъ во всемъ Бурковомъ дворѣ по части выпивки первый, такъ всѣ и знаютъ. И на праздникахъ, взобравшись куда-нибудь на пятый этажъ, нерѣдко позвонитъ въ квартиру, пролопочетъ, что за праздничнымъ двугривеннымъ явился, но тутъ и падётъ на порогѣ, какъ мертвый, а то съ лѣстницы катился тоже не то на Рождество, не то на Пасху да такъ со ступеньки на ступеньку — любитъ-не-любитъ, пока весь же исполосовался о камни и узнать его отказались. Послѣ новаго года, на Богоявленье, дворничиха Антонина Игнатьевна, жена Михаила Павловича, женщина богобоязненная, водила

его къ братцу въ Гавань возвратить на путь истинный, и возвратился онъ на путь истинный: далъ братцу зарокъ — росписку, что прекращаетъ пить на годъ до новаго года. Еркинъ больничными марками промышляетъ и марки для него, — все больше рублевыя! — что дрова для бурковскаго дворника.

Сожитель Еркина — Станиславъ конторщикъ, все равно, какъ монтеръ Казимиръ, пріятель Станислава, искони извѣстны тѣмъ, что по ночамъ лазаютъ по всѣмъ лѣстницамъ, и ни одна кухарка и никакая горничная, еще не было случая, чтобы устоять могла. И любой семеновецъ передъ ними просто дрянь.

Свадьбы, покойники, случаи, происшествія, скандалы, драки, мордобой, караулъ и участокъ, и не то человѣкъ кричитъ, не то кошка мяучитъ, не то душатъ кого-то, — такъ всякій день.

„Бурковъ домъ — сущая Вязьма!"

Такъ любили говорить на Бурковомъ дворѣ.

Квартира Адоніи Ивойловны Журавлевой, хозяйки Маракулина, на черномъ концѣ дома, номеръ семьдесятъ девять.

Въ семьдесятъ восьмомъ — акушерка Лебедева. У акушерки въ рождественскій постъ шубу зимнюю мѣховую украли, а вора не нашлось, какъ въ печкѣ сгорѣло. Винили швейцара Никанора, что не доглядѣлъ, а гдѣ Никанору углядѣть: онъ и день на ногахъ и ночью звонки, такъ круглый годъ. Конечно, умный воръ — свой, ничего не подѣлаешь.

Въ семьдесятъ седьмомъ — тоже сосѣдняя квартира — одно время жили два студента — Шевелевъ и Хабаровъ. На видъ изъ состоятельныхъ, и одѣвались они богато и деньги впередъ за мѣсяцъ заплатили. Жили замкнуто, никто къ нимъ не приходилъ, никакихъ гостей не бывало, не бывало и

шуму въ ихъ квартирѣ, прислуги своей не держали. Обыкновенно съ утра они уѣзжали и лишь позднимъ вечеромъ возвращались домой: занимались они сборомъ денегъ въ пользу своихъ бѣдныхъ товарищей, какъ сами объясняли, когда обходили со сборомъ бурковскіе концы — и парадный и черный. И только одно было отъ нихъ неудобство: часто по ночамъ и не громко, но все-таки слышно они пѣли, и почему-то пѣли они панихиду — „Со святыми упокой" — „Надгробное рыданіе" — „Вѣчную память". И ночное похоронное пѣніе приводило сосѣдей, если не въ трепетъ, то во всякомъ случаѣ въ нѣкоторое волненіе. И что-же? Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ оказалось, что вовсе они и не студенты, и по фамиліи не Шевелевъ и Хабаровъ, а Шибановъ и Коченковъ — воры самые настоящіе, а квартира ихъ, какъ нежилая, — пусто, хоть бы стулъ какой безногій, — ничего, одинъ стеариновый огарокъ въ пивной бутылкѣ да какой-то мѣдный кранъ, больше ничего. А нагрѣли они не мало, ихъ и арестовали.

На мѣсто студентовъ въ семьдесятъ седьмомъ поселились артисты — два брата Дамаскины: Сергѣй Александровичъ изъ балета — экзаменъ на двѣнадцать языковъ сдалъ и всѣ законы произошелъ, какъ говорили по двору, и Василій Александровичъ, клоунъ изъ цирка, или клонъ по-бурковски: огоньки пускаетъ и ничего не боится, на летучемъ шарѣ леталъ! Артистами называлъ артистовъ старшій Михаилъ Павловичъ, проникшійся къ братьямъ Дамаскинымъ какимъ-то необыкновеннымъ и совсѣмъ непонятнымъ для себя уваженіемъ, какъ къ какому-нибудь братцу изъ Гавани.

* *

*

Василій Александровичъ клоунъ — тѣло у него, какъ чайная чашка. Сергѣй Александровичъ — тоненькій и аккуратный, какъ барышня шестнадцати лѣтъ, ходитъ — земли не касается, и крутой, какъ трехлѣтній ребенокъ — шибко идетъ, а туфельки у него, ровно безъ пятокъ, и всякій часъ гимнастикою, какъ говорится, ногу провѣряетъ: такъ затропочетъ ногами, какъ пѣтухъ крыльями. Василій Александровичъ — только въ своемъ циркѣ, и всякій вечеръ что-нибудь представляетъ, такъ полагается. Сергѣй Александровичъ и въ театрѣ танцуетъ и уроки даетъ: и у себя и на домъ ѣздитъ.

Зарабатывали артисты порядочно, но сыпали деньгами, какъ стружкой. Сергѣй Александровичъ въ карты игралъ и всегда проигрывалъ. Изъ долгу не выходили и нерѣдко случалось по-зарѣзъ.

И тотъ и другой не старше Маракулина. Сергѣй Александровичъ женатъ былъ, но жена отъ него ушла. И хотя онъ увѣрялъ ее, что любовь бываетъ одинъ разъ — одна на свѣтѣ любовь, и если онъ ухаживаетъ за своими ученицами, то такое ужъ у него занятіе, и если разговариваетъ съ какою-нибудь красавицей, то какъ съ человѣкомъ съ ней разговариваетъ, а сердца нѣтъ, все-таки жена ушла. Сергѣй Александровичъ чистоплотный. Василій Александровичъ — напротивъ: подавай ему всякій день барышню, безъ этого онъ жить не можетъ, и ничѣмъ не брезгуетъ, не боится, если даже и знаетъ что, но зато, хоть и не часто, а ходитъ въ церковь. Сергѣй же Александровичъ и въ Пасху дома сидѣлъ. А когда однажды у Сергѣя Александровича заболѣли зубы и онъ рѣшилъ, что помираетъ, то и не подумалъ священника попросить, нѣтъ, предупредилъ рабыню —

такъ называли артисты свою кухарку Куьзмовну — и даже очень грозно:

— Приведешь попа, — сказалъ онъ въ зубномъ остервенѣніи, — я его, стервеца, съ лѣстницы спущу!

И спустилъ бы:

Сергѣй Александровичъ большой философъ!

Маракулинъ съ акушеркой Лебедевой только раскланивался, не понравилась она ему: все какъ-то въ карманъ смотритъ и какая-то она припадающая и на два голоса разговариваетъ — у кого въ карманѣ туго, съ тѣмъ однимъ голосомъ, а у кого нѣтъ ничего — другимъ голосомъ. На поклоны Маракулина акушерка Лебедева скоро прекратила отвѣчать, да и онъ ее какъ-то не замѣчалъ ужъ.

Со студентами Маракулинъ не былъ знакомъ и всего нѣсколько разъ столкнулся на лѣстницѣ: онъ подымался, а они внизъ сбѣгали; по ночамъ онъ первый былъ слушатель ихъ студенческаго похороннаго пѣнія. Съ перваго взгляда такіе молодцы ему по душѣ пришлись: очень ужъ ловкіе и жизнерадостные.

А съ артистами онъ подружился и бывалъ у нихъ — заходилъ вечеркомъ чаю попить.

Артисты — происхожденія духовнаго, образованія семинарскаго, и оба — какъ курица бритая, и оба размычь-горе, носъ не повѣсятъ и безъ спички отъ папироски не закурятъ.

Василій Александровичъ — клоунъ не очень разговорчивый, но и въ разговорѣ не помѣха, добродушный, и смѣялся, когда и не смѣшно, совсѣмъ по какимъ-то, должно быть, своимъ линіямъ, по клоунскимъ.

Сергѣй Александровичъ поговорить любилъ. Онъ и книгочій, читалъ не только юмористическіе журнальчики съ картинками, въ родѣ петербургскаго Сатирикона, не только знаменитаго Андрея Тяжело-

испытаннаго, въ его рукахъ бывала не одна какая-нибудь „Эльза Гавронская или страшныя тайны подземелья“, не какія-нибудь „Страшныя похожденія атамана разбойниковъ Черворука“, „Любовныя свиданія Берицкаго“, „Похищеніе Людмилы лѣснымъ разбойникомъ Александромъ“ — любимое чтеніе клоуна, онъ читалъ и самую нашумѣвшую книгу, которую вездѣ увидишь: и у Суворина, и у Вольфа, и у Митюрникова, на Невскомъ, въ Гостиномъ, на Литейномъ и даже на Гороховой, въ единственномъ по Гороховой книжномъ магазинѣ за окномъ стоитъ выставлена.

И за чаемъ на всѣ гробокопательскія доказательныя разсужденія Маракулина Сергѣй Александровичъ отвѣчалъ обыкновенно пространными собственными разсужденіями о судьбахъ и судьбѣ всякихъ странъ, народовъ и человѣка вообще, оканчивая, впрочемъ, кратко:

— Надо отъ всего отряхнуться! — и при этомъ такъ тропоталъ ногами, какъ пѣтухъ крыльями.

Сергѣй Александровичъ — большой художникъ!

* *
*

Хозяйка Маракулина Адонія Ивойловна Журавлева — не молодая, полная и очень добрая, пятнадцать лѣтъ вдовѣетъ: пятнадцать лѣтъ, какъ голодною смертью померъ отъ рака мужъ ея, на Смоленскомъ похороненъ. Сама она не петербургская, мужъ петербургскій, сама она поморка — бѣломорская. У мужа своя торговля была на Садовой, суровская лавка — миткаль и нитки; въ аренду лавку сдавала. Дѣтей у ней нѣтъ и только родственники по мужу, и у нихъ дѣтей нѣтъ, всего одинъ племянникъ. Племянникъ приходитъ на праздникахъ — въ Рождество и Пасху — съ праздникомъ ее поздравить да въ именины и въ

рожденье съ ангеломъ и рожденьемъ поздравить. Она богатая — денегъ много и некуда ей деньги дѣвать и очень ее сокрушаетъ, что дѣтей нѣтъ и, вздыхая, сѣтуетъ она на предопредѣленную ей судьбой бездѣтную жизнь.

Занимаетъ Адонія Ивойловна крайнюю комнату: какъ войдешь, направо изъ прихожей ея комната. Цѣлый день дома, на улицу не выходитъ: и тяжко ей съ лѣстницы спускаться — нога подвертывается, и одышка беретъ обратно лѣзть, и боится трамваевъ.

И только одно развлеченіе въ кухнѣ, — въ кухню къ Акумовнѣ прогуляться, о кушаньяхъ поговорить.

Адонія Ивойловна покушать любитъ.

Комнаты всѣ под рядъ. Крайняя къ кухнѣ — Маракулина. И Петру Алексѣевичу слышно, какъ по утрамъ заказывается обѣдъ.

Адонія Ивойловна любитъ особенно рыбныя кушанья. И съ какимъ душу выворачивающимъ вкусомъ наставляетъ она Акумовну о стерлядяхъ — ухѣ стерляжьей.

— Ты, Ульянушка, — говоритъ она Акумовнѣ, говоритъ словно бы слезы глотаетъ, — ты наперво, Ульянушка, окуней вывари до изнеможенія, а затѣмъ класть стерлядь, вкусная уха выйдетъ.

И правильно, вкусная варилась уха, душевыворачивающій стерляжій сладкій духъ разваривающейся жирной стерляди переполнялъ и кухню и всѣ четыре комнаты, и едва ужъ сидитъ, еле дождется Маракулинъ счастливѣйшаго часа — блаженнѣйшей минуты идти въ столовую на Забалканскій.

Адонія Ивойловна покушать умѣла.

Зиму сиднемъ сидитъ, усидчивая, по двору ее не иначе, какъ кузницею звали за эту усидчивость, но чуть весна — и ужъ нѣтъ ея въ Петербургѣ: цѣ-

лое лѣто разъѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто по святымъ мѣстамъ.

Любитъ Адонія Ивойловна блаженныхъ и юродивыхъ, старцевъ и братцевъ и пророковъ.

Была она и у безумствующаго старца подъ Кишиневомъ, страшные его разсказы слушала о Страшномъ судѣ и о мукахъ надъ грѣшниками, и такіе страшные — въ неумѣ расходились богомольцы и бѣснованію предавались, а иные тутъ же на мѣстѣ отъ страха адскихъ мукъ помирали — такіе страшные разсказы.

Была она и на Уралѣ у Макарія, на птичникѣ живетъ старецъ, за птицею ходитъ, съ птицею разговариваетъ, и весь скотъ старцу повинуется: станетъ старецъ на закатѣ солнца молиться и скотъ станетъ — повернетъ рогатыя, бородатыя головы да въ ту же сторону, куда старецъ молится, и стоитъ, не переступнетъ, гремкомъ не гремнетъ и бубенцомъ не звякнетъ.

Была она и въ Верхотурьѣ у Ѳедотушки Кабакова, молитвою вызывающаго гласъ съ небеси.

Была и у того самаго старца, который старецъ прикоснется къ тебѣ и прикосновеніемъ своимъ ангельскую чистоту сообщитъ — возведетъ въ райское состояніе.

Была и у китаевскаго пророка: свой языкъ даетъ старецъ сосать, высунетъ тебѣ, пососешь и освѣтишься — благодать получишь.

И у многихъ другихъ старцевъ побывала она на своемъ вѣку: и въ Богодуховскомъ — нечистыхъ духовъ соитіемъ плоть умерщвляя изгоняетъ старецъ, и у Босого — Ивановскаго старца, и у Даміана старца, и у Фоки Скопинскаго, на огненномъ кострѣ сжегшагося.

Любитъ Адонія Ивойловна блаженныхъ и юродивыхъ, старцевъ и братцевъ и пророковъ. И вѣкъ бы ей слушать непонятные ихъ разговоры и притчи ихъ и слова ихъ, и молиться бы въ ихъ кельяхъ, гдѣ лампады сами собою зажигаются, какъ свѣча іерусалимская.

Но горе ея: не говорятъ они съ нею, ей одной на особицу ничего не говорятъ. Или лѣтами стара она или ужъ отъ умиленія словъ пророческихъ не слышитъ, или не дано ей услышать?

И только одна сестрица Параша сказала:

— Корабли пойдутъ, много кораблей — далеко!

И часто зимою, сидя на Фонтанкѣ одна въ своей душной комнатѣ, Адонія Ивойловна повторяетъ:

— Корабли, корабли! — а уразумѣть ничего не можетъ, и слезы горохомъ катятся.

Сходство у Адоніи Ивойловны съ тюленемъ прямо поразительное — вылитый мурманскій тюлень.

Любитъ Адонія Ивойловна блаженныхъ и юродивыхъ, старцевъ и братцевъ и пророковъ, и есть у ней еще страсть такая непреоборимая: море — любитъ она море.

Всѣ русскія моря она объѣздила и на Мурманѣ по Ледовитому океану плавала, гдѣ китъ живетъ, и, наконецъ, видѣла Средиземное море.

И часто зимою, сидя на Фонтанкѣ одна въ своей душной комнатѣ, вспоминаетъ она и Бѣлое — свою родину, и Черное — теплое, и изумрудное море Средиземное, а вспоминая море, повторяетъ пророческія Парашины единственныя слова:

— Корабли, корабли! — а уразумѣть ничего не можетъ и слезы горохомъ катятся.

По ночамъ Адонію Ивойловну сны одолѣваютъ. Пестрые снятся ей сны.

Ей снится ея родина, родныя рѣки — Онега рѣка, Двина рѣка, Пинега рѣка, Мезень рѣка, Печора рѣка и тяжелая парча старо-русскихъ нарядовъ, бѣлый жемчугъ и розовый лапландскій, киты, тюлени, лопари, самоѣды, сказки и старины, долгія зимнія ночи и полунощное солнце, Соловки и хороводы.

Ей снятся холмогорскія комолыя коровы, цѣлое стадо, и глаза у коровъ человѣчьи и онѣ будто ластятся къ ней спинами, а потомъ выходитъ корова, подаетъ ногу, какъ руку, говоритъ:

„Адонія Ивойловна, учи меня говорить!"

А за нею другая выходитъ и такъ за коровой корова и каждая ногу подаетъ, какъ руку, и всѣ объ одномъ просятъ:

„Адонія Ивойловна, учи меня говорить!"

Ей снятся скорпіи-хамелеоны и всѣ будто во фракахъ, по стѣнамъ разсѣлись, извиваютъ хвостъ, то изумрудный, то багряный, какъ студеный закатъ, и только смотрятъ на нее, и ужъ вся стѣна въ скорпіяхъ-хамелеонахъ, вездѣ они и на иконахъ и за иконами, и одинъ хвостъ, какъ тысяча малыхъ хвостовъ, машетъ ей, манитъ то изумрудный, то багряный, какъ студеный закатъ.

А то глупость приснится: будто ѣстъ она ватрушку и, сколько ни ѣстъ, все не сыта, и ватрушка не убываетъ.

Всякій день Акумовна сны толкуетъ, а по вечерамъ за чаемъ на картахъ гадаетъ. Акумовна можетъ гадать и на вербѣ и на каретныхъ свѣчахъ, а въ зимнее время по узору на стеклѣ — на цвѣтахъ морозныхъ, но всего вѣрнѣе она на картахъ гадаетъ.

Осенній вечеръ. На дворѣ петербургскій дождикъ. Изъ желобовъ глухо съ собачьимъ воемъ стучитъ вода по камнямъ. Бельгійскій электрическій фонарь сквозь туманы и дымъ, колеблясь, свѣтитъ, какъ луна. Въ окнѣ Обуховской больницы одинъ огонекъ.

Въ крайней комнатѣ — въ душной комнатѣ у Адоніи Ивойловны, поетъ самоваръ — не выживаетъ, онъ полонъ и горячъ, паръ выбивается, пѣвунъ, заигралъ игрою. Поетъ самоваръ на всѣ комнаты.

Акумовны нѣтъ въ кухнѣ, Акумовна съ картами у Адоніи Ивойловны, Акумовна гадаетъ. Самоваръ гаснетъ и пѣніе его тише и голосъ Акумовны глуше:

— Для дома.

— Для сердца.

— Что будетъ.

— Чѣмъ кончится.

— Чѣмъ успокоится.

— Чѣмъ удивитъ.

— Всю правду скажите со всѣмъ сердцемъ чистымъ.

— Что будетъ, то и сбудется.

А карта, должно быть, выходитъ нечистая, все неважная, все темная.

Плачетъ Адонія Ивойловна. Да и какъ ей не плакать? Похоронили мужа ея на Смоленскомъ кладбищѣ, а она хотѣла положить его въ Невской лаврѣ: родственники настояли, не послушали ее. Онъ ко всѣмъ добрый былъ, помогалъ много, а они его не любили. Она одна любила его, и ее не послушали. А на кладбищѣ земля подъ нимъ уходитъ, обваливается земля.

И опять голосъ Акумовны, но еще глуше:

— Для дома.

— Для сердца.

— Что будетъ.

— Чѣмъ кончится.

— Чѣмъ успокоится.

— Чѣмъ удивитъ.

— Всю правду скажите со всѣмъ сердцемъ чистымъ.

— Что будетъ, то и сбудется.

А карта все та же. И тѣ же слезы. Плачетъ Адонія Ивойловна: она одна любила, и ее не послушали, уходитъ земля подъ нимъ, обваливается земля.

— Обвиноватить никого нельзя! — говоритъ вдругъ Акумовна.

Осенній вечеръ. На дворѣ петербургскій дождикъ. Изъ желобовъ глухо съ собачьимъ воемъ стучитъ вода по камнямъ. Бельгійскій электрическій фонарь сквозь туманы и дымъ, колеблясь, свѣтитъ, какъ луна. Въ окнѣ Обуховской больницы одинъ огонекъ.

Въ крайней комнатѣ — въ душной комнатѣ у Адоніи Ивойловны три неугасимыя лампадки. Адонія Ивойловна долго молится.

И въ кухнѣ — въ насыщенной живучимъ стерляжьимъ духомъ и сушенымъ грибомъ кухнѣ у Акумовны три неугасимыя лампадки.

Акумовна долго молится.

— Корабли, корабли! — доносится ночью голосъ сквозь слезливый храпъ.

А ему отвѣчаетъ другой съ другого конца голосъ:

— Обвиноватить никого нельзя!

И третій слышится, третій идетъ черезъ стѣнку отъ артистовъ:

— Надо отъ всего отряхнуться.

И ежится, сжимается весь притихнувшій, насторожившійся не-веселый Маракулинъ и твердитъ себѣ

все одно и то же и напрасно: непокорливый, онъ больше не можетъ не думать, онъ больше не можетъ не слышать своихъ мыслей и всякій миръ далекъ отъ него.

* *
*

Божественная Акумовна — по паспорту тридцати двухъ лѣтъ, дѣвица, но по собственнымъ увѣреніямъ ея, хотя и безъ всякихъ увѣреній ясно, ей не тридцать два, а вѣрныхъ пятьдесятъ. Она псковская или псковитянка, какъ величаютъ ее артисты, къ которымъ частенько она забѣгаетъ на картахъ погадать, а Сергѣю Александровичу готова хоть и цѣлый день гадать, да и рабыня Кузьмовна, напоминающая не то флюндру какую, не то мороженную курицу съ Сѣнной, въ родѣ кумы ей.

Акумовна маленькая, черненькая, лицо очень смуглое — жукъ, а улыбается и поглядываетъ какъ-то по-юродивому не прямо, а изъ-стороны, голову немножко на бокъ, и кроткая — никогда ни на кого не осердится. И быстрая, но не столько бѣгаетъ, сколько на мѣстѣ топчется, и только кажется, что она бѣгаетъ. И проворная, такъ вотъ сейчасъ и все сдѣлаетъ, а случится послать, да чтобы поскорѣе, знай, пропало дѣло, не дождешься! Пятый этажъ, ноги старыя, сбѣжать-то на улицу сбѣжитъ, а на лѣстницу подняться — оступается. Нога и готова бѣжать, рада бы Акумовна поскорѣе, а силъ уже нѣтъ, и только топчется.

И днемъ и ночью живетъ Акумовна, какъ живетъ и Адонія Ивойловна.

Разные ей снятся сны: и пожары она видитъ — домъ горитъ, и разбойниковъ — бѣжатъ, гонятъ разбойники, и голаго человѣка — на берегу голый

съ мыломъ моется, и рябого гада — кусаетъ ее гадъ, и ягоду во снѣ она ѣстъ бруснику, большія гроздья съ овечій хвостъ.

Но чаще, очень часто она летаетъ: она летитъ и всегда въ одно и то же мѣсто — къ Осташкову въ Нилову пустынь къ Нилу Преподобному Столбенскому.

— Скоконешь и летишь, — говорила Акумовна, — подымусь и, какъ на водѣ, руками захватываю и такъ мнѣ легко все станетъ и все лечу впередъ, какъ птица.

Давно обѣщалась Акумовна въ Нилову пустынь, къ Нилу Преподобному сходить, и не исполнила обѣщанія, не была ни разу, вотъ почему часто, очень часто летаетъ она по ночамъ къ Осташкову.

По двору любятъ Акумовну: божественная Акумовна! И всегда на кухнѣ у ней дѣтвора толчется, она и умѣетъ и любитъ играть — киликать съ дѣтьми. Она вездѣ бываетъ, есть у ней деньги — даетъ и берутъ безъ отдачи, во всѣхъ углахъ ей рады. И одного боится она, когда на дворѣ дерутся.

Сергѣй Александровичъ Дамаскинъ всѣ законы произошелъ — артистъ. Акумовна — такой человѣкъ, что знаетъ, что и на томъ свѣтѣ дѣется. Такъ идетъ молва по Буркову двору.

Акумовна на томъ свѣтѣ была, — на томъ свѣтѣ ходила она по мукамъ.

Тамъ, на томъ свѣтѣ ей все показывали, только не знаетъ она, кто, который человѣкъ водилъ ее.

— Пришла я, — такъ разсказывала Акумовна свое хожденіе по мукамъ, — въ какую-то постройку въ хоромину: выбранный полъ гнилой, мостовины провалились, земля — мусоръ, и лежитъ на полу рыба

протухлая, гадкая, разная, мясо, черепы, нехорошее все, худое лежитъ, и люди умершіе — однѣ кости лежатъ, члены человѣчьи и животныя умершія лежатъ, все гнило, все гадость.

И водили ее по хороминѣ, все ей показывали! А хоромина длинная — конца не видно и широкая, а тѣсно. Впереди люди, много людей, и позади люди, тоже много, и кругомъ вездѣ и идутъ и стоятъ. А какіе-то все по угламъ и не люди, — это она понимаетъ, — ихъ тоже много.

— Мучилась я, молитву читаю, а они не отпускаютъ, — хвостъ и ноги коровьи, когти собачьи. „Выпусти меня!“ — взмолилась я. Одинъ и говоритъ: „Нѣтъ еще, пусть она посмотритъ“. А другой за нимъ: „Надо обождать, пускай видитъ все“. И повели меня.

И водили ее по хороминѣ, все ей показывали. Нехорошее все, гнилое лежитъ, одна падаль, все гнило, все, гадость и умершіе люди и умершія животныя, кости, черепы, мусоръ.

— Хоть бы Богъ далъ святыхъ тайнъ принять! думаю себѣ, выйду я изъ этого блуду. И все поминаю: „Господи, Господи, хоть-бы мнѣ причаститься, замучилась я!“ И вижу, ужъ вышли мы изъ хоромины.

И повели ее на гору, а на горѣ три лица, трое стоятъ: всѣ въ свѣтлыхъ манто и свѣтлымъ лица покрыты, причащаются. Только вмѣсто сосуда — полоскательная чашка и ложечки нѣтъ, такъ причащаются. И много народа, все подходятъ, всѣ причащаются. И ее подвели. Хочетъ она перекреститься, но тяжело ей крестъ сдѣлать, мѣшаютъ ей.

— Самъ беретъ, изъ своихъ рукъ далъ мнѣ сухое, не мокрое. А мнѣ дара ихъ не проглотить, стало мнѣ, подавилась. „Господи, Господи, прошу, святые

и ангелы, Господи, полно меня мучить!" Эти смѣются. Одинъ говоритъ: „Подождешь, еще походишь!" А другой за нимъ: „Да, ее нужно провести еще!" Смѣются, — хвостъ и ноги коровьи, когти собачьи. И опять повели меня.

И повели ее съ горы къ озеру. А мимо ихъ народъ, много народа, какъ на Невскомъ, спѣшатъ, перегоняютъ, бѣгутъ и бѣгутъ, хвосты долгіе волокутся, и всѣ съ горы въ озеро и тамъ у озера оборачиваются голубями, — туча тучей стадо голубей.

— Пали голуби на воду и стали пить, а я говорю: „И мы туда пойдемъ?" „Да, отвѣчаетъ, пойдемъ". А одинъ говоритъ: „Ну, теперь будетъ вамъ скоро конецъ". И ужъ все ближе мы къ озеру. Перхаю, не проглотить мнѣ дара ихъ. „Господи, прошу, полно меня мучить!" Вкругъ меня скачутъ дѣти, и я прибѣгаю къ дѣтямъ, не спасутъ-ли меня: „Ангелъ хранитель, храни меня, храните меня, помилуйте!" Все озеро голубями закрыто, мутная вода, грязная. И я вошла по колѣно въ воду. „Теперь тебѣ скоро!" услышала я голосъ, и который велъ меня, неизвѣстно гдѣ дѣлся.

Такъ побывала Акумовна на томъ свѣтѣ, таково ея хожденіе по мукамъ.

Еще ничего, сердце у ней здорово, только животомъ Акумовна тужитъ. А ей не мало выпало на долю — этимъ кнутомъ сѣчена!

* *
*

Отецъ Акумовны богатый, въ славѣ былъ. Десяти годовъ ей не было, умерла мать. У нея семь братьевъ, всѣ ея старше. Дѣвчонка она была здоровая. Еще маленькой, правда, убилась она: спала она

въ люлькѣ, ребятишки качали, люлька оборвалась и она съ люлькой объ земь, кричала день и ночь и ничѣмъ — грудью ее не унять, а потомъ все прошло, потомъ совсѣмъ оправилась. Дѣвчонка она была смышленная. Передъ смертью дала ей мать пятьдесятъ рублей — въ холстинкѣ замотаны. И никто о этихъ деньгахъ не зналъ, одинъ отецъ. И когда отцу надобилось, она, сколько надо, вымотаетъ изъ холстинки и дастъ ему, послѣ онъ все ей вернетъ, и она опять замотаетъ и никому ни слова. Невѣстка не знала. Отецъ съ невѣсткою жилъ. Невѣстка ее не любила. Какъ, бывало, обѣдать, придерется, возьметъ ее за руку да изъ-за стола вонъ. Истязала дѣвчонку. Отецъ съ невѣсткою жилъ. Какъ-то къ отцу пришелъ братъ двоюродный, давно ему отецъ денегъ обѣщалъ, онъ за ними и пришелъ. Да разсердился за что-то отецъ и отказалъ. А Василью вотъ какъ нужно, и обидно: зачѣмъ обѣщалъ! — пошелъ Василій, заплакалъ. Услыхала дѣвчонка — ласковая была и несчастная — догнала Василья, изъ своихъ хочетъ дать ему, изъ холстинки, только съ уговоромъ, чтобы вернулъ деньги непремѣнно. Ну, тотъ обрадовался. „Погори мой домъ, дѣтей не увидѣть!“ — поклялся. И дала она ему ровно копейка-въ-копейку, сколько отецъ обѣщалъ, двадцать рублей. А пришло время и не возвращаетъ. Нѣтъ и нѣтъ у него денегъ, подожди! Да она ждала бы, и не въ деньгахъ дѣло, ее отецъ спроситъ, что тогда отвѣтить? И надо тому быть, какъ разъ захворалъ отецъ: выпилъ пива, ноги посинѣли, стало ему худо. Собрали деревню. И Василій пришелъ, братъ двоюродный. Сѣли вокругъ, сидятъ. Отецъ — къ дѣвчонкѣ, холстинку чтобы принесла, гдѣ деньги. Испугалась она, не знаетъ, что сказать, на ключи и свалила: ключи, молъ, затеряла. Затеряла? —

4*

хорошо, взяла невѣстка топоръ да въ амбаръ, сундукъ разломала, принесла холстинку. Стали деньги считать — двадцати рублей нѣтъ. Отецъ къ дѣвчонкѣ: „Гдѣ деньги?“ Молчитъ. И въ другой разъ: «Гдѣ деньги?» И опять молчитъ. А стало ему совсѣмъ дурно, сталъ онъ благословлять дѣтей. Благословилъ сыновей своихъ — старшихъ братьевъ, доходитъ ея очередь. Заплакала, проситъ тихонько, чтобы сказалъ Василій о деньгахъ. А Василій — разбойникъ! — отнѣтился: „Знать не знаю, не бралъ денегъ!“ будто никогда и не бралъ денегъ. И ужъ не плачетъ она, — когда лихо, не плачутъ! — смотритъ она на отца, только смотритъ. Отецъ къ дѣвчонкѣ: „Благословляю, — остановился, подумалъ, — коло бѣлаго свѣта катучимъ камнемъ!“ — скрипнулъ зубами и скончался.

Коло бѣлаго свѣта катучимъ камнемъ! — вотъ слово благословенія, вотъ какое отъ отца, родительское, получила Акумовна, и видно, оно — такъ думала Акумовна — и обрекло ее на блужданіе по бѣлому свѣту.

Шести недѣль не выжила дома, а жила она на огородѣ. При отцѣ худо ли, хорошо, терпи, а какъ умеръ отецъ, стала невѣстка лютѣе звѣря, гонитъ, поѣдомъ-ѣстъ дѣвчонку. На шестой день Фролова дня взяла Акумовну турійрогская барыня Буянова къ себѣ въ усадьбу, въ домъ. Усадьба Буянова — Турій Рогъ въ шести верстахъ отъ Сосны Горы.

Въ усадьбѣ хорошо: сама барыня Буянова полюбила ее. Чуть что постарше Акумовны: Акумовнѣ тринадцать, барынѣ шестнадцать. Самъ-то баринъ Буяновъ не молодой, въ дѣды обоимъ годится и часто въ городъ уѣзжалъ по дѣламъ и всегда дома занятъ — земли много, лѣсу много и озера — хозяинъ былъ,

любилъ землю: турійрогскія конопли такія, что человѣку не пройти, куры на поляхъ паслись! А барыня все одна и только съ Акумовной, какъ съ своею сестрицей. И всюду водила ее съ собой и въ поле и въ лѣсъ, — въ прутнякъ за грибами, въ боръ по ягоды. Въ бору на жаринѣ на солнопекѣ ягода красная — любо брать ягоду, орѣхи щипали, собирали желуди, чтобы кофе дѣлать, а то ляжетъ сама подъ сосною, а Акумовну пошлетъ за цвѣтами. Вернется Акумовна съ цвѣтами, принесетъ много разныхъ — синихъ, вѣнокъ заплететъ, а она лежитъ подъ сосною, плачетъ. Уберетъ ее Акумовна цвѣтами разными — синими, цѣлуетъ ее — зацѣлуетъ всю, сама черненькая, глаза остры и веселы, коса съ красною ленточкою — жукъ.

Годъ прогодовала Акумовна, не разставаясь съ барыней, ко всему ее пріучали, гладить и стирать учили. Передъ Покровомъ уѣхалъ баринъ въ городъ и захворалъ. Съ бариномъ бывало такое: говорили, что они его мучили — у лѣса есть хозяинъ и у воды есть хозяинъ — лѣсные и водяные хозяева. Былъ турійрогскій лѣсъ глухой непроходимый, жуку не пролетѣть, Буяновъ вычистилъ лѣсъ, и къ озерамъ не было подступу, дороги кругомъ понадѣлалъ, повычистилъ озера. А имъ это не нравится. Нѣтъ-нѣтъ да и соберутся они, придутъ къ нему и укоряютъ, что уморилъ ихъ. Оттого онъ и мучился. Такъ люди говорили. Дали знать изъ города барынѣ въ Турій Рогъ, собралась барыня и уѣхала.

— Наказала мнѣ барыня, — разсказывала Акумовна, — за Красоткою присмотрѣть, всякую ночь провѣрять коровушку. Коровъ было много, а Красотка одна, любимая. Отелилась Красотка, съ этого и началось. Была въ деревнѣ свадьба, отпросилась я

на свадьбу, обѣщала къ двѣнадцати вернуться, да засмотрѣлась и вернулась въ два. А въ двѣнадцать Красотка отелилась и теленка ногой убила. „Одному изъ насъ жить: или тебѣ или мнѣ!“ — сказалъ скотникъ: или его прогонятъ или меня прогонятъ. И пошла я къ молодому барину, братъ барыни въ управляющихъ служилъ, а войти боюсь: скрипну дверью и опять обратно. „Ну что, жукъ?“ Услыхалъ баринъ. „Виновата, баринъ, простите, несчастье у насъ!“ „Иди сюда!“ Впустилъ. Я передъ нимъ на колѣни, стала на колѣни, все разсказала, плачу. „Убирайся, собирай вещи!“ И выгналъ. Пошла я въ комнату къ себѣ, за столовой моя комната маленькая, а какія вещи собирать, не знаю, нѣтъ моего ничего, и плачу. Всю ночь проплакала. Входитъ на утро баринъ. „Все собрала?“ Я опять: „Простите, баринъ, виновата!“ „Молчать, не смѣть плакать, скажу — повѣшу!“ И ушелъ. Думаю, повѣситъ не повѣситъ, пугаетъ, а чего-то страшно, боюсь чего-то. Была суббота, топили баню. Вымыла я полокъ, поставила пива, хочу уходить, а баринъ ужъ идетъ. Я къ двери. „Стой, собрала вещи?“ Я свое: „Простите, баринъ, виновата, не гоните!“ А онъ подумалъ да и говоритъ: „Согласишься со мною жить, оставайся, а не то уходи!“ И вытолкалъ. А я не хочу уходить, чтобы отогнали отъ барыни, да и куда мнѣ идти — къ брату опять, къ невѣсткѣ? Хожу и плачу. А скотникъ наладилъ: „Одному изъ насъ жить: или тебѣ или мнѣ!“ Или его прогонятъ или меня прогонятъ. И хоть бы барыня пріѣхала, а барыни все нѣтъ и нѣтъ. Была суббота, топили баню. Вымыла я полокъ, поставила пива, сама спѣшу до барина уйти, чего-то страшно, боюсь чего-то. А онъ ужъ входитъ. „Что, согласна?“ „Согласна.“ Ну, дѣвчонка была, не понимала. „Иди и раздѣвайся, я тебя

посмотрю". Пошла я, стала раздѣваться. А на другой день поѣхалъ баринъ въ городъ, — тогда онъ меня не тронулъ, — привезъ изъ города мнѣ шелковый платокъ и ленту въ косу. Разсказала я нянѣ, старая няня жила въ домѣ, старушка. „Это ничего, сказала няня, только проси пятьсотъ рублей на книжку, обезпеченье!" А мнѣ и невдомекъ, какая такая книжка. Ну, дѣвчонка была, ничего не понимала. Зоветъ меня вечеромъ няня. „Подашь, говоритъ, барину самоваръ и не уходи!" А барина комната рядомъ со столовой. Надѣла я шелковый платокъ, заплела въ косу ленту, подала самоваръ, присѣла къ столу, а самоё меня такъ и трясетъ...

И срамъ и стыдъ и позоръ, — стыдно было Акумовнѣ, повѣситься хотѣла: барыня вернулась, ея барыня пріѣхала, а она вотъ какая ходитъ! Успокоила барыня, воспитать обѣщала ребенка, за Красотку простила, не отогнала отъ себя. И родила Акумовна мальчика, а вскорѣ и сама барыня родила, и у барыни тоже мальчикъ. Дѣтей воспитывали вмѣстѣ, одна нянька за ними ходила, и учили ихъ вмѣстѣ. Девяти лѣтъ обоихъ въ Петербургъ отвезли. Усыновилъ братъ барыни сына Акумовны. Пріѣзжали они только на каникулы лѣтомъ, да въ Рождество и въ Пасху. Въ одинъ годъ оба ученье кончили и офицерами сдѣлались. Пожили немного въ деревнѣ и опять въ Петербургъ. Какъ былъ маленькимъ, кроткій былъ сынъ Акумовны, ласковый, а выросъ — бояться его стала Акумовна: какъ-то такъ посмотритъ на нее, спрятаться хочется, куда ужъ тамъ слово сказать!

А время не ждетъ, время беретъ свое: умеръ старый баринъ, они его задушили — у лѣса есть хозяинъ и у воды есть хозяинъ — лѣсные и водяные хозяева, такъ говорили. А за старымъ бариномъ съ

братомъ барыни бѣда случилась: на престольный праздникъ семерыхъ зарѣзали на большой дорогѣ, стали искать, дорожка и привела въ Турій Рогъ въ усадьбу, и за укрывательство засадили его. Просидѣлъ онъ годъ въ острогѣ, вышелъ, собрался было за границу ѣхать да и померъ. Не видала Акумовна барина, какъ умиралъ онъ, только видѣла его, какъ изъ острога вышелъ: и узнать нельзя, какъ земля, почернѣлъ. Легкія у него отвалились, такъ говорили.

Осталась Акумовна опять съ своей барыней, и какъ прежде, вмѣстѣ въ полѣ гулять ходили и въ лѣсъ, какъ прежде, собирала Акумовна для барыни цвѣты разные — синіе, заплетала вѣнокъ, и барыня лежала подъ сосною, только не плакала, спала — выпивала барыня, давно ужъ выпивать пріучилась: выпьетъ, заѣстъ мятнымъ пряникомъ и заснетъ.

Баринъ — братъ барыни весною померъ, а осенью сына Акумовны въ Турій Рогъ изъ Петербурга привезли, просилъ передъ смертью, чтобы въ Турій Рогъ привезли: чахотка была. И похоронили его въ деревнѣ на турійрогскомъ погостѣ, а мундиръ и шапку Акумовнѣ дали. А годъ не истекъ, померла и барыня. Въ день своей смерти она сонъ видѣла, будто пришелъ баринъ старый и съ б ѣ л о ю с о б а - к о й... И похоронили барыню.

Опустѣлъ Турій Рогъ, осталась одна Акумовна. Молодой баринъ не захотѣлъ держать ее, разсчиталъ послѣ похоронъ. И осталась она совсѣмъ одна. Плакать не плакала —

к о г д а л и х о, н е п л а ч у т ъ!

Обошла она въ послѣдній разъ поле и лѣсъ и прутнякъ, посидѣла въ послѣдній разъ въ бору на ж а р и н ѣ, гдѣ красная ягода, и подъ сосною, гдѣ

лежала ея барыня, поклонилась лѣсу и полю и бору и соснѣ, и пошла. Пошла по большой дорогѣ изъ Турьяго Рога мимо Сосны Горы, мимо брата и невѣстки, мимо Васильевой избы, мимо кладбища, мимо крестовъ отца и матери, все прямо изъ Турьяго Рога, все прямо по большой дорогѣ —

коло бѣлаго свѣта катучимъ камнемъ.

И не годъ тянулась дорога отъ Турьяго Рога до Петербурга. А пока добралась она до Петербурга, по пути и въ сохѣ ходила, и въ косѣ ходила, и въ оврагѣ цыганкою жила.

Девять лѣтъ живетъ Акумовна въ Петербургѣ. Мундиръ и шапку у ней украли еще тогда между Турьимъ Рогомъ и Петербургомъ и всего у ней только и осталось памяти: теплые сапожки висятъ, нафталиномъ пересыпаны, въ картонкѣ подъ потолкомъ, и калоши.

— На вещь посмотрю, какъ на его самого! — говоритъ Акумовна, раскрывая по праздникамъ картонку.

Девять лѣтъ живетъ Акумовна на Фонтанкѣ въ Бурковомъ домѣ на черномъ концѣ и лѣто и зиму — круглый годъ, и дальше Сѣнной да въ рыбный садокъ никуда не ходила, и хочется Акумовнѣ на воздухъ.

— Хоть бы воздухомъ подышать! — скажетъ она другой разъ, и улыбаясь и поглядывая какъ-то по юродивому изъ-стороны, кроткая, божественная, безродно — несчастная.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пустовавшія осень комнаты къ началу зимы были заняты, и у Маракулина оказались двѣ сосѣдки: Вѣра Николаевна Кликачева, съ Надеждинскихъ курсовъ, и Вѣра Ивановна Вехорева, ученица Театральнаго училища.

Вѣра Николаевна худенькая, такая худенькая барышня, что страшно за нее становится и особенно, какъ просидитъ она ночь за книгою. Изъ чего только живъ человѣкъ: ни кровинки въ лицѣ, а глаза, какъ потерянные — бродячей Святой Руси.

Жила она съ матерью въ уѣздѣ въ старомъ уѣздномъ городѣ Костринскѣ, домишко свой былъ и сгорѣлъ, все добро пропало. И спасли бы, ну, хоть частицу уберегли бы отъ огня, да мать — старая Кликачева, стала она съ иконою прямо противъ пламени и ничего не дала вынести, все погорѣло: если дать огню все пожрать, не противиться, онъ тебѣ сторицею вернетъ, такъ думала старуха. А ей и знаменье было, примѣта предвѣщала пожаръ: еще за недѣлю столъ и иконы жутко трещали. Да не спохватилась старуха вѐ-время, — все и погорѣло. И жили онѣ послѣ пожара въ старой банѣ. Кончила Вѣра Николаевна городскую костринскую школу и завѣковала бы вѣкъ свой въ старой банѣ, да случилась одна ссыльная изъ Петербурга, стала учить ее и приготовила за четыре класса гимназіи. Поѣхала Вѣра Николаевна въ губернскій городъ, выдержала

экзаменъ и три года пробыла тамъ въ фельдшерской губернской школѣ при больницѣ, а потомъ въ Петербургъ, кончала Надеждинскiе курсы.

Не легко ей было учиться, до слезъ доходила, такъ ей все трудно давалось. А бросать не хотѣла, такая ужъ труженица. Послѣ Надеждинскихъ еще собиралась она на аттестатъ зрѣлости готовиться, чтобы поступить въ Медицинскiй институтъ.

Озабоченная, занятая учебниками и работою — ходила на массажъ, массажемъ и зарабатывала — сложа руки никогда не сидѣла, и трудно было отъ нея слова добиться, рѣдко разговаривала и мало разсказывала. Вспоминала только мать и ту ссыльную — Марью Александровну, которая научила ее и прiохотила къ ученью, только о нихъ и разсказывала.

Мать Вѣры Николаевны — Лизавета Ивановна съ дѣтства жила въ своемъ маленькомъ бѣломъ съ пятнадцатью бѣлыми церквами заброшенномъ старомъ городѣ.

Костринскъ — старый городъ на рѣкѣ Устюжинѣ, а по звону похоронному — первый, плакунъ-городъ.

Старики помнятъ, какая Лизавета Ивановна была молодая — затѣйная и хороводница и сказочница и старинщица, какъ вѣнчалась въ соборѣ и какъ протопопъ, знавшiй и жениха и невѣсту, все ошибался и имена путалъ, а Инчиха — старуха прачка — печально головою качала, зная по своему по вѣщему, что недолго вмѣстѣ проживутъ молодые: кто-то третiй между ними подъ вѣнцомъ стоялъ. Знала старуха да помалкивала.

И была Инчиха возлѣ Лизаветы Ивановны и тогда, какъ мужъ ея умиралъ, и тогда, какъ домъ горѣлъ. Это она научила ее ничего не выносить изъ

дому, все огню отдать и не этому одному научила, а и всему своему непростому вѣщему знанію. А Инчиха много знала и, кажется, все, что отпущено на долю человѣка.

Такъ судили въ Костринскѣ.

И спокойно сошла она въ могилу, оставивъ на землѣ человѣка замѣсто себя: Лизавета Ивановна будетъ о ней особенно Богу молиться, потому что ей все передала старуха и сдѣлала для нея больше, чѣмъ могутъ мать съ отцомъ сдѣлать, сдѣлала для нея столько, что больше ужъ, кажется, человѣку не отпущено дѣлъ.

Такъ судили въ Костринскѣ.

Лѣтъ десять, какъ умерла Инчиха и домъ сгорѣлъ. И, живя въ старой банѣ, Лизавета Ивановна долго мечтала построить себѣ новый и крѣпкій домъ, такой же, какъ тотъ сгорѣвшій. Каждое лѣто возила она изъ лѣсу бревна и складывала у себя на огородѣ и къ батюшкѣ Ивану Кронштадтскому въ Кронштадтъ ѣздила за благословеніемъ, старую строгановскаго письма икону свезла ему въ даръ и сто рублей получила на начало. Сколько разъ ссыльные ей планъ рисовали, и зоркая, внимательно она его разсматривала, искала и того и другого и третьяго: не забыта ли кладовая, чуланъ, сѣнцы, все ли такъ нарисовано, какъ было въ старомъ сгорѣвшемъ домѣ. А новаго крѣпкаго такъ и не выстроила. Бревна гнили на огородѣ, планъ бережно хранился въ шкатулкѣ, а сто рублей — подарокъ батюшки и до Москвы не доѣхалъ. Никогда во всю жизнь не было у нея такъ много денегъ и сразу — мужъ ея мелкій костринскій чиновникъ гроши получалъ — и батюшкина радужная бумажка на глазахъ сгорѣла: всякія бездѣлушки, коробочки, коробки нужные и ненужные, сломанные

и цѣльные привезла она въ подарокъ изъ Кронштадта, и каждая вещица и каждая коробочка имѣли свое назначеніе, а самый большой пакетъ назначался по усмотрѣнію и на это усмотрѣніе было ухлопано чуть ли не полсотни. Куда ужъ тамъ домъ строить!

Лизавета Ивановна согнулась, беззубая, только тяжелые бѣлые волосы всю голову опутали, а голубые глаза еще посвѣтлѣли и ровно бы свѣтятся. Много прожила она на свѣтѣ, хоть и сошелся свѣтъ для нея въ ея маленькомъ бѣломъ съ пятнадцатью бѣлыми церквами, заброшенномъ старомъ городѣ, а всѣ дни ея словно опѣты звономъ похороннымъ.

Костринскъ — старый городъ на рѣкѣ Устюжинѣ, а по звону похоронному первый, плакунъ-городъ.

Много народа похоронила Лизавета Ивановна и ко всѣмъ на могилы ходитъ, а въ Христово Воскресеніе красныя яйца носитъ, христосуется: съ мертвыми важнѣе христосоваться, чѣмъ съ живыми, такъ думала старуха.

И жила себѣ въ банѣ, какъ въ домѣ, любовалась, когда солнце за колокольню заходитъ и крестъ золотитъ, и когда на санкахъ въ первый разъ кататься начнутъ и когда по веснѣ на доскахъ скачутъ, и только ждала къ себѣ человѣка, кому она все передастъ, что когда-то самой ей передала старуха-прачка Инчиха. И тотъ, кому она передастъ, будетъ такой же счастливый, какъ она сама, потому что нѣтъ большаго счастья, какъ ея счастье, такъ думала старуха.

А ея счастье заключалось въ томъ, что черезъ непростое свое вѣщее знаніе, воображаемое или подлинное, все равно, она поняла, какъ жить надо, и жила она не для себя и не для другихъ и, когда что дѣлала, думала не о себѣ и не о ко-

стринцахъ, она готовилась къ той жизни и тому свѣту и въ дѣлахъ своихъ думала о той жизни и о томъ свѣтѣ, и потому было и ей хорошо и другимъ хорошо отъ нея.

Лизавета Ивановна въ Костринскѣ все равно, какъ какой-нибудь братецъ изъ гавани для бѣдноты петербургской.

Въ Костринскъ пріѣхала ссыльная изъ Петербурга Марья Александровна. Чтобы скоротать дни, дѣвать куда-нибудь свое время, тягучее на подневольѣ, взялась она учить Вѣру Николаевну, — ей понравилась Вѣра Николаевна. И часто она ходила къ Кликачевымъ. Заинтересовала ее и Лизавета Ивановна, и она разспрашивала старуху, какъ та думаетъ, какъ жить надо и чѣмъ на свѣтѣ жить и какъ забыть то, чего никогда не забыть, и что сдѣлать, чтобы страшно не было, и чтобы не хотѣлось того, чего нельзя взять, — все въ такомъ родѣ разспрашивала старуху. И по вопросамъ поняла старуха да и сердце ей подсказало, что ссыльная эта и есть тотъ человѣкъ, кому должна она передать свое непростое вѣщее значеніе и сдѣлать счастливой.

Съ годъ прожила Марья Александровна въ маленькомъ бѣломъ съ пятнадцатью бѣлыми церквами заброшенномъ старомъ городѣ на подневольѣ. На Пасху пришла разговляться къ Кликачевымъ, а на Пасху знающему, какъ говорятъ, все особенно видно и ясно. И увидѣла Лизавета Ивановна у своей избранницы и любимицы гдѣ-то въ лицѣ надъ бровями какой-то знакъ смерти. И, узнавъ тайну, не хотѣла себѣ вѣрить. А какъ-то на Святой же Марьи Александровны въ Костринскѣ не оказалось: скрылась и слѣдъ простылъ.

Много видѣла Лизавета Ивановна: и мужа похо-

ронила и чужого горя много видѣла — гдѣ его нѣтъ! — только такъ никогда не вздыхала, когда пришло утро и день, и насталъ вечеръ и ночь, а избранницы ея, любимицы ея, обреченной на смерть, больше въ Костринскѣ не было. Счастливая, она черезъ свое непростое вѣщее знаніе, воображаемое или подлинное, все равно, поняла, какъ надо жить, но не исполнила дѣла назначеннаго, божьяго, не передала своего знанія и, если не вернется Марья Александровна, помретъ она несчастною.

И ждетъ старуха, трясетъ головой, опутанной тяжелыми бѣлыми волосами, тихо, кротко и смирно молится, а надъ нею старые колокола перезваниваютъ похоронный звонъ, опѣваютъ ее.

Костринскъ — старый городъ на рѣкѣ Устюжинѣ, а по звону похоронному — первый, плакунъ-городъ.

— А куда же дѣвалась Марья Александровна? — спросилъ какъ-то Маракулинъ.

Но Вѣра Николаевна ничего не отвѣтила, только глаза ея потерянные — бродячей Святой Руси стали, какъ два костра, и всю ночь она не плакала, она выла, словно петлей ей горло сжимали и петля затягивалась туго.

Маракулинъ тоже не заснулъ въ ту ночь, все прислушивался: онъ понялъ и чего-то жутко ему было.

„А вотъ Горбачеву, — подумалъ онъ, — будутъ вѣкъ его вѣчный монашки и дѣвицы въ черныхъ платочкахъ на Пасху пѣть Христосъ воскресъ!“

Мысль эта повторялась и тягучая шла, словами выговаривалась, но когда выдохлась вся, безпокойство охватило его: онъ забылъ о Горбачевѣ и о Ма-

рьи Александровнѣ и о Лизаветѣ Ивановнѣ и объ одномъ старался домекнуться, что такое устранить надо, чтобы успокоиться.

И вдругъ почему-то вспомнилъ о генеральшѣ Холмогоровой, какъ идетъ она такая сытая и здоровая, довольная и побѣдоносная, — вошь, которой не въ чемъ и каяться, идетъ для моціона — прогуливается со своимъ складнымъ стульчикомъ по Фонтанкѣ или возвращается по Загородному изъ церкви и словно-бы паутина за ней тянется сдохлая, какая виситъ по угламъ въ темныхъ, непровѣтривающихся крысиныхъ чуланахъ или лежитъ между поломъ и дномъ несдвигаемыхъ тяжелыхъ сундуковъ, тянется за ней паутина и прямо въ ротъ тебѣ лѣзетъ и душитъ, хоть въ Фонтанку!

Онъ давно это замѣчалъ, только понялъ сейчасъ.

И ужъ всю ночь до утра все обдумывалъ, какъ бы это такъ половчѣе устранить генеральшу, чтобы и мокраго мѣста отъ нея не осталось, а безъ того, не устранивъ, онъ не можетъ жить, ему дышать нечѣмъ, она не даетъ дышать ему съ своей паутиной сдохлой, не продохнешь отъ нея, и сна нѣту и терпѣнія и покоя.

И если-бы Маракулинъ въ минуту отчаянія своего убилъ генеральшу Холмогорову, а на утро его къ отвѣту притянули, то, опомнившись, конечно, онъ одно бы могъ сказать въ свое оправданіе, что не онъ убилъ ее, убила ее Бурковская жестокая ночь.

И всю ночь до утра Вѣра Николаевна не плакала, она выла, словно петлей ей горло сжимали и петля затягивалась туго.

Жестокія ночи потянулись для Маракулина.

Куда дѣвалась его готовность все вынести и только видѣть, только слышать, только чувство-

вать. Все та же одна мысль о генеральшѣ не выходила у него изъ головы, поперекъ горла стала ему эта несчастная генеральша.

Сумасбродный человѣкъ и въ своемъ сумасбродствѣ упорный.

Прочитавъ по утру въ газетахъ о докторѣ отравителѣ, онъ спряталъ газету подъ подушку, и ужъ ночью передъ сномъ снова перечиталъ ее.

— Благодѣтель человѣчества, — шепталъ онъ впотьмахъ, — докторъ, можетъ, ты ужъ одну вошь отправилъ на тотъ свѣтъ, можетъ ты... и еще кого-нибудь отправишь!

А припоминая газетныя возмущенія и негодованія, съ упоеніемъ сказалъ себѣ:

— Это сестры генеральши моей за вошь, отравленную докторомъ, истиннымъ благодѣтелемъ человѣчества, дружно заступились!

Онъ вставалъ среди ночи, зажигалъ свѣчку, перечитывалъ газету, пряталъ ее подъ подушку и опять ложился и впотьмахъ шепталъ — думалъ до утра.

И свое бурковское отчаяніе переносилъ ужъ съ себя на все человѣчество, благодѣтелемъ котораго будто бы можетъ явиться докторъ-отравитель, посылающій на тотъ свѣтъ вошь за вошью и очищающій воздухъ, чтобы дышать, а то ему дышать нечѣмъ и сна нѣтъ и терпѣнія и покоя.

Сумасбродный человѣкъ и въ своемъ сумасбродствѣ упорный.

Съ недѣлю, больше, въ какомъ-то изступленіи жилъ Маракулинъ и дошелъ, какъ ему казалось, до точки, а, дойдя до точки, нашелъ себѣ лазейку опять на свѣтъ выбраться, отыскалъ право быть на свѣтѣ, а вѣдь оно съ осени-то поколебалось, и ужъ, что

грѣхъ таить, не поколебалось, а пропало вмѣстѣ со сномъ, терпѣніемъ и покоемъ.

Горбачевъ, по мнѣнію Маракулина, послѣ всѣхъ своихъ шатаній и хитросплетеній, открылъ и понялъ, какъ ему жить: онъ душу свою спасти хочетъ и для этого ладаномъ углы окуриваетъ, а все остальное — перевѣшаетъ-ли онъ всѣхъ дѣтей на веревочкѣ или въ розовыхъ бумажкахъ конфетами примется ихъ откармливать — для спасенія его души не важно.

Марья Александровна послѣ всѣхъ своихъ вопросовъ тоже открыла и поняла, какъ ей жить: она и не то, чтобы цѣнила опасность — такую жизнь, рядомъ съ которой смерть, она душу свою погубить хотѣла, душу свою за другихъ положить хотѣла, въ жертву себя уготовала ради какого-то закона и правды, отъ наступленія которыхъ зависитъ счастье человѣческое, и, должно быть, убила, или подготовляла убійство или помогала убійству какого-нибудь лица, по мнѣнію ея, вреднаго закону и правдѣ.

Лизавета Ивановна черезъ свое непростое и вѣщее знаніе, воображаемое или подлинное, все равно, открыла и поняла, какъ ей жить: не о себѣ она думаетъ и не о другихъ думаетъ, а думаетъ она о томъ свѣтѣ и о той жизни и, готовясь къ тому свѣту и той жизни, сообразно съ этимъ поступаетъ.

Но, вѣдь и окуривать ладаномъ да еще отъ ребятишекъ отбиваться, такъ же, какъ подготовлять покушеніе и готовиться къ той жизни, все это дѣло, дѣйствіе, работа и кромѣ того для своего совершенія предполагаетъ много очень важныхъ рѣшеній и прежде всего знать надо и, за свою-ли совѣсть или за страхъ передъ стариной и дѣяніями, это безразлично, отвѣтить надо, что должно спасать свою душу или

должно погубить свою душу, или должно готовиться къ той жизни, а также твердо положить себѣ во имя непререкаемое.

А генеральша палецъ-о-палецъ не стукнетъ, ровно ничего не дѣлаетъ, — и не считать же баню за дѣло! — и всего достигаетъ, да какъ еще достигаетъ: генеральша самымъ нагляднымъ образомъ и несомнѣнно закаляется и ужъ конца жизни ей не видно, тутъ хиромантъ не ошибся, и, можетъ, она ужъ безсмертна, а вѣдь и душу свою не спасаетъ и души своей не губитъ, а губить, все равно, что спасать, и, стало быть, отказавшись отъ всякихъ спасеній и ничего и никому не должная, преуспѣваетъ.

И если Горбачевъ, зная, какъ жить, имѣетъ право на существованіе, и Марья Александровна и Лизавета Ивановна, тоже знающія, какъ жить, имѣютъ право на существованіе, то генеральша, какъ нѣкій сосудъ избранія, имѣютъ не просто право, а царское право.

„И вотъ теперь подумать надо и какъ еще подумать, — разсуждалъ Маракулинъ, доходя, какъ ему казалось, до точки, — и рѣшить себѣ твердо и разъ навсегда: какъ бы поступило человѣчество, если бы, ну скажемъ такъ, великія державы, союзъ державъ міра во главѣ съ Англіей, предложили бы особыми манифестами черезъ палаты и думы подданнымъ своимъ — всему человѣчеству эту вошью, безпечальную, безгрѣшную и безсмертную жизнь генеральши. Ужъ такая бы возможность выдалась дѣйствительнымъ ли открытіемъ, ну какой-нибудь ученый нѣмецъ Виттенштаубе наукою дошелъ бы съ помощью своихъ рентгеновскихъ лучей, или обманомъ, ну какой-нибудь нашъ бывшій губернаторъ Бурковъ самоистребитель — мало ли сколько по Руси такихъ истребителей, изувѣрно обращающихъ на себя свой

недюжинный талантъ, самъ Бурковъ изобрѣлъ бы нѣкоторый фортель, шельмовство временное и ужъ, конечно такъ, чтобы чисто, или дерзновеніемъ ну какой-нибудь свѣтоносный святолѣпный старецъ Кабаковъ, заваливъ свое подполье съ грамофономъ, изрекающимъ гласъ съ небеси, объявилъ бы себя міру, какъ вождь и судія — искупитель изначальнаго муркина грѣха, и сотворилъ бы нерукотворный Новый Сіонъ съ миромъ и милостью, скоро, просто и дешево, какъ отнеслось бы, что отвѣтило бы на это человѣчество? А думаю я такъ, — продолжалъ Маракулинъ разсужденія свои, съ маракулинскимъ упорствомъ доходя до своей точки, — что и безъ всякихъ даже излишнихъ словъ и церемоній, забывъ должное и недолжное и всякое спасеніе, тихонечко, не снимая шляпъ и другихъ соотвѣтствующихъ сану головныхъ уборовъ, спустили бы подданные съ себя штаны, да, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, на зовъ мужественнаго, свободнаго, гордаго, святого слова юркнули бы въ какую-нибудь гигантскихъ размѣровъ конскимъ волосомъ заросшую голову, состроенную хоть бы и у насъ на томъ же Бельгійскомъ заводѣ, впрыгнули бы въ этотъ кабаковскій нерукотворный Новый Сіонъ съ миромъ и милостью, чтобы начать новую вошью жизнь: безпечальную, безгрѣшную, безсмертную, а главное спокойную: питайся, переваривай и закаляйся. Стульчикомъ складнымъ обзавестись всегда успѣется, да, можетъ, въ такихъ всеобщихъ, а потому и обязательныхъ, добровольно принятыхъ условіяхъ, когда у каждаго на шеѣ забренчитъ коровій колокольчикъ, чтобы, питаясь, не затеряться, и безъ складного стульчика безопасно будетъ по Фонтанкѣ для моціона прогуливаться и на Загородный въ церковь ходить. И надо думать, такъ поступило

бы все разумное и доброе — кто себѣ врагъ! — и поступило бы законно, правильно, мудро и человѣчно: въ самомъ дѣлѣ, ну, кому охота маяться, задыхаться безъ сна, потерявъ и терпѣніе и покой!“

Когда въ дѣтствѣ хотѣлъ Маракулинъ быть кавалергардомъ, онъ молился, чтобы Господь сдѣлалъ такъ, помогъ ему сдѣлаться кавалергардомъ, а когда хотѣлъ быть разбойникомъ, то въ тѣхъ же словахъ молился, лишь съ замѣною кавалергарда разбойникомъ, и такъ же точно молился, когда хотѣлъ быть учителемъ чистописанія. Это главныя были его молитвы о самомъ себѣ еще въ Москвѣ, въ Таганкѣ, о пятеркахъ онъ не просилъ. А потомъ, ужъ молясь по привычкѣ, ничего особеннаго у Бога не добивался, повторяя утромъ со сна и вечеромъ на сонъ грядущій: Господи, помилуй мя! А потомъ и — Господи, помилуй мя! — забылъ. Но теперь, когда, какъ казалось ему, онъ дошелъ въ разсужденіяхъ своихъ до точки и открылъ царское право, захотѣлъ этого царскаго права быть на свѣтѣ, онъ по ночамъ отбивалъ поклоны съ ожесточеніемъ до боли:

— Господи, — просилъ онъ, — дай мнѣ всего на одну минуту вошью настоящую жизнь, введи въ славу свою, Господи, дай мнѣ хоть на часокъ передохнуть, а потомъ да будетъ воля Твоя!

И если бы Маракулинъ въ минуту отчаянія своего проломилъ себѣ черепъ, стучавши лбомъ объ полъ, а на утро его къ отвѣту притянули, то, опомнившись, конечно, онъ одно бы могъ сказать въ свое оправданіе, что не онъ убилъ себя, убила его Бурковская жестокая ночь.

Надо сказать, что дѣла его и вообще-то неважныя, къ Рождеству совсѣмъ стали, работы не находилось —

ошельмованному работу трудно найти, а въ особенности, когда на вопросъ: „Чѣмъ занимаетесь?“ — не скрывается настоящая причина бездѣлья, а Маракулинъ почему-то не скрывалъ ее и наивно, какъ какой-нибудь двѣнадцатилѣтній ребенокъ о шалостяхъ, разсказывалъ о своихъ талонныхъ книжкахъ, какъ онъ изъ-за этихъ талонныхъ книжекъ съ мѣста слетѣлъ.

Плохо было дѣло. Выручали артисты Дамаскины, Сергѣй Александровичъ и Василій Александровичъ, да Вѣра Николаевна, а то хоть прошеніе пиши по-гвоздевски, какъ безпокойный старикъ Гвоздевъ, явившійся къ нему тогда въ муркинъ день — въ послѣдній его день на старой квартирѣ.

И напишешь: царское право — ночное царское право, видно, и оно не такъ-то просто дается, и безъ процентовъ, которыхъ на всю жизнь хватитъ, лучше, пожалуй, и Бога не безпокой, не добьешься!

На Рождествѣ артисты елку у себя устроили, пригласили и жильцовъ Адоніи Ивойловны. Народу собралось много, все, должно быть, артисты. Сергѣй Александровичъ больше всѣхъ хлопоталъ и пепельницы гостямъ подставлялъ, чтобы окурковъ на полъ не бросали, а Василій Александровичъ такъ разошелся, такіе огоньки пускалъ, всѣхъ со смѣху уморилъ и обезживотилъ. А за картами и Сергѣй Александровичъ и Василій Александровичъ проигрались въ пухъ и прахъ. На людяхъ и Вѣра Николаевна разошлась и свои костринскія старины пропѣла, какимъ отъ матери своей Лизаветы Ивановны пѣть научилась.

И съ тѣхъ поръ, съ дамаскинской елки, вечерами на Святкахъ, сидя одна въ своей комнатѣ и отрываясь отъ учебниковъ, Вѣра Николаевна вполголоса напѣвала.

Она пѣла стариннымъ укладомъ и отъ ея старинъ вѣяло древнею Русью.

Зачинъ она клала запѣвомъ о семи турахъ и матери ихъ турицѣ, какъ шли семь туровъ златорогихъ подлѣ синяго моря и поплыли за синее море и выплыли на славный Буянъ островъ и на Буянѣ встрѣтилась имъ турица — мать ихъ. И разсказали ей туры, какъ случилось имъ итти мимо Кіева, мимо Божьей церкви Воскресенской и какое видѣли они тамъ чудо: выходила изъ церкви дѣвица, выносила на головѣ золотую книгу, забродила по поясъ въ Неву-рѣку, клала книгу на бѣлъ горючъ-камень, читала книгу и плакала. А турица толкуетъ турамъ чудо пречудное: дѣвица — Божья мать Богородица, а читала она книгу золотую — евангеліе, а читая, плакала — она слышитъ невзгоду надъ Кіевомъ, надъ всею Русью-Святорусскою.

А за турами вставалъ во весь богатырскій свой ростъ богатырь Илья Муромецъ, какъ вдохнулъ богатырь у гроба Святогора богатырскій духъ — третью бѣлую гробовую пѣну, и такъ пометываетъ его и такъ подбрасываетъ, не знаетъ Илья, куда свою силу дѣвать.

А тамъ, вонъ она — Чурилья-игуменья — русая лиса, сорокъ черныхъ дѣвицъ за нею, будто галицы.

И ужъ гремитъ и стучитъ страшный старецъ Игримище-Кологремище, вышелъ изъ монастыря Боголюбова, хочетъ свою душу спасти, въ рай спустить, и тащитъ въ мѣшкѣ бѣлую капусту, горькую рѣдьку, красную свеклу — дѣвушку чернавушку.

И опять по синему морю плывутъ златорогіе туры, встрѣчаютъ мать-турицу, разсказываютъ ей чудо-

пречудное. Толкуетъ имъ турица чудо: дѣвица — Божья мать Богородица, а читала она книгу золотую — евангеліе, а читая, плакала — она слышитъ невзгоду надъ Кіевомъ, надъ всею Русью-Святорусскою.

Пѣла Вѣра Николаевна и разбойничью о Усахъ-молодцахъ, пѣла она и о скоморохахъ — веселыхъ людяхъ...

потихоньку, скоморохи, играйте,
потихоньку, веселы, играйте!
у меня головушка болитъ,
у меня сердце щемитъ...

Въ кухнѣ передъ тремя неугасимыми лампадками молится Акумовна, она молится за свою барыню, за брата барыни, за своего сына.

Въ крайней комнатѣ передъ тремя неугасимыми лампадками Адонія Ивойловна поминаетъ Парашины корабли и, ничего не разумѣя, плачетъ.

Съ Вѣрой Николаевной ровно стало что, распѣлась и залѣнилась.

— Вы, ей Богу же, въ Сергѣя Александровича влюбились! — какъ-то, войдя врасплохъ въ комнату къ Вѣрѣ Николаевнѣ, сказала Вѣрочка Вехорева, посматривая и лукаво и вызывающе и даже со злостью.

А та такая блѣдная, вспыхнула вся и замолкла, — ни слова.

А вѣдь и ему не скажетъ ни слова, умирать будетъ, не скажетъ, есть такія. И оттого въ ея старинахъ, отъ которыхъ вѣяло древнею Русью, слышалась глухая, щемящая тоска.

* *
*

Вѣрочка — такъ почему-то почти съ перваго дня повелось звать Вѣру Ивановну Вехореву, которую Акумовна величала еще и безстыжею, и не бранно,

а ласково, рѣдкій вечеръ проводила дома. Днемъ — въ школѣ, забѣжитъ на часокъ домой и куда-нибудь въ театръ. Если же некуда, сидитъ у Дамаскиныхъ. Сергѣй Александровичъ училъ ее танцамъ. Гибкая, тонкая и легкая, какъ перышко, и когда оба они танцовали, казалось, летали на крыльяхъ: крылья у обоихъ, какъ у птицъ. Весело проводили время.

Маракулинъ попалъ разъ на танцы и ужъ чаще сталъ заходить къ сосѣдямъ, и оттого, что тамъ была Вѣрочка и танцовала, ему всегда бывало хорошо.

А Вѣра Николаевна съ Рождества ужъ больше не заглядывала къ Дамаскинымъ и всегда отговорку найдетъ и сидитъ она, уткнется въ учебники, или дежурство у ней въ больницѣ окажется.

Вѣрочка нравилась Маракулину. Она танцовала хорошо и читала она хорошо — съ голосомъ. Южанка, но воспитывалась въ Москвѣ и въ говорѣ ея не было ни надоѣдливаго южнаго чириканья, не было и холода сѣвернаго — смирёной вольностью, но зато была крѣпость и особенная московская желанность.

Послѣ танцевъ Сергѣй Александровичъ, любившій стихи, всегда просилъ Вѣрочку почитать что-нибудь.

И письмо Онѣгина: „Предвижу все, васъ оскорбитъ печальной тайны объясненье"... — повторяла она для него по нѣскольку разъ.

Что поражало Маракулина, а сначала и совсѣмъ было оттолкнуло отъ Вѣрочки, это крайняя ея самоувѣренность, непомѣрная заносчивость и самохвальство, не уступающее скоморошьему зазыванью. Просто совѣстно становилось за нее. А всякое возраженіе принималось ею, какъ оскорбленіе. И туда занесется она, гдѣ ужъ всякія слова уравняются и всѣмъ

словамъ пойдетъ одинъ смыслъ — не кликъ провидящихъ, а вызовъ, жуткій крикъ о какомъ-то правѣ своемъ, перебить, какъ сказываетъ старина, всю поднебесную силу, случись только лѣстница на небеса, случись же кольцо въ землѣ, повернуть всю землю вверхъ дномъ. А главное, заносящійся такъ, жуткимъ крикомъ кричащій о своемъ правѣ, никогда, вѣдь, своего крика не слышитъ. И жалко становилось Вѣрочку.

Она говорила, что она великая актриса, ей не только не надо учиться, у ней всѣ должны учиться, а если поступила она въ какую-то глупую школу, то лишь для того, чтобы пробить себѣ дорогу. Безъ этого не обойдешься. И она пробьетъ себѣ дорогу, откроетъ свой кладъ, и тогда увидятъ.

— И тогда увидятъ, — надрывалась Вѣрочка, — многіе пожалѣютъ, да будетъ поздно! — и, перебирая имена знаменитостей и какъ бы сравнивая съ собою, улыбалась не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ, — вотъ меня вы посмотрите! — и глаза вспыхивали восторгомъ и горѣли жгучею ненавистью, — я покажу, кто я, всему міру, и пускай они увидятъ...

„Но кто такое они?“ — спрашивалъ себя не разъ Маракулинъ, часто, все чаще задумываясь о Вѣрочкѣ.

Вѣрочка о себѣ непрочь поразсказать, но какъ-то все по разному, и не поймешь, гдѣ настоящая правда, а гдѣ правда такая.

По смерти отца она осталась маленькой. Отецъ — офицеръ. Изъ Вознесенска Херсонскаго, гдѣ стоялъ полкъ, мать ея въ Москву переѣхала и поступила экономкой къ старому генералу, родственнику мужа. Вѣрочка училась въ институтѣ, и еще не кончила,

умерла мать. У генерала бывалъ богачъ заводчикъ Вакуевъ, велъ съ генераломъ какія-то выгодныя дѣла, не молодой, но крѣпкій и красавецъ, такъ по Москвѣ слылъ. Анисимъ Никитичъ ухаживать сталъ за Вѣрочкой и ей понравился. И какъ-то такъ случилось, Вѣрочка съ согласія генерала переѣхала къ Вакуеву. У Вакуева на Арбатѣ былъ старый барскій особнякъ. Жена Вакуева померла, дѣти устроились и только три барышни и ужъ въ лѣтахъ — три племянницы, взятыя имъ послѣ смерти разорившагося брата, хозяйничали въ его домѣ. Годъ прожила Вѣрочка у Вакуева и, надо полагать, за этотъ годъ надоѣла ему, и еще надо полагать, что жизнь ея на Арбатѣ была не изъ веселыхъ. Анисимъ, по ея разсказамъ, любилъ перемѣну, разнообразіе и ему все удавалось и съ рукъ все сходило. Анисимъ и въ Петербургъ отправилъ ее учиться и высылалъ ей тридцать рублей въ мѣсяцъ, на эти деньги она и жила.

„Кто же, ужъ не Анисимъ ли и три его племянницы, осточертѣвшія ей, тѣ самые они, кто ее увидятъ?“ — спрашивалъ себя не разъ Маракулинъ, часто, все чаще задумываясь о Вѣрочкѣ.

Какъ-то на Ѳедоровской недѣлѣ въ началѣ весны Вѣрочка пришла домой такая радостная и оживленная, просто съ ногъ всѣхъ сбила.

Адонія Ивойловна, на что слезлива и неподвижна, забыла слезы и съ мокрыми еще глазами такъ засуетилась, словно-бы Вѣрочка ей дочка была — и вотъ домой вернулась къ матери такая радостная и оживленная.

Акумовна тоже, она топоталась топотнѣе, словно не въ будній день, и особенно ласково посматривала на свою безстыжую.

И день былъ солнечный, весною, тепломъ манило.

На Бельгійскомъ дворѣ со снѣгомъ тая, расползалась черная гора каменнаго угля, а изъ четырехъ кирпичныхъ трубъ, обходя Бурковы окна, ровный тянулся дымъ, а на Бурковомъ дворѣ высыпали ребятишки и даже перволѣтки съ своими няньками.

Вакуевъ, самъ Анисимъ Никитичъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, съ Вѣрочкой на Невскомъ встрѣтился! — вотъ оно что, вотъ отчего и радость такая и оживленность необыкновенная.

Ночь Вѣрочка не ночевала дома. А на утро, какъ вернулась, сейчасъ же за комнату принялась — за уборку. И сколько выказала изобрѣтательности, а вообще-то разбросанная, безпорядочная, не верста Вѣрѣ Николаевнѣ, тутъ ужъ всякую пылинку она сдунула и подъ шатающійся столъ бумажку подложила, чтобы крѣпче держалось, и шпильки свои по коробочкамъ разложила. И сколько было суетни и приготовленій, цвѣтокъ достала, какъ на Тройцу. Гостя она ждала къ себѣ — Вакуева, самого Анисима Никитича!

А день былъ такой же солнечный, весною, тепломъ манило.

Прошелъ день — медленный и вечеръ насталъ — тревожный, и когда вечеромъ въ прихожей ударилъ звонокъ, вся квартира — всѣ четыре комнаты и кухня замерли, а Маракулинъ хотѣлъ лампу затушить, но лампа, не спросясь, сама потухла, словно бы грянулъ громъ тарарахающій, московскій.

Какой-то студентъ-технологъ въ поискахъ товарища попалъ не въ ту дверь.

И долго Акумовна съ нимъ возилась, такъ какъ почему-то никакъ онъ не могъ примириться, что Любимова никакого нѣтъ и не жило.

— Не можетъ этого быть, — упирался студентъ ерепенясь, — это произволъ.

Выпроводили кое-какъ студента, ушелъ, наконецъ, пьяный, какъ дымъ, студентъ, но и ждать больше некого было.

Вѣрочка ходила по комнатѣ взадъ и впередъ безъ устали и не своими шагами: шаги были крѣпкіе и когтистые, а глаза ея безстыжіе, какъ два острыхъ ножа.

И чего-то жутко было.

Встревоженная солнечнымъ весеннимъ днемъ, Адонія Ивойловна загадывала за самоваромъ съ Акумовной о лѣтнемъ богомольѣ: ужъ пора ей въ путь — весна пришла.

— Колышекъ съ колышкомъ свивается, — слышался въ отвѣтъ растроганный голосъ Акумовны, — вѣточка съ вѣточкою.

А Вѣра Николаевна, кончивъ свои занятія, тихо напѣвала любимыя свои старины и отъ пѣсенъ ея вѣяло древнею Русью и глухою щемящей тоской,

потихоньку, скоморохи, играйте,.
потихоньку, веселы, играйте!
у меня головушка болитъ,
у меня сердце щемитъ...

И вдругъ замолкла, — ни слова.

Она и ему не скажетъ ни слова, умирать будетъ, не скажетъ.

— Вѣточка съ вѣточкою, листикъ съ листикомъ, — слышался растроганный голосъ Акумовны, — весна пришла.

И было еще тягостнѣй, потому что Адонія Ивойловна принялась плакать и громче обыкновеннаго, вспомнивъ, должно быть, о мужѣ, какъ кладбищенская земля уходитъ и обваливается на его могилѣ.

Вѣрочка ходила по комнатѣ взадъ и впередъ безъ устали и не своими шагами: шаги были крѣпкіе и когтистые, а глаза ея безстыжіе, какъ два острыхъ ножа.

И чего-то жутко было.

Но погасъ пѣвунъ-самоваръ, выплакались слезы и шаги затихли и всѣ заснули въ домѣ и во дворѣ, и гудки автомобилей не доносились съ Фонтанки, и въ Обуховской больницѣ замигалъ огонекъ по ночному звѣздою, и поднялась надъ кирпичными бельгійскими трубами звѣзда, заглянула въ окно, такая большая вечерняя весенняя — часъ ночи насталъ.

И послышалось Маракулину, будто стучатъ, странный стукъ.

Насторожился онъ, сталъ прислушиваться и понялъ: у Вѣрочки стукъ, стучитъ въ ея комнатѣ.

И онъ понялъ, это Вѣрочка одна въ своей комнатѣ, — не заснула и не заснетъ, — и бьется она головою о стѣнку безъ слезъ, безъ жалобы, съ раскрытыми сухими глазами:

когда лихо, не плачутъ!

И почему-то все чувство его — все ожесточеніе, все отчаяніе его, угомонившееся было на время, вспыхнувъ, вылилось на излюбленной имъ, опостылѣвшей генеральшѣ.

Весь въ жару съ какимъ-то мерзѣйшимъ упоеніемъ и скрежетомъ зубовнымъ, прѣдставилъ онъ себѣ, какъ эта генеральша несчастная, здоровенная, безсмертная, безгрѣшная, безпечальная — с о с у д ъ и з б р а н і я, в о ш ь сладко-сладко спитъ. И ему захотѣлось сказать объ этомъ кому-угодно, но сію минуту, только бы сказать, пока еще сердце не лопнуло.

И, задохнувшись, онъ вскочилъ къ форточкѣ и, что было силъ, крикнулъ:

— Православные христіане, вошь спитъ, помогите!

И крикнувъ, онъ почувствовалъ, какъ медленно подступаетъ, накатывается та самая прежняя необыкновенная его радость и вотъ перепорхнетъ сердце, переполнитъ грудь...

— Кого ты орешь! — окрикнулъ скрипучій голосъ и изъ угловъ показался волосатый горбачевскій съ конскимъ волосомъ носъ.

А стукъ все стучалъ.

Это Вѣрочка одна въ своей комнатѣ, — не заснула и не заснетъ, — и бьется она головою о стѣнку безъ слезъ, безъ жалобы, съ раскрытыми сухими глазами:

когда лихо, не плачутъ!

* *
*

Жестокія минуты, мотанье и маянье закончили первый Бурковскій годъ Маракулина.

Первая поднялась Адонія Ивойловна, поѣхала она въ Кашинъ, къ Преподобной Аннѣ Кашинской, а изъ Кашина на Мурманъ въ Печенгскій монастырь къ Преподобному Трифону.

За Адоніей Ивойловной послѣ всѣхъ своихъ экзаменовъ уѣхала Вѣра Николаевна къ матери до осени въ свой маленькій бѣлый съ пятнадцатью бѣлыми церквами заброшенный старый городъ Костринскъ, и такая, въ чемъ душа только.

Послѣдней уѣхала Вѣрочка. Экзаменовъ она не держала и свое Театральное училище бросила, такъ какъ нашла другое, болѣе вѣрное и испытанное средство пробить себѣ дорогу, — какое, она не сказала.

Она сказала:

— На будущій годъ увидите, на всю Россію покажу, кто я!

Маракулинъ провожалъ ее на Николаевскій вокзалъ: Вѣрочка ѣхала черезъ Москву куда-то въ Крымъ.

Послѣ звонка онъ особенно почувствовалъ, какъ ему горько, что больше не будетъ Вѣрочки, и молча стоялъ передъ вагономъ. А она какъ-то особенно вся вытягивалась, посматривая нетерпѣливо на прохожихъ и останавливая на себѣ взгляды, такая тонкая, гибкая и легкая.

И вдругъ Маракулинъ улыбнулся въ первый разъ за все свое бурковское время, самъ не зная отчего и почему, просто улыбнулся, и должно быть, замѣтила она: или это было такъ необычно и неожиданно!

— Обо мнѣ надо плакать! — протянула она по театральному, прищурившись не то съ сожалѣніемъ, не то съ гадливостью и, зонтикомъ ударивъ его по рукѣ, сказала совсѣмъ и ужъ слишкомъ сурьезно, даже морщина надулась, — я великая актриса!

И онъ повѣрилъ тогда легко и всѣмъ сердцемъ, что Вѣрочка великая актриса и что на будущій годъ она дѣйствительно покажетъ себя на всю Россію и имя ея скоро прогремитъ на всю Европу — на весь міръ.

Вернувшись съ вокзала къ себѣ на Фонтанку и очутившись одинъ и только съ Акумовной, Маракулинъ почувствовалъ, какъ теперь постыла его жизнь и невозможно такъ жить.

Одному надо предать, чтобы черезъ предательство свое душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ самимъ собою, другому надо убить, чтобы черезъ убійство свое душу свою раскрыть и ужъ, по крайней мѣрѣ, умереть самимъ собою, а ему, должно быть, надо было талонъ написать какъ-то, да не тому лицу,

кому слѣдовало, чтобы душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ и не просто какимъ-нибудь Маракулинымъ, а Маракулинымъ Петромъ Алексѣевичемъ:

видѣть, слышать и чувствовать.

Но онъ больше не согласенъ, потому что не можетъ, онъ больше не соглашается жить такъ, не для чего, только видѣть, только слышать, только чувствовать, а вошьей безсмертной, безгрѣшной, безпечальной жизни — царскаго права, той капли воды, какую ищетъ грѣшная душа на томъ свѣтѣ, ему не надо.

Онъ хочетъ и будетъ жить, но чтобы всего хоть одинъ разъ снова испытать свою необыкновенную радость, какую испытывалъ съ дѣтства и больше ужъ не знаетъ, и однажды только подступила она въ ту весеннюю ночь, когда Анисимъ не пришелъ къ Вѣрочкѣ, въ ту весеннюю ночь, когда колышекъ съ колышкомъ свивался, вѣточка съ вѣточкою, листикъ съ листикомъ, вспоминались, какъ листья слипающіяся, весеннія слова растроганной солнцемъ Акумовны.

И ему такъ горько, горше вечерняго, что нѣтъ больше Вѣрочки, словно бы въ ней-то и заключалась для него вся его необыкновенная радость — источникъ его жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Вѣра! Вѣрочка! Вѣрушка!

Маракулинъ, переписывавшій полууставомъ смѣхотворную старинную русскую повѣсть, надъ которою сидѣлъ съ утра до вечера, — рѣдкій и выгодный заказъ, свалившійся ему какъ какая-нибудь освѣжающая райская манна, вздрогнувъ, не довелъ затѣйливаго усика въ виноградахъ заглавной буквы.

А съ лѣстницы все настойчивѣе повторялось знакомое имя:

— Вѣра! Вѣрушка! Вѣрочка!

— Акумовна, кого вы тамъ кличете? — не вытерпѣвъ, заглянулъ Маракулинъ въ кухню.

— Вѣру, — сказала, не оборачиваясь Акумовна, — у! безстыжая! — и затопотала внизъ по лѣстницѣ во дворѣ.

Было поздно — часовъ одиннадцать, ужъ вѣтровой закатъ пыльно разстилался за Обуховской больницей и съ короткою ночью наползали изъ-за болотныхъ заставъ туманы, а на дворѣ, заваленномъ мусоромъ, щебнемъ и кирпичами, все еще галдѣли ребятишки и, заливаясь, бренчала балалайка, — этого не русскаго убогаго добра на Бурковомъ дворѣ вволю, да по окнамъ, положивъ подушку на подоконникъ, высунувшись, торчали головы взъерошенныя и заморенныя каменнымъ петербургскимъ зноемъ въ надеждѣ, должно быть, подышать прохладою.

Тушь на перѣ высыхала и буквы не выходили и Маракулину казалось, что Акумовна больше не вернется — затеряется гдѣ-нибудь въ Бурковскомъ мусорѣ со своей таинственной недозванной Вѣрой.

И когда на кухнѣ опять затопотало и не Акумовнинъ, чей-то полудѣтскій, полудѣвичій голосъ заговорилъ часто, переходя то въ веселый смѣхъ, то въ ноющее причитаніе, онъ съ какимъ-то облегченіемъ задернулъ занавѣску, и опять пошла работа.

Перепиской своей Маракулинъ дорожилъ и хотѣлъ непремѣнно закончить ее, такъ какъ сидѣлъ надъ нею чуть-ли не второй мѣсяцъ. Эту рѣдкую работу досталъ Маракулину Сергѣй Александровичъ передъ своимъ отъѣздомъ на лѣтнія гастроли. Цѣлыхъ пятьдесятъ рублей долженъ былъ получить Маракулинъ и дѣла его значительно поправлялись.

— Да кто это у васъ тамъ на кухнѣ живетъ? — спросилъ Маракулинъ на слѣдующій день, когда вечеромъ подала Акумовна журавлевскій красный съ игрою пѣвунъ — самоваръ.

— Вѣрушка, — отвѣтила Акумовна, и улыбаясь и поглядывая какъ-то по юродивому изъ стороны, — чудотворная.

И полоскательную чашку принесла ужъ не Акумовна, — Акумовна въ дверяхъ осталась, — чашку несла чудотворная Вѣрушка.

Это была дѣвочка — подростокъ лѣтъ пятнадцати, какихъ много на Бурковомъ дворѣ въ нянькахъ служатъ, вполнѣ ужъ развитая, какъ дѣвушка. Но вглядываясь пристальнѣе, Маракулинъ встрѣтилъ въ глазахъ ея что-то такое знакомое и необыкновенно близкое, только назвать не могъ, и не припомнить ему, гдѣ однажды ужъ видѣлъ такое: огонекъ какой-то,

нѣтъ еще что-то, чего ужъ никакъ не спрячешь и у соннаго подъ вѣками поблескивать будетъ.

— Васъ Вѣрой звать?

— Вѣрушкой... Вѣрочкой, — сбиваясь и тихо какъ-то и угрюмо отвѣтила дѣвочка и, словно смутившись чего-то, попятилась.

— И даже Вѣрочкой, вотъ какъ! — сказалъ Маракулинъ, съ какимъ-то восхищеніемъ глядя на дѣвочку и поднялся вдругъ.

А она, спрятавшись въ коридоръ за Акумовну, чѣмъ-то ужъ въ кухнѣ постукивала или это у него, и Богъ знаетъ, съ чего это бываетъ, сердце постукивало.

— Баринъ, что я хочу попросить васъ, баринъ, не трожьте ее!

— Что вы, Акумовна, Богъ съ вами!

Но сѣлъ онъ, какъ пойманный.

— Боюсь Василья Александровича, — продолжала Акумовна, — пріѣдетъ съ дачи, страшно, каждый разъ подавай ему, неуёмный, тоже эти лазаютъ, какъ ночь, такъ подъ дверями шарятъ, шатуны.

Пріютивъ съ улицы, Акумовна ревниво обороняла дѣвочку отъ Бурковыхъ шатуновъ — Станислава конторщика и Казимира монтера, и вечеромъ нерѣдко еще засвѣтло запирала она кухню и укладывала дѣвочку на свою постель подъ три неугасимыя лампадки для безопасности.

А называла она Вѣру чудотворною такъ потому, что совершилось чудо надъ нею.

— Чудотворная она, — говорила Акумовна, — до пяти годовъ безъязычной была, не говорила, и доктору показывали Николаю Францевичу, нѣтъ пользы, и къ Скорбящей ее водила мать, тоже посовѣтывали, къ Матренушкѣ — босикомъ ходитъ, а въ темную

пятницу пошли на Пороховые заводы, крестный ходъ въ Ильинскую пятницу на Пороховыхъ — двѣнадцать иконъ носятъ и до тысячи маленькихъ, всякихъ, отстояли они обѣдню, стали домой собираться, а она пить проситъ: „Мама, дай мнѣ пить!“ Съ той самой поры и говоритъ.

Отецъ Вѣры — торговецъ книжками: книжки, крючки, пуговицы, разная мелочь. Мать Вѣры хворая, въ поденную ходила: гдѣ полы мыть, гдѣ на уборку. Жили они въ Кузнечномъ переулкѣ въ углахъ, гдѣ хиромантъ, окна тамъ въ родѣ венеціанскихъ — страшныя. Стала Вѣра подростать, отдали ее въ золотошвейки, пробыла съ годъ въ золотошвейкахъ, не пригодилась — глаза заболѣли, поступила въ няньки. А тутъ какъ-то бѣжалъ отецъ съ лоткомъ черезъ Владимірскій отъ городового, у Пяти угловъ на поворотѣ попалъ подъ трамвай, — раздавило. И объ эту-же пору Вѣрѣ отъ мѣста отказали. И пришлось имъ тогда очень тѣсно. Мать и придумала: попробовать къ брату послать, — на Муринскомъ въ Лѣсномъ жилъ, въ дворникахъ, — не найдетъ ли онъ мѣста. Вотъ дѣвочка и пошла, добралась до Лѣсного ужъ вечеромъ и по дорогѣ, домъ разыскивая, остановилась у гостиницы музыку послушать. Стоитъ она, слушаетъ, глаза-то, должно быть, горятъ, ротъ разинула, а изъ гостиницы господинъ какой-то съ барыней подъ ручку, и смотритъ на Вѣру такъ ласково. Тоже остановился, сталъ разспрашивать ласково такъ. Она все разсказала вплоть до музыки, какъ музыку остановилась слушать. И какая счастливая случайность: имъ-то какъ разъ и надобилась нянька и условія выгодныя. Обрадовалась Вѣра, согласилась. Взяли извозчика, повезли ее къ себѣ — и живутъ-то

они тутъ близко. Какая счастливая случайность! Поздно ужъ было, стемнѣло, а домой пріѣхали, прямо за столъ ужинать, и Вѣру съ собой посадили. Накормили ее. А какъ накормили ее, баринъ повелъ въ другую комнату — черезъ коридоръ комната — спать. А ночью опять пришелъ. Кричать хотѣла, ротъ руками зажалъ. Съ этого и началось. Очнулась Вѣра, — утро. Вышла изъ комнаты — коридоръ. По коридору бродила, искала барина и барыню, попала въ буфетъ, — она, вѣдь, въ гостиницѣ ночевала! Спрашиваетъ буфетчика, гдѣ баринъ и барыня? Буфетчикъ смѣется: никакихъ нѣтъ ни барина, ни барыни, а хочетъ она, пускай къ нему идетъ въ няньки. Вотъ положеніе: не согласиться, страшно — вернуться къ матери страшно, согласиться, а что если буфетчикъ-то, какъ вчерашній баринъ, зажметъ ротъ руками...? И то страшно и другое страшно, а третьяго нѣтъ. И все-таки пошла къ буфетчику въ няньки. Дѣтей оказалось много, кое-какъ справлялась, и такъ съ недѣлю. А черезъ недѣлю, какъ ужъ пообвыкла, перевелъ ее буфетчикъ въ отдѣльную комнату спать отъ дѣтей отдѣльно — дѣтей много! — ей какъ будто бы такъ удобнѣй будетъ и спокойнѣй. И опять пошло тоже: сначала самъ хозяинъ — буфетчикъ, за буфетчикомъ околодочный надзиратель. Какъ ночь, ужъ кто-нибудь непремѣнно — человѣкъ по пять за ночь къ ней приводили. И никуда ужъ изъ комнаты не выпускали, и дѣтей она больше не видѣла: у нихъ была новая нянька. Плакала, да что же, только смѣются. И вышла Вѣра изъ комнатки отъ буфетчика однимъ чудомъ. Счастливая случайность: пожаръ — загорѣлось въ гостиницѣ. А то бы пропала. Выскочила она въ суматохѣ изъ комнатки своей да бѣжать. Прибѣжала въ Кузнечный въ углы, гдѣ х и р о м а н т ъ, а матери

нѣту — отъ холеры померла мать. Вотъ положеніе, хоть назадъ къ буфетчику въ комнатку возвращайся. Да сжалилась дворничиха, тоже, какъ Антонина Игнатьевна, старшаго Михаила Павловича жена, къ братцу въ Гавань ходила, жалостливая, съ Антониной Игнатьевной знакома, и послала къ ней въ домъ Буркова, не найдется ли дѣвчонкѣ мѣстечка. А Вѣра вмѣсто Антонины Игнатьевны попала къ Акумовнѣ.

— Чудотворная она, — говорила Акумовна, — одно страшно, лазаютъ, какъ ночь, подъ дверьми шарятъ, шатуны, страшно.

* *
*

Лѣто тянулось нескончаемо, томящее, однообразно.

Стояла жара и по всему Петербургу, по всѣмъ улицамъ стояли рогатки — мостовыя, какъ всегда, перемащивали — ни проходу, ни проѣзду, и духота.

По вечерамъ за самоваромъ Акумовна гадала Маракулину, какъ Адоніи Ивойловнѣ зимой за самоваромъ. Гадала много и щедро, не только на немъ, трефовомъ или, какъ говорила Акумовна, крестовомъ королѣ, но и на другихъ короляхъ и дамахъ — крестовой, червонной, бубновой, пиковой, на всѣхъ тѣхъ лицахъ, какія выходили ему по картамъ, чтобы и ихъ судьбу узнать, и тѣмъ вѣрнѣе дознаться, кто они такіе, и что у нихъ на мысляхъ.

Карта не лгала. Одно и то же, какая-то безтолочь:

— Немножко скука.

— Немножко деньги.

— Немножко перемѣна.

— Немножко слезы.

— Досада.

— Молодая особа.

— Собственный свой домъ и вещь.

— Благородный важный господинъ съ бумагой.

— Казенный домъ.

— Молодой особы скука.

— Немножко непріятно.

— Собственныя свои хлопоты.

— Собственный свой разговоръ.

И оставался Маракулинъ постоянно при собственномъ своемъ разговорѣ.

Разложитъ Акумовна въ послѣдній разъ, зашепчетъ послѣднія слова:

— Для дома.

— Для сердца.

— Что будетъ.

— Чѣмъ кончится.

— Чѣмъ успокоится.

— Чѣмъ удивитъ.

— Всю правду скажите со всѣмъ сердцемъ чистымъ.

— Что будетъ, то и сбудется.

И въ послѣдній разъ все одно и то же — одна карта: какая-то безтолочь одна и собственный свой разговоръ.

Карта не лгала. И только иногда, должно быть, надоѣдало картамъ и онѣ сердились: начинали издѣваться — покажутъ большую перемѣну или выйдетъ большая дорога, большія деньги, исполненіе желаній.

За картами нерѣдко Акумовна вспоминала свою барыню, стараго барина, брата барыни и своего сына, и какіе сны кому снились, и передъ чѣмъ снились, и что какой сонъ означаетъ.

— А нашъ турійрогскій батюшка, хорошій былъ,

великій покаянникъ, отецъ Арсеній, — вспоминаетъ Акумовна, — передъ смертью своей всталъ и спрашиваетъ: „готовы ли лошади?“ „Какія, батюшка, лошади?“ „Да вѣдь я, говоритъ, только-что молодыхъ повѣнчалъ, на свадьбу меня зовутъ за-границу ѣхать!“ Да и померъ. А за шесть дней, какъ старому барину помереть, видѣла моя барыня, будто она сапогъ съ ноги потеряла. А передъ смертью барыни приснилось мнѣ, сижу я будто передъ печкой — затопила печку, дрова разгорѣлись, сталъ жаръ разваливаться, я нарѣзала сала, положила въ горшокъ, поставила въ печку, и только что поставила, горшокъ и развалился на двѣ половины и затрещалъ, жаръ и чадъ такой... Не далъ мнѣ родитель слова благословенія. Такъ все и вышло! Катучимъ камнемъ коло бѣлаго свѣта.

— А что же братъ вашъ и невѣстка? — спросилъ какъ-то Маракулинъ.

— Да тоже, одно — маются: лѣсу нѣтъ, дровъ нѣтъ, покосу нѣтъ; а меньшая дочь ихъ Ѳедосья, племянница, въ Турій Рогъ ходила въ поденную полоть, барину, молодому Буянову, понравилась, баловной баринъ, и оставилъ ее баринъ у себя на мѣсяцъ въ домѣ служить, а мѣсяцъ кончился, еще на мѣсяцъ, а тамъ и на всю зиму. Братъ-то все понималъ, да невѣсткѣ не сказывалъ. Лѣсу нѣтъ, дровъ нѣтъ, покосу нѣтъ, а отъ барина и дровъ дадутъ и денегъ, выгодно. Такъ всю зиму и прожила Ѳедосья. А на Красную горку уѣхалъ баринъ въ городъ, тамъ и женился. И пошла Ѳедосья домой къ отцу опять, а ужъ всѣ знаютъ — всѣ узнали! Стали ее попрекать братья, что такая она, грѣхъ-то у ней этотъ, какъ воронье, заклевали, и не вынесла, — за девять дёнъ до Покрова померла. Двадцатый годъ минулъ, моло-

дая. А Василій, двоюродный братъ, на Маслену ноги отморозилъ...

Вспоминая Турій Рогъ и Сосну Гору, Акумовна нѣтъ-нѣтъ да и замѣтитъ и такое турійрогское и сосногорское, что, кажется, и въ голову не придетъ на Бурковомъ дворѣ.

— Теперь, — скажетъ, — рожь ужъ готова, слава Богу! — и перекрестится, — дождь не хорошо.

Вѣра привыкла къ Маракулину и не дичилась больше и онъ привыкъ къ ней и хорошо было, когда она входила въ комнату:

впереди Акумовна съ самоваромъ, а за нею Вѣра съ полоскательной чашкой.

„Изъ полоскательной чашки на томъ свѣтѣ дьяволы дьяволовъ и грѣшниковъ причащаютъ!" — вспомнилось какъ-то Маракулину видѣніе Акумовны изъ ея хожденія по мукамъ и онъ впервые съ отъѣзда Вѣрочки улыбнулся.

И Вѣра, словно прочтя его мысли, отвѣтила ему.

И онъ долго видѣлъ ея улыбку полудѣтскую, полудѣвичью.

И какъ пусто показалось, когда Вѣра, найдя себѣ мѣсто, перебралась изъ кухни отъ Акумовны тутъ же на Бурковомъ дворѣ на четвертый этажъ во флигель — такъ назывался черный конецъ дома къ Бельгійскому заводу.

Акумовна частенько пропадать стала: навѣдывалась къ своей чудотворной — къ огоньку своему, къ Вѣрѣ своей, учила ее, должно быть, и чистоту наводить и морить березовыя дрова, что-нибудь такое.

И Маракулинъ оставался совсѣмъ одинъ, пусто ему показалось.

Какой-то жилецъ изъ флигеля такую взялъ повадку: какъ вечеръ, высунется изъ окна лицомъ къ

Маракулину, смотритъ и свиститъ. И то, что онъ глазъ съ него не спускалъ, а Маракулинъ увѣрился, что это такъ, и то, что свистъ не прекращается, все это доводило его до бѣшенства и волей-неволей приходилось закрывать занавѣску и сидѣть въ духотѣ.

И пусто было и душила злость.

И по утрамъ, читая газеты, съ какимъ-то нетерпѣніемъ искалъ онъ и, находя, радовался — злорадствовалъ всякимъ убійствамъ, пожарамъ, катастрофамъ, наводненіямъ, ливнямъ, землетрясеніямъ, вѣря въ злорадствѣ своемъ, что страхомъ можно взять человѣка, устрашить человѣка, вывернуть какъ-то мозги его и душу, и тогда прекратится вечерній самодовольный, наглый свистъ надъ ухомъ.

А на новомъ Вѣриномъ мѣстѣ дѣло, должно быть, неладно шло, что-нибудь случилось: не оборонить, должно быть, Вѣру отъ шатуновъ да и за ней самой не усмотришь, безстыжая.

Прерывая гаданье и заговаривая о Вѣрѣ, со слезами говорила Акумовна:

— Я къ Государю пойду: какъ помирать, руки такъ — и все разскажу.

— Не допустятъ, Акумовна.

— Нагишемъ пойду, нагая: какъ помирать, руки такъ — и все разскажу.

— И нагишемъ не допустятъ.

Но она стояла на своемъ, она вѣрила, только Государь заступится, не пропадетъ дѣвчонка, и долго стояла на своемъ и вдругъ примолкала, смирялась.

И Маракулину слышалось, какъ шептала она свое конечное, свое отходное — кару и награду дѣламъ:

— Обвинивать никого нельзя.

— Да кто жъ виноватъ-то, Акумовна?

— Я черный человѣкъ, я ничего не знаю, — отвѣ-

чала Акумовна, и улыбаясь и поглядывая какъ-то по юродивому, изъ-стороны.

Лѣто тянулось нескончаемо, томящее, однообразно. Только и ждалъ Маракулинъ праздниковъ: все-таки праздники.

* *
*

Первымъ вернулся Василій Александровичъ клоунъ, представлялъ онъ и лѣто въ Петербургѣ, но жилъ на дачѣ въ Шуваловѣ и на квартиру иногда только заходилъ и то заглянуть, рабыня Кузьмовна тоже въ Шуваловѣ находилась при немъ.

За Василіемъ Александровичемъ, окончивъ свою поѣздку, вернулся Сергѣй Александровичъ, привезъ съ собою изъ теплыхъ краевъ или, по словамъ Акумовны, изъ того мѣста, гдѣ на быкахъ ѣздятъ, сто баночекъ съ медомъ, — такой ужъ человѣкъ хозяйственный.

А вскорѣ за Сергѣемъ Александровичемъ пріѣхала и Вѣра Николаевна съ поляничнымъ вареньемъ изъ своего маленькаго бѣлаго съ пятнадцатью бѣлыми церквами заброшеннаго стараго города, отъ матери изъ Костринска.

За Вѣрою Николаевной явилась сама Адонія Ивойловна.

Всѣ вернулись, не хватало только Вѣрочки. И вѣстей отъ нея никакихъ не было.

И ужъ въ сентябрѣ по зеленой бумажкѣ-билетику, выставленному у швейцара Никанора на дверяхъ, Вѣрочкину комнату сдали.

Новой сосѣдкой Маракулина оказалась Анна Степановна Шіянова, по мужу Лещова, учительница изъ Пурховца.

Пурховецъ — древній городъ на рѣкѣ Смутрѣ, а по пѣнію соловьиному — первый, соловей-городъ.

Въ Пурховцѣ, въ женской гимназіи, гдѣ преподавала Анна Степановна, были два учителя, двѣ знаменитости: учитель исторіи Раковъ и учитель словесности Лещевъ, оба пріятели и оба, по собственному опредѣленію своему, идейные. Судьба Анны Степановны тѣсно связана съ судьбою Лещева, а Лещевъ и Раковъ, какъ двѣ половинки, и по единодушію и по единомыслію — одно. Только Раковъ постарше, Лещевъ помоложе. И Раковъ и Лещевъ жили вмѣстѣ у одной хозяйки, жили скупо, трезво и уединенно.

Павлина Поликарповна, ихъ хозяйка, хоть и не шестнадцати лѣтъ, но еще бодрая и крѣпкая, служила она въ незапамятныя времена свои у губернскаго совѣтника Герасимова въ кухаркахъ, и Герасимовъ передъ кончиною своей во всемъ ее ограничилъ, какъ выражалась сама Павлина Поликарповна, выигрышный билетъ подарилъ ей за примѣрную службу. Купила Павлина Поликарповна домишко, пускала жильцовъ, тѣмъ и жила.

Раковъ, развѣдавъ о герасимовскомъ билетѣ, не преминулъ, какъ историкъ, замѣтить себѣ его номеръ въ памятную книжку и всякій разъ слѣдилъ по газетамъ выигрыши, а къ Павлинѣ Поликарповнѣ былъ почтителенъ, строгъ и ласковъ. И шли такъ годы тихо, уединенно и въ ожиданіи.

Павлина Поликарповна, хоть и не шестнадцати лѣтъ, а думка-то въ головѣ у ней бывала, нѣтъ-нѣтъ да и всплакнетъ она просто безпричинно такъ. По веснѣ — особенно, когда припекать начнетъ, да куры всѣ занесутся, да сады зазеленѣютъ, да ночи пойдутъ теплыя, душныя, томящія, да соловей защелкаетъ, да самъ Раковъ заиграетъ на гитарѣ, что на гусляхъ,

заиграетъ да запоетъ соловьемъ — „По синимъ волнамъ океана, лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ, корабль одинокій несется, несется на всѣхъ парусахъ“... — тутъ ужъ никакое, кажется, сердце не выдержитъ, и упадетъ у Павлины Поликарповны сердце.

Пурховецъ — древній городъ на рѣкѣ Смугрѣ, а по пѣнію соловьиному — первый, соловей-городъ.

Просматривая по утру Пурховецкія Губернскія Вѣдомости, Раковъ неожиданно разгоготался, да такъ — ну какъ на радостяхъ человѣкъ загоготать можетъ, когда горла — мало, да и какъ было не загоготать: герасимовскій билетъ и не что-нибудь — всѣ двѣсти тысячъ выигралъ! Но, во-время спохватившись, сунулъ Раковъ въ карманъ газету, нарочно громко раскашлялся и, затаивъ Павлинино счастье, пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ гимназію на уроки.

Ужъ къ вечеру, едва высидѣвъ уроки, Раковъ отъ волненія разнемогся, и пришлось Павлинѣ Поликарповнѣ съ больнымъ всю ночь провозиться. А на утро легче не стало и такъ съ недѣлю. Цѣлую недѣлю ухаживала Павлина Поликарповна за Раковымъ, а на заговенье они поженились. И первымъ дѣломъ послѣ вѣнца, какъ остались наединѣ молодые, былъ нескромный, но законный вопросъ молодого: „гдѣ билетъ?“ — „Какой билетъ?“ — „Какой! герасимовскій!“ А билетъ-то герасимовскій давнымъ-давно проданъ, билета ужъ никакого нѣтъ.

На заговенье, чуть ли не въ тотъ же самый день, женился и Лещевъ. Лещевъ женился на Аннѣ Степановнѣ Шіяновой. Шіяновы — первые богачи пурховецкіе, но отецъ Анны Степановны проигралъ въ карты все состояніе, и жили они послѣ большой жизни въ бѣдности. Такъ и померъ отецъ, такъ и померла

мать. Аннѣ Степановнѣ было ужъ за двадцать, и странное дѣло, ничего въ лицѣ ея не было ни отталкивающаго, ничего такого, чтобы безобразіемъ или уродствомъ назвать, даже напротивъ, а между тѣмъ никому она особенно не нравилась и вообще не ухаживали за ней. И невѣстой не считалась она въ Пурховцѣ, да и сама она себя не считала и ужъ въ тайности сжилась, должно быть, что одна и одной останется она, и не сжилась, нельзя съ этимъ сжиться, а увѣрила себя. А въ одинъ прекрасный день получаетъ она наслѣдство отъ тетки какой-то, о которой и не слыхивала, и наслѣдство немаленькое — тысячъ пятьдесятъ что-то. И, конечно, въ гимназіи объ этомъ извѣстно, сама же она первая всѣмъ разсказала, и, конечно, Лещеву тоже извѣстно. Тутъ-то Лещевъ и принялся за дѣло: по пятамъ пошелъ ходить за Анной Степановной, несчастнымъ какимъ-то вдругъ сдѣлался, плакаться сталъ, ныть сталъ, и гоненія какія-то на себя выдумалъ, и враговъ какихъ-то нашелъ, и всѣ болѣзни у него открылись сразу, и все неизлѣчимыя, и вотъ-вотъ самоубійствомъ кончитъ и при этомъ любовь разыгралъ самую отчаянную, соловьемъ запѣлъ, да такимъ соловьемъ...

Пурховецъ — древній городъ на рѣкѣ Смугрѣ, а по пѣнію соловьиному — первый, соловей-городъ.

И женился Лещевъ на Аннѣ Степановнѣ, отобралъ все ея теткино наслѣдство — всѣ пятьдесятъ тысячъ да и показалъ ей дверь:

„мнѣ, говоритъ, развѣ тебя надо, мнѣ деньги твои надо!“

Вѣру Николаевну жалко было, за Вѣрочку страшно, а за Анну Степановну больно. Какъ-то такъ она улыбалась, больно на душѣ за ея улыбку.

Вѣра Николаевна хотѣла учиться. Для чего учиться? Да такъ ей ея Марья Александровна сказала, въ которую она, какъ въ Иверскую, повѣровала. И она будетъ учиться, пока силъ хватитъ, и когда-нибудь за какой-нибудь физикой Краевича Богу душу отдастъ.

Вѣрочка хотѣла стать великою актрисой, прогремѣть на всю Россію, на всю Европу — на весь міръ, а хотѣла она этого такъ потому, что отмстить Анисиму хочетъ: на одну минуту, чтобы Анисимъ Никитичъ Вакуевъ, которому все удается и съ рукъ все сходитъ, пожалѣлъ бы себя и раскаялся, что промѣнялъ ее на какихъ-то другихъ, полюбившихъ его или продавшихся ему. И вотъ она пробиваетъ себѣ дорогу какимъ-то вѣрнымъ и испытаннымъ способомъ и будетъ пробивать, пока хватитъ силъ.

А чего хотѣла Анна Степановна? Осталась она одна и безъ ничего, но не въ этомъ дѣло: она и одна жила и безъ всякихъ денегъ жила, тутъ другое, тутъ душевное — она всей душой повѣрила, что ее полюбили, и сама она полюбила. Такъ чего же она теперь хочетъ? Чего хочетъ! А чего хочетъ человѣкъ, душу котораго смазалъ кто-то, душу котораго изнасиловали?

И, вглядываясь въ Анну Степановну, Маракулинъ все болѣе убѣждался, что ей собственно на землѣ и дѣлать-то нечего. И оттого она такъ улыбалась, больно на душѣ за ея улыбку.

* *
*

Осень началась трудная, всѣмъ пришлось туго. Послѣ осенняго праздника — Воздвиженья, Василій Александровичъ клоунъ, летая въ циркѣ на какихъ-то

воздушныхъ трапеціяхъ, упалъ и расшибся или, какъ говорили по двору, столбовую кость и стволъ ногъ повредилъ.

И такъ ему плохо было послѣ воздушнаго его паденія, даже попросилъ священника, пріобщиться. А докторъ сказалъ, что пролежитъ онъ мѣсяцевъ шесть и операція будетъ трудная.

— Съ пятки срѣжутъ и отворятъ мясо, — соболѣзновала Акумовна, — будутъ долой костку долотомъ скалывать, долой прочь, обѣ пятки, а испить бы ему настою изъ лошадинаго навозу и все бы, какъ рукой…

У Маракулина послѣ лѣтней удачи опять ничего не было.

По разнымъ мѣстамъ и учрежденіямъ самое большее записывали его адресъ, а извѣстно, когда запишутъ адресъ, ужъ ничего не дождешься.

Случилась въ то время въ Петербургѣ перепись собакъ. И съ недѣлю ходилъ онъ по всякимъ Бурковымъ и Бельгійскимъ дворамъ, считалъ собакъ, а ходивши по собакамъ, познакомился съ однимъ студентомъ, тоже счетчикомъ, Лиховидовымъ.

Студентъ этотъ, Лиховидовъ, самъ находясь при послѣднемъ издыханіи, какъ-то ухитрялся всякія собачьи занятія доставать, и кое-чѣмъ пользовался отъ него Маракулинъ. И ужъ дѣло пошло было опять на поправку. Но тутъ съ Лиховидовымъ произошло недоразумѣніе. Занимался Лиховидовъ гдѣ-то въ конторѣ и какъ-то выходитъ онъ послѣ вечернихъ занятій поздно и какъ-разъ выходитъ главный надъ нимъ — управляющій конторой, разодѣтый такой въ шубѣ — воротникъ богатый. „Какъ, говоритъ, думаете, господинъ Лиховидовъ, что теперь лучше, чаю попить или кофею?“ А Лиховидовъ, съ утра еще ничего не

ѣлъ, какъ собака голоденъ, да и вѣтромъ петербургскимъ на него дунуло, зубъ на зубъ не попадаетъ, — посмотрѣлъ онъ на управляющаго, словно бы соображая о чаѣ и кофеѣ, что теперь лучше, чаю попить или кофею, да какъ свистнетъ его по физіономіи. И съ тѣхъ поръ пропалъ. А пропалъ Лиховидовъ, стало дѣло и у Маракулина.

На ловца и звѣрь бѣжитъ. Послѣ долгихъ поисковъ Анна Степановна нашла себѣ уроки въ какой-то частной гимназіи, и гимназія оказалась образцовой, а начальница гимназіи Леднева изъ идейныхъ. Леднева начальница обладала великимъ искусствомъ не тратить ни копейки изъ своего кармана, и дѣлала она это и какъ-то очень просто и мудренно и, конечно, затуманивая свое дѣло самымъ настоящимъ петербургскимъ туманомъ. Говорили, что платитъ она жалованіе учителямъ изъ какихъ-то таинственныхъ обмундировочныхъ денегъ, ей вовсе не принадлежащихъ, и что учителя въ ледневской гимназіи всякій годъ обязательно мѣнялись. Раковъ и Лещевъ по своей идейности выходили передъ Ледневой просто дрянь, какъ любой семеновецъ дрянь передъ Станиславомъ конторщикомъ и Казимиромъ монтеромъ по части кухарокъ.

Два мѣсяца не получала Анна Степановна жалованья, все ей оттягивали подъ разными предлогами, и только на третій мѣсяцъ выдали, и само собою, не какъ обыкновенное жалованіе, а какъ ссуду какую-то въ счетъ тѣхъ же таинственныхъ обмундировочныхъ.

Получивъ первое жалованіе, повела она и Маракулина и Вѣру Николаевну въ Маріинскій театръ на оперу, и билеты обошлись ей не дешево, за то мѣста — хорошія и было видно все и слышно.

Въ этотъ вечеръ въ театрѣ Маракулинъ встрѣтилъ Вѣрочку.

Сколько разъ за лѣто и осень думалъ о ней и въ адресный столъ посылалъ, но отвѣтъ получался одинъ: выбыла.

И вотъ онъ съ ней встрѣтился.

Въ первую минуту ему страшно стало, но страхъ перешелъ въ безпокойство: Вѣрочка была не одна, съ Вѣрочкой шелъ Глотовъ — кассиръ Александръ Ивановичъ, пріятель Маракулина.

Вѣрочка нисколько не измѣнилась, впрочемъ, развѣ измѣняются люди! Вѣрочка его сразу узнала, а Глотовъ — нѣтъ или умышленно по какимъ-нибудь безспорнымъ соображеніямъ, по безспорной причинѣ сдѣлалъ онъ видъ, что сразу не узналъ стараго своего пріятеля.

— Вотъ неожиданность, а мы тебя, знаешь, Петруша, давно похоронили!

А Вѣрочка, узнавъ, что и Вѣра Николаевна въ театрѣ, сейчасъ же пошла ее разыскивать, и больше ужъ не вернулась.

Глотовъ повелъ Маракулина въ буфетъ.

— Ты гдѣ ее встрѣчалъ? — спросилъ Глотовъ пріятеля.

— Зиму у одной хозяйки прожили, — отвѣтилъ Маракулинъ.

— Такъ ты ее очень хорошо знаешь?

— Какъ когда.

И вдругъ злость осунула ихъ лица. Оба прекрасно поняли другъ друга. Разговора больше не могло быть. Но разойтись было неловко. И молчать было неловко.

Глотовъ предложилъ выпить. Маракулинъ отказался.

И они вышли изъ буфета, шли рядомъ, плечо-

о-плечо, оба разыскивали Вѣрочку. Маракулинъ молчалъ.

А Глотовъ заученно и съ какимъ-то удовольствіемъ повторялъ одно и то же:

— Вотъ неожиданность, а мы тебя, знаешь, Петруша, давно похоронили!

Въ слѣдующій антрактъ Маракулинъ не встрѣтилъ Вѣрочку, и Вѣрочка, пообѣщавшая еще разъ зайти къ Вѣрѣ Николаевнѣ, не пришла. И больше онъ ее не видѣлъ.

Изъ театра Маракулинъ съ Вѣрой Николаевной и Анной Степановной отправился на Невскій въ кофейную.

И встрѣча съ Вѣрочкой и встрѣча съ Глотовымъ, встрѣча ихъ вмѣстѣ, театръ и кофейная, все это взбудоражило Маракулина, и то, что скрытно закипало въ немъ тамъ въ буфетѣ, когда стоялъ онъ съ Глотовымъ, вылилось жгучимъ отчаяніемъ.

И стражда, онъ почувствовалъ, что если бы сейчасъ вотъ всталъ кто-нибудь отъ столика, какой-нибудь Глотовъ или братъ Глотова или сватъ Глотова, который знаетъ Вѣрочку и Вѣрочка котораго очень хорошо знаетъ, всталъ бы и подошелъ къ нему и свистнулъ бы его по физіономіи, какъ студентъ Лиховидовъ управляющаго, онъ бы ногу ему въ благодарность поцѣловалъ и шею бы свою за одно подставилъ, пускай бьетъ кулакомъ, сколько душѣ угодно, или пускай по зубамъ ударитъ, чтобы челюсти треснули.

И, чувствуя всю жгучесть вольной на себя принятой боли въ жестокой страдѣ своей, вспомнилъ онъ о своей излюбленной, опостылѣвшей, несчастной генеральшѣ, и ему пропала охота — ему ужъ не надо было ни оплеухи, ни кулака, ни пинка ни отъ тѣхъ подстриженныхъ усовъ, самодовольно болтающихъ съ

плюгавымъ безусьемъ, и ни отъ тѣхъ лихихъ рыжихъ закрученныхъ завиткомъ вверхъ, которые знаютъ Вѣрочку и Вѣрочка ихъ очень хорошо знаетъ.

Нѣтъ, онъ думалъ въ своемъ отчаяніи, какъ было бы хорошо подварить генеральшу кипяткомъ, ну такъ шпарнуть чуть-чуть кипяткомъ, и съ какою злостью бросится она кусаться и всѣхъ до одного искусаетъ.

— Почему фамилія Вѣрочки теперь не Вехорева, а другая — Рогова.

— Потому что она генеральша, — отвѣтилъ Маракулинъ.

— Какая генеральша?

Вѣра Николаевна не понимала и смотрѣла то на него, то на Анну Степановну, которая улыбалась, и было больно на душѣ за ея улыбку.

А Маракулину захотѣлось ужъ самому встать и тутъ же сейчасъ у одной глаза выколоть — эти потерянные глаза бродячей Святой Руси, оробѣвшей, съ вольнымъ нищенствомъ, опоясанной бѣдностью — боголюбскимъ пояскомъ, все выносящей, покорной, терпѣливой Руси, которая гроба себѣ не построитъ, а только умѣетъ сложить костеръ и сжечь себя на кострѣ.

А другую задушить, чтобы перестала улыбаться, не было бы этой улыбки, изъ которой съ какимъ-то наглымъ безстыдствомъ лѣзетъ въ глаза всѣмъ и каждому смазанная изнасилованная душа, ей незачѣмъ жить, ей нечего дѣлать, ей нѣтъ мѣста на землѣ!

А можетъ быть, ему самому ужъ нѣтъ мѣста на землѣ?

— А какъ вы думаете, Вѣра Николаевна?

— Вѣрочка адресъ свой дала и предупредила, чтобы не спрашивать Вехореву, а Рогову.

Маракулинъ закрылъ глаза, онъ почувствовалъ

вдругъ крайнее утомленіе и какое-то полное безразличіе, и если бы, кажется, пожаръ начался въ кофейной, онъ не тронулся бы съ мѣста, и если бы потолокъ сталъ обваливаться, онъ даже не взглянулъ бы.

Замѣтивъ, что ему не по себѣ, Вѣра Николаевна и Анна Степановна не хотѣли его тревожить и, чтобы не сидѣть надъ душой, тихонько разговаривали.

Вѣра Николаевна разсказывала про какую-то сестру милосердія:

— Привезли въ больницу ребенка, кипяткомъ ошпаренъ; чтобы операцію сдѣлать, надо кожу, а гдѣ взять кожу? — у ребенка? — не вынесетъ, ослабъ очень, вотъ сестра и предложила свою, у ней и вырѣзали, сколько надо.

— И что же?

— Слава Богу, живы.

Анна Степановна, улыбаясь, перекрестилась:

— Слава Богу.

Маракулинъ поднялся и пошли на Фонтанку.

* *
*

Вѣрочка жила въ меблированныхъ комнатахъ на Мойкѣ — небольшая квартира — и кромѣ ея да хозяйки никто въ квартирѣ не жилъ.

Комнаты были заставлены всякими диванчиками и столиками и завалены всякими вещицами, такъ должно быть, было и у Ошурковыхъ въ ихъ десяти комнатахъ.

И какой-то всюду канареечный цвѣтъ: желтыя подушки, желтыя ширмы, все было ж е л т о е.

Маракулинъ, разыскавшій, наконецъ, Вѣрочку, въ прихожей еще сообразилъ, что Вѣрочка тутъ не по

собственному выбору, а кто-то поселилъ ее въ эту меблированную желтую квартиру.

Онъ засталъ ее и обрадовался удачѣ своей: она одна была. И разговорился легко и просто. Какъ всегда, сначала держала она себя крайне вызывающе, и разсказывала какъ-то все по разному и не поймешь, гдѣ настоящая правда, а гдѣ правда такая. Она перемѣнила фамилію только потому, что она на сценѣ, она служитъ въ театрѣ, въ одномъ петербургскомъ театрѣ-кафешантанѣ.

— Я тамъ танцую, приходите посмотрѣть когда-нибудь.

Но театръ театромъ и танцы танцами, только Анисимъ денегъ ей уже давно не высылаетъ. Вмѣсто Вакуева ей одинъ важный старикъ покровительствуетъ, и эту квартиру для нея снялъ и для него она фамилію перемѣнила, фамилію ей перемѣнили: Варягинскій важный, при дворѣ бываетъ.

— Такъ старикашка, лѣвымъ глазомъ мышь видитъ: зажмурится и мышь пропадетъ, а откроетъ глазъ и опять мышь тутъ-какъ-тутъ, сѣренькая, мышенокъ.

Анисимъ денегъ ей ужъ давно не высылаетъ, а ей нужно деньги. Ей надо, чтобы старикъ Варягинскій на ея имя капиталъ положилъ, и тогда...

— Я покажу, кто я, всему міру покажу, и пускай они увидятъ!

Да, она покажетъ себя, ея имя прогремитъ на всю Россію, на всю Европу — на весь міръ. Она выбрала свой сожигающій путь, но, вѣдь обыкновеннымъ путемъ никуда не выйдешь, не пробьешь себѣ дорогу, безъ денегъ никуда не пустятъ и затрутъ, будь ты хоть чортомъ. Надо умѣть лгать и деньги, лгать и деньги — вотъ что надо. И она пробовала прожить обыкновенно. Хорошо знаетъ! Не въ прачки-

же ей итти, или же ей въ самомъ дѣлѣ въ прачки итти? Въ Кузнечномъ переулкѣ съ хиромантомъ она не согласна жить и въ Горбачевскихъ углахъ она не согласна. А положитъ старикъ на ея имя капиталъ, будутъ у ней деньги, тогда...

— За деньги все можно купить, — кричала Вѣрочка своимъ жуткимъ крикомъ, кричалъ въ ней не кличъ провидящихъ, а вызовъ, крикъ о какомъ-то правѣ своемъ перебить, какъ сказываетъ старина, всю поднебесную силу, случись только лѣстница на небеса, случись-же кольцо въ землѣ, повернуть всю землю вверхъ дномъ, и вызовъ и крикъ отчаянія ея сожигающаго пути, — я проститутка и буду проституткой! А на будущій годъ я покажу себя, вы меня увидите. И Вѣра Николаевна отъ денегъ не отказалась-бы и эта ваша другая, съ этой жалкой улыбкою, тоже взяла-бы, только имъ никто не даетъ, а мнѣ всякій дастъ, я умѣю лгать и я возьму свое!

И бросилась она показывать свои наряды, всѣ комоды и гардеробъ отворила, — и всякія платья и бѣлье ворохами, какъ попало, полетѣли къ Маракулину, и ужъ одинъ пестрый ворохъ шелковый и кружевной выросъ между желтыхъ дивановъ, какъ черная гора на Бельгійскомъ дворѣ.

— И все это мое, — кричала она, — смотрите, подарки, мое все!

Маракулинъ поднялся, хотѣлъ было остановить ее, но подступиться нельзя ужъ было, и снова сѣлъ на желтый диванчикъ.

А Вѣрочка въ какомъ-то бѣшенствѣ мяла, рвала и бросала вещи.

И когда комоды были опустошены, и ящики вывернуты вверхъ дномъ, она принялась за бездѣлушки,

крутила ихъ, кувыркая и разбивая, и сваливала все вмѣстѣ въ одну груду.

— И это все мое, подарки! — кричала она, какимъ-то послѣднимъ голосомъ, безъ всякаго голоса.

На одну минуту у Маракулина непреодолимо поднялось желаніе взять спичку, чиркнуть и поджечь, чтобы все уничтожить, весь ворохъ, всю гору и эти желтые диванчики, желтыя ширмы, желтый абажуръ, желтыя подушки, всѣ подарки.

Вѣрочка схватила съ этажерки маленькую бронзовую черепаху, протянула ему, желая, должно быть, подарить эту бронзовую черепаху.

— Когда говорятъ да... когда говорятъ да... когда говорятъ да... — въ упоръ глядя на Вѣрочку и, не принимая подарка, словно ударялъ онъ, и, не договоривъ, задохнулся, плечи его вдругъ задрожали.

Да, она сама знаетъ, тутъ ничего ея не было. А чужія вещи нельзя дарить. Подарковъ не дарятъ, но все-таки можно подарить. А тутъ ничего ея не было, это не подарки, это все чужія вещи. Чужихъ вещей нельзя дарить. Тутъ старикъ — хозяинъ, Варягинскій, который мышь видитъ, Глотовъ, кассиръ — хозяинъ, и всякій, у кого деньги, кто можетъ дать денегъ и, чѣмъ больше дастъ, тѣмъ главнѣе будетъ. У ней все опоганено, все охватано, и она ужъ не можетъ поцѣловать Вѣру Николаевну, нечѣмъ ей поцѣловать ее, все въ ходъ пущено, все оплевано.

— И вы, Петруша, вы хотѣли бы, а? — спросила она вдругъ съ какою-то злостью, — да что-же вы, хотите, да?

Маракулинъ поднялся.

— Такъ вотъ же вамъ, — Вѣрочка высунула языкъ, — не получите-съ, нищій! нищихъ не прини-

маю, слышите, не принимаю! — и глаза ея безстыжiе сверкнули, какъ два ножа, а распустившiеся волосы огнемъ ее жгли.

*   *
*

Не разбирая улицъ, шелъ Маракулинъ, куда ноги вели.

Была декабрьская оттепель, дулъ теплый вѣтеръ и фонари, какъ огромныя спустившiяся съ неба звѣзды и луны, висѣли въ туманѣ.

Выйдя съ Подъяческой на Садовую, сталъ онъ переходить на ту сторону и вдругъ остановился:

у воротъ Спасской части, тамъ, гдѣ виситъ колоколъ, теперь стоялъ пожарный въ огромной мѣдной каскѣ, настоящiй пожарный, только нечеловѣчески огромный и въ мѣдной каскѣ выше воротъ.

И въ ужасѣ Маракулинъ бросился бѣжать.

Подкатывало и давило горло.

И ужъ дома, очутившись въ своей комнатѣ въ Бурковомъ домѣ одинъ, почувствовалъ онъ, что плачетъ, какъ только разъ въ жизни плакалъ, когда уходила старая нянька.

И ночью ему привидѣлось, будто лежитъ онъ на Бурковомъ дворѣ, но Бурковъ дворъ больше дѣйствительнаго, и, хотя сжатъ онъ съ боковъ домами, шкапчики-ларьки разносчиковъ какъ-то глубѣе стоятъ, и каретный сарай, и помойка и, мусорная яма гораздо дальше, и больше сложено всякихъ кирпичей подъ окнами и щебню и мусору. И не одинъ онъ лежалъ на дворѣ, съ нимъ вмѣстѣ лежали всѣ жильцы и съ параднаго и съ чернаго конца дома, изъ флигеля и горбачевскихъ угловъ. И хотя многихъ не зналъ онъ въ лицо, но тутъ догадывался и ужъ не могъ

ошибиться, что этотъ вотъ господинъ и дама — Ошурковы, которые десять комнатъ занимаютъ и всякія вещицы у нихъ, вся квартира заставлена и акваріумъ съ рыбками, а тотъ вонъ въ цилиндрѣ, подвижной такой, — присяжный повѣренный Амстердамскій, весельчакъ, вести умѣетъ дѣла, въ Сенатѣ швейцары, поди, какъ Пасхи, его ждутъ. И самъ Бурковъ лежалъ — бывшій губернаторъ, самоистребитель, но такъ какъ его никто не видѣлъ, а видѣли только мундиръ его, то и тутъ собственно лежалъ не онъ, а мундиръ его, а рядомъ съ мундиромъ старшій Михаилъ Павловичъ съ супругою, богобоязненной Антониной Игнатьевой, и торговецъ Горбачевъ съ какою-то дѣвочкой — дочерью, которой въ крысиномъ чуланѣ пальцы выламывалъ, и Вѣра съ Акумовной, и Станиславъ конторщикъ, и Казимиръ монтеръ, и Адонія Ивойловна, и артисты Дамаскины Сергѣй Александровичъ и Василій Александровичъ, Вѣра Николаевна, Анна Степановна и акушерка Лебедева, покрытая мѣховой зимней шубой, которую у ней на Рождество украли, и швейцаръ Никаноръ, и студенты, которые панихиду по ночамъ пѣли, такъ и лежали рядышкомъ въ студенческихъ новенькихъ мундирахъ и съ своимъ единственнымъ мѣднымъ краномъ, и всѣ семь дворниковъ и паспортистъ Еркинъ, — дворники съ дровами, Еркинъ съ больничными рублевыми марками, весь облѣпленъ марками, все лицо и руки, и ребятишки въ кучу лежали, и персіанинъ массажистъ изъ бань и та дѣвочка, которая кошкѣ Муркѣ молока принесла, съ черепушкой лежала, и сапожники и, пекаря, и банщики, парикмахеры, портнихи, бѣлошвейки, сидѣлка изъ Обуховской больницы, кондуктора, машинисты, шапочники, зонтичники, щеточники, приказчики, водопроводчики, наборщики и разные механики, техники

и мастера электрическіе съ семьями, съ тряпками, съ пузырьками, съ банками и тараканами, и всякія барышни съ Гороховой и Загороднаго, и дѣвицы — портнишки и дѣвицы изъ чайной, и шикарные молодые люди изъ бань, прислуживающіе петербургскимъ дамамъ до востребованія, и старуха, торгующая у бань подсолнухами и всякою дрянью, и кухарки безъ мѣста, и маляръ и столяръ и сбитенщикъ и всѣ разносчики, обложенные финиками и постнымъ сахаромъ, пахнущимъ поганками, словомъ весь Бурковъ домъ — „весь Петербургъ“.

А когда Маракулинъ, узнавъ всѣхъ своихъ бурковскихъ, зорче сталъ вглядываться, то увидѣлъ и не бурковскихъ — мать свою, отца и сестеръ, старика Гвоздева, Александра Ивановича Глотова, Аверьянова бухгалтера, Чекурова, и Лизавету Ивановну и Марію Александровну, Ракова съ выигрышнымъ билетомъ въ двѣсти тысячъ, и Лещева, и Павлину Поликарповну, и всѣхъ блаженныхъ и юродивыхъ, старцевъ и братцевъ, и всякихъ бельгійцевъ и нѣмцевъ, скучены были нѣмцы вокругъ доктора Виттенштаубе, который лѣчитъ отъ всѣхъ болѣзней рентгеновскими лучами, и, наконецъ, всю бродячую Святую Русь.

Такъ лежали на Бурковомъ дворѣ, какъ на смертномъ полѣ, но не кости, живые люди, не сухія кости, живые люди, у всѣхъ жило и билось сердце.

И звѣри съ людьми лежали, красивый рыжій губернаторскій песъ Ревизоръ на своей стальной докучливой цѣпочкѣ, высоко поднималъ то тутъ, то тамъ свою умную морду, гдѣ-нибудь и Мурка лежала, только застилъ ее какой-нибудь дымчатый котъ.

А рядомъ съ Маракулинымъ генеральша Холмогорова лежала, вошь.

И низко фонари, какъ огромныя спустившіяся съ неба звѣзды и луны, висѣли надъ Бурковымъ дворомъ въ туманѣ.

„Времена созрѣли, исполнилась чаша грѣха, наказаніе близко!" — нескладно, точно съ просонья, потянулъ носомъ, заросшимъ конскимъ волосомъ, Горбачевъ.

И вотъ забренчало что-то, какъ шашкой, и изъ шкапчика-ларька вышелъ пожарный, нечеловѣчески огромный, въ огромной мѣдной каскѣ, и пошелъ, застучалъ сапогами.

И ходко, сразу перемахнувъ черезъ всѣхъ маляровъ и слесарей и разносчиковъ, приближался къ Маракулину и, дойдя до него, сталъ.

Это былъ самый обыкновенный пожарный — красная рожа.

И тогда-то Маракулинъ почувствовалъ, какъ стало ему тяжело, ни ногой, ни рукой пошевельнуть не можетъ и ужъ знаетъ, что ему недолго осталось и только говорить еще свобода, и также почувствовалъ онъ, что и всѣмъ — всему смертному полю тяжело стало и ногой не пошевельнуть и рукой и только говорить еще свобода, и чувствуя послѣднія минуты свои, слышалъ, какъ по Фонтанкѣ гудятъ автомобили.

А надъ нимъ неподвижно стоялъ пожарный. Это былъ самый обыкновенный пожарный — красная рожа.

И хотѣлъ бы Маракулинъ дерзнуть, какъ какой-нибудь старецъ Кабаковъ, молитвою вызывающій гласъ съ небеси, за всѣхъ, за весь міръ спросить пожарнаго, но духу не хватило по кабаковски спросить за всѣхъ, за весь міръ, за все смертное поле, и онъ спросилъ о себѣ:

„А мнѣ хорошо будетъ?"

„Подожди“, — сказалъ пожарный.

„Хорошо?“ — снова спросилъ Маракулинъ, едва ужъ духъ переводя и въ то же время слыша, какъ на Фонтанкѣ гудятъ автомобили.

И отвѣтилъ ему пожарный да такъ уныло, едва слово кончилъ:

„Хо-ро-шо.“

ГЛАВА ПЯТАЯ

Передъ Рождествомъ у Маракулина сломался крестъ.

Взяла его Анна Степановна поправить, да пошла изъ гимназіи въ Гостиный, у нея тамъ кошелекъ и вытащили, а съ кошелькомъ и маракулинскій крестъ.

Маленькій крестильный золотой крестъ.

На Святкахъ Акумовна гадала и Маракулину, казалось, ужъ карты окончательно озлобились и издѣваются всѣмъ карточнымъ своимъ безпощаднымъ чистымъ сердцемъ:

— Веселая дорога.

— Благородный важный господинъ.

— Деньги большія.

— Если не получали сегодня письма, то завтра получите.

— Выпиваетъ немножко.

А гдѣ-то по угламъ — Трава и Елки.

Но карта не лгала. Нагадала ли Акумовна или и безъ картъ кѣмъ-то было положено, только вскорѣ послѣ Татьянина дня и совсѣмъ неожиданно долженъ былъ Маракулинъ выѣхать изъ Петербурга въ Москву.

Маракулинъ — московскій. Родился и выросъ онъ въ Москвѣ и учился въ Москвѣ. Лѣтъ пять всего до Петербурга прожилъ онъ въ провинціи, бывалъ по дѣламъ и въ такихъ городахъ, какъ Костринскъ, и въ такихъ городахъ, какъ Пурховецъ. Учился онъ въ частномъ московскомъ реальномъ училищѣ на коммерческомъ отдѣленіи. Только что поступилъ онъ въ

училище, умерла мать, и еще не кончилъ онъ училища, умеръ отецъ. Послѣдніе годы въ училищѣ были трудные, самому о себѣ приходилось думать. У него двѣ сестры, обѣ старше его, обѣ замужнія. Когда онъ жилъ въ Москвѣ, онъ бывалъ у сестеръ сначала часто, потомъ рѣже, потомъ совсѣмъ рѣдко. Маленькимъ онѣ его очень любили и баловали, и онъ это помнилъ, а онѣ забыли. Когда онъ жилъ въ провинціи, онъ писалъ сестрамъ сначала часто, потомъ рѣже, потомъ совсѣмъ рѣдко, только одни поздравительныя письма, а потомъ и совсѣмъ пересталъ писать, онѣ первыя прекратили всякую переписку. И ужъ съ Петербурга онъ привыкъ считать, что у него въ Москвѣ никого нѣтъ, и только на Калитниковомъ кладбищѣ двѣ могилы стоятъ, — два креста: отца крестъ и матери крестъ.

Отецъ его — старшій бухгалтеръ у Плотникова, фабрики Плотниковыхъ въ Таганкѣ, оптовая торговля на Ильинкѣ. Отецъ его — трудовой человѣкъ, упорствомъ пробивалъ себѣ дорогу. Мать — другая, мать — странная.

Евгенія Александровна — такъ звали мать — правдивая она была и простая, и сердечная. Правдивость ея всѣ знали, отецъ ея хорошо зналъ и тѣ, кто часто въ домѣ бывали у нихъ, тоже хорошо знали, и ужъ при ней не судачили про знакомыхъ своихъ, такъ зря языкомъ не трепали — не говорили такого, чего въ глаза не могли бы сказать имъ. Возможности о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь двухъ мнѣній: одного мнѣнія домашняго, какое дома высказывается въ тѣсномъ семейномъ кругу, другого — уличнаго, какое на людяхъ заявляется, если для чего-нибудь надобно бываетъ, такого обиходнаго порядка она не могла постичь и житейскаго домёка у ней не было.

И потому всегда могъ выйти если не скандалъ, то конфузъ, и отцу не разъ приходилось предупреждать ее. Этотъ житейскій домёкъ, знающій два мнѣнія, безхитростная самозащита и часто подленькая, не мудрость; въ мудрости, знающей не два, а двадцать два мнѣнія — знаніе и пощада. Высшей мудрости у нея, конечно, не могло быть, но той мудрости, которая чутьемъ подсказывается, эта была у ней, какъ и та мудрость, которая сердцемъ постигается, неряшливости, грубости душевной — грубой прямолинейности у ней не было. И все ее трогало и мучило, не было у ней равнодушія, и была необыкновенная жалостливость и сочувствіе, каждому помочь готова была. И ее любили за это. Женю всѣ знали. Женю всѣ любили за это. Гимназисткой, только что кончивъ гимназію, влюбилась она въ студента, репетитора ея брата, и, какъ на Бога, смотрѣла на студента. А студентъ ничего, сурьезный студентъ, только улыбается, улыбается и благодаритъ. Отецъ ея — дѣдъ Маракулина — докторъ, служилъ фабричнымъ докторомъ у Плотникова, и часто на фабрику бралъ ее съ собою. А былъ у Плотникова молодой техникъ Цыгановъ, съ фабричными возился, всякія чтенія для нихъ устраивалъ и театры, а впослѣдствіи, какъ увѣряли знающіе, онъ и стачку поднялъ. Фабричные Цыганова любили и слушались. Женя, бывая на фабрикѣ и видя фабричную жизнь, отъ которой у ней вся душа переболѣла, познакомившись съ Цыгановымъ, вызвалась ему помогать. И много времени проводила она съ техникомъ, сколько силъ хватало, дѣлала. А когда удавалось — ладилось дѣло, съ какою радостью разсказывала она о своей удачѣ репетитору брата — студенту своему, на котораго, какъ на Бога, смотрѣла. А студентъ ничего, сурьезный студентъ, только улыбается, улыбается и благодаритъ.

И случилось однажды, сидѣла Женя у Цыганова, книжки подбирала для чтенія фабричнымъ, да книжки-то все такія были — листки. Она старалась, очень ей хотѣлось, поскорѣе чтобы прочитали тѣ, о комъ, она вѣрила, что правда была въ этихъ листкахъ написана и выходъ указывался изъ жалкой ихъ жизни, отъ которой у ней вся душа переболѣла, и торопилась, впервой было. И Цыгановъ тутъ же за однимъ столомъ съ нею листки разбиралъ и не отходилъ отъ нея, спѣшилъ и тоже хотѣлъ, поскорѣе чтобы сдѣлать все, дѣло опасное! И вотъ, когда было все сдѣлано, листки собраны, подобраны и разложены, и она довольная такая, радостная и, поди, думая, какъ студенту — Богу своему о всемъ разсказывать будетъ, а студентъ, поди, ужъ кончаетъ уроки съ братомъ, а, можетъ, съ отцомъ ужъ сидитъ въ столовой за самоваромъ и въ шахматы съ отцомъ играетъ, заторопилась она скорѣе домой, Цыгановъ, вдругъ бросился на нее и повалилъ на полъ...

Въ этотъ вечеръ, когда она вернулась домой и, какъ ей думалось, такъ и было, застала студента ужъ въ столовой съ отцомъ за самоваромъ — въ шахматы играли, она ничего не сказала ни отцу, ни студенту и намекомъ не намекнула, что съ нею у Цыганова только-что случилось, словомъ не обмолвилась.

Ужасъ и стыдъ побѣдили въ ней всю ея правдивость, и она скрыла самое свое важное. Она молчала, и, не умѣя представляться, была вся наружу, и все-таки никто ничего не замѣтилъ, и только замѣтилъ отецъ въ ея лицѣ какую-то грусть, какой раньше у нея не было. А ужъ много спустя и еще кое-кто замѣтилъ и кромѣ отца, но не всѣ сказали, да и сказать не могли, такъ какъ не разъ видя ее, можетъ, въ первый разъ внимательно взглянули на

нее, и не могли рѣшить, всегда ли была эта грусть и только они ея не замѣчали, или дѣйствительно перемѣна произошла.

Конечно, грусть эта всегда у ней была съ рожденія ея, грусть эта родилась съ нею и всѣ семнадцать лѣтъ таилась въ душѣ ея и только съ того вечера, когда Женя у Цыганова листки разбирала да, разобравъ, счастливая, радостная, ужъ думала, какъ разскажетъ студенту — Богу своему о этой своей радости, только тогда вотъ изъ ужаса вышла на свѣтъ ея грусть.

И развѣ одна грусть легла на лицо ея, когда она на полу валялась да въ животной боли и въ отвращеніи и въ ужасѣ крикомъ кричала-бы, если-бы крикъ не сдерживала, ну равзвѣ только грусть лежала теперь на лицѣ ея, когда она молча и вся наружу мучилась?

Если-бы люди вглядывались другъ въ друга и замѣчали другъ друга, если-бы даны были всѣмъ глаза, то лишь одно желѣзное сердце вынесло-бы весь ужасъ и загадочность жизни. А, можетъ быть, совсѣмъ и не надо было-бы желѣзнаго сердца, если-бы люди замѣчали другъ друга.

Но какъ все случилось, отчего случилось и какъ Женя сама себѣ все объясняла?

Въ первый вечеръ, въ тотъ вечеръ Цыгановъ ослѣпъ, другой какой-нибудь предумышленной причины не могло быть, просто ослѣпъ.

И если бы онъ былъ о семи глазъ, кто знаетъ, не ослѣпъ ли бы онъ и на всѣ семь глазъ отъ ея двухъ глазъ, отъ того, какъ смотрѣла она радостная, готовая о радости своей сейчасъ вотъ передать студенту — Богу своему, а радость ея была огромная,

вѣдь ей впервой было и дѣло опасное, и повѣрила она, что нашла спасеніе той жалкой жизни, отъ которой у ней вся душа переболѣла и, наконецъ, она все исполнила.

Такъ сама Женя, не виня никого и только себя, все объяснила.

Такъ это или не такъ, ослѣпъ онъ или не ослѣпъ, не могъ онъ на нее не броситься или могъ и не броситься, но только Цыгановъ, занятый дѣломъ, которое приходится вести тайно и скрытно, должно быть, обезглазѣлъ отъ своей дѣловой подозрительности.

Да, конечно, обезглазѣлъ, а почему — все равно; вѣдь, если-бы онъ замѣчалъ хоть что-нибудь, не было-бы того, что дальше было.

А было то, что всякій разъ, когда Женя приходила къ нему, разбирать ли листки, или еще по какимъ дѣламъ такого же рода, чтобы помочь ему, всякій разъ непремѣнно повторялся тотъ первый опасный и радостный вечеръ.

И просила она его, молила пощадить, не трогать ее, но онъ не хотѣлъ слышать, потому что ничего не слышалъ и ничего не замѣчалъ.

И такъ цѣлый годъ.

А когда Цыгановъ куда-то исчезъ съ фабрики отъ Плотникова: одни говорили, что его въ Сибирь сослали, другіе, что онъ за Трехгорной заставой на заводѣ устроился и съ большимъ окладомъ, а третьи, что объявилъ будто-бы міру чуть ли не Новый Сіонъ, — словомъ, когда Цыганова не стало и Женя было вздохнула, какъ точь-въ-точь произошло то же самое и въ другой разъ, только на мѣстѣ Цыганова очутился ея братъ — юнкеръ.

И просила она брата, молила пощадить, не трогать ее, но онъ не хотѣлъ слышать, а не хотѣлъ слы-

шать, потому что ничего не слышалъ и ничего не замѣчалъ.

А не слышалъ и не замѣчалъ онъ, потому что ослѣпъ въ ту минуту, а ослѣпъ онъ, потому что въ ней самой было что-то ослѣпляющее: вѣдь ничего общаго не было въ братнинъ вечеръ съ тѣмъ Цыгановскимъ опаснымъ и радостнымъ вечеромъ.

Такъ сама Женя, не виня никого и только себя, все объяснила.

Такъ это или не такъ, ослѣпъ братъ ея или не ослѣпъ, но только, не занимаясь цыгановскими дѣлами, скрытностью дѣла и опасностью не загнанный въ одну слѣпую подозрительность, напротивъ, имѣя, передъ собою открытый путь безъ осматриванія, безъ настораживанія, онъ, должно быть, какъ многіе и многіе люди всякаго ремесла и дѣла, и мастерства, и страсти, не отличался глазастостью.

Да, конечно, не отличался глазастостью, а потому — все равно; вѣдь, если-бы онъ замѣчалъ хоть что-нибудь, не было бы того, что дальше было.

А было то, что всякій разъ, заставая ее одну, онъ повторялъ все то же начатое имъ въ свой сестринъ вечеръ.

И такъ продолжалось съ годъ.

А когда братъ изъ Москвы уѣхалъ и она осталась одна и могла вздохнуть, помощникъ отца — молодой докторъ замѣнилъ брата, какъ братъ замѣнилъ Цыганова, а за докторомъ еще кто-то и еще кто-то: смѣло подходили къ ней и дѣлали то, что хотѣли.

А дѣлали они то, что хотѣли, не потому, что лежало плохо, они дѣлали все, на что ихъ слѣпыхъ бросало.

Такъ сама Женя, не виня никого и только себя, все объяснила.

Такъ это или не такъ, ослѣпли или не ослѣпли, бросало ихъ или сами они бросались, но только никого изъ нихъ она ни въ чемъ не обвинила и одну себя, свою какую-то суть обвиняла, слѣпящую и оглушающую.

Она молчала, всѣ три года молчала, ни намекомъ не намекнула, ни словомъ не обмолвилась.

А ужасъ былъ и стыдъ былъ и мука была.

Ее любили и у ней было много подругъ и она знала, какъ ее любятъ, и думаютъ о ней, и, правдивая, при всей своей правдивости, не могла сказать имъ, что ошибаются онѣ, не такая она, какъ онѣ думаютъ о ней, вѣдь, зная всю правду о ней, онѣ, возможно, и отшатнулись бы отъ нея, и вотъ, скрывая правду о себѣ, она крадетъ ихъ любовь.

Люди подходили къ ней и дѣлали то, что хотѣли, они дѣлали все, на что ихъ бросало, и она не могла сопротивляться, уступала имъ съ животнымъ отвращеніемъ и болью.

И за то, что она уступала имъ и не могла не уступать при всемъ своемъ животномъ отвращеніи и боли, за какую-то свою суть слѣпящую и оглушающую, которая людей бросала на нее, — ей мало казни человѣческой.

Покончить съ собою было бы очень просто, но что изъ того, если она покончитъ съ собой!

И если бы ее пытали и мучили и запытали и замучили до смерти, что изъ того, если бы ее замучили до смерти!

Ей мало казни человѣческой, мало людской казни, сама она должна карать и казнить себя.

Но чѣмъ карать себя и какъ казнить?

За три года ужаса, стыда и муки своей, въ ужасѣ, стыдѣ и мукѣ по ночамъ безъ сна ужъ волосы рвала

она на себѣ и головою билась о желѣзку кровати — дѣвичьей своей кровати, но что взяла?

Ничего, ровно ничего.

Такъ кто жъ ей укажетъ казнь и какъ ей казнить себя?

И она молилась со всею жгучестью ужаса, стыда и муки самоосудившаго сердца, просила Бога указать ей казнь.

Если бы люди вглядывались и замѣчали другъ друга, если бы даны были всѣмъ глаза, то лишь одно желѣзное сердце вынесло бы весь ужасъ и загадочность жизни. А, можетъ быть, совсѣмъ и не надо было бы желѣзнаго сердца, если бы люди замѣчали другъ друга.

Женя уѣхала изъ Москвы и жила нѣкоторое время подъ Москвою по Курской дорогѣ въ семьѣ одного доктора, товарища отца ея. Отецъ, теперь замѣтившій ужъ не одну только грусть, и, встревоженный, приписывая все переутомленію, уговорилъ Женю проѣхать отдохнуть немного въ деревню.

И вотъ случилось ужъ въ деревнѣ: въ Большой постъ на Страстной недѣлѣ во вторникъ и вовсе не въ Москву она поѣхала къ отцу домой на праздники, какъ думали, нѣтъ, она въ лѣсъ ушла и въ лѣсу тамъ со вторника молилась три дня и три ночи со всею жгучестью ужаса, стыда и муки самоосудившаго сердца, прося объ одномъ — о казни, казнь указать ей и кару.

А въ Великую пятницу на выносъ плащаницы она появилась въ церкви совсѣмъ нагая и только съ бритвою въ рукѣ.

И когда понесли плащаницу, она пошла за ней — передъ ней разступались, какъ передъ плащаницей —

и она стала передъ плащаницей нагая съ бритвою въ рукѣ:

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа!“

Кто-то отвѣтилъ „Аминь“.

Тогда она подняла бритву и стала себя рѣзать, полагая кресты на лбу, на плечахъ, на рукахъ, на груди.

И кровь ея лилась на плащаницу.

Съ годъ, не меньше пролежала Женя въ больницѣ, куда ее привезли тогда изъ церкви безъ памяти. Отъ ея крестовъ примѣтъ явственныхъ не осталось, такъ чуть замѣтный шрамикъ на лбу да и то подъ волосами не видно. И когда нашли, что она здорова, выписали ее изъ больницы и отправили къ отцу.

Что жъ, успокоилась она? Нѣтъ, не успокоилась. Но и о казни больше не просила. Гдѣ-то въ глубинѣ своей она замолчала. Богъ знаетъ, можетъ быть, ее лѣчили чѣмъ-нибудь, или возстановляясь и здоровѣя, не могла она такъ чутко прислушиваться и услышать то, что въ глубинѣ ея говорилось. Но скоро она услышала и совсѣмъ неожиданно. Ходилъ къ ея отцу бухгалтеръ съ Плотниковской фабрики, Маракулинъ Алексѣй Ивановичъ, и должно быть, Женя ему очень нравилась и какъ-то онъ объяснился ей. И вотъ тогда-то и услышала она, что въ глубинѣ ея говорилось.

Ни одному, вѣдь, человѣку неизвѣстно, за что же она казни себѣ просила, ни одному человѣку неизвѣстны три ея мучительныхъ года и четвертый годъ ея казни. Священнику на духу она ничего не говорила — она говорила мысленно подъ эпитрахилью, когда священникъ читалъ надъ ней отпускъ послѣ исповѣди — сказать священнику она не рѣшилась: ему мало будетъ знать, что сама она дѣлала, — ея

грѣхъ, и онъ всегда можетъ спросить о тѣхъ лицахъ, которыя были съ нею, и, можетъ быть, видя ужасъ, стыдъ и муку ея и желая дать ей житейское утѣшеніе, разузнать захочетъ, какъ происходило все, и, узнавъ обстоятельства дѣла, ихъ осудитъ, а ее оправдаетъ, но она сама ихъ ни въ чемъ не обвиняла, она только себя винитъ, свою суть слѣпящую и оглушающую.

И вотъ теперь-то она все скажетъ человѣку, который ее любитъ.

А надо все сказать, такъ въ глубинѣ ея говорилось, непремѣнно надо все сказать человѣку.

И она все разсказала безъ утайки.

Онъ слушалъ кротко и плакалъ, — онъ любилъ ее.

И въ душѣ не вѣря, чтобы и еще разъ то же съ ней не повторилось, снова не вернулись бы тѣ ея три года, онъ хотѣлъ вѣрить, потому что любилъ ее.

Всю остальную жизнь свою Женя посвятила дѣтямъ.

Въ первый же годъ своей новой жизни она сразу какъ-то состарѣлась, но это была вовсе не старость, а тотъ ужасъ стыда и муки, которые, какъ та грусть, вышли теперь на свѣтъ и лежали на лицѣ ея.

А какая-то вспорхнутость глазъ и руки, сложенныя такъ, будто умоляетъ она пощадить, не трогать ее, осталась до конца ея жизни.

А въ гробу лежала она съ крестомъ — изъ-подъ вѣнчика на лбу явственно видѣлся к р е с т ъ.

Маракулину было тогда десять лѣтъ, но онъ помнилъ этотъ крестъ, ея к р е с т ъ на восковомъ лбу изъ-подъ бѣлаго вѣнчика.

И теперь, когда онъ ѣхалъ въ Москву, онъ вспомнилъ этотъ крестъ и воспоминаніе о крестѣ матери почему-то крѣпко и цѣльно слилось съ тѣмъ золо-

тымъ крестильнымъ крестомъ его, который кто-то унесъ передъ Рождествомъ.

И какая-то тоска хлынула на него.

* *
*

Въ Москву Маракулинъ ѣхалъ по настоятельному вызову Плотникова.

Павелъ Плотниковъ съ Маракулинымъ учился, но былъ младше его на два класса. Когда въ первый разъ увидѣлъ его Маракулинъ, ему очень Плотниковъ понравился: это былъ здоровый мальчикъ, какой-то молочный весь и парной и хотѣлось подойти и погладить его, потрепать такъ по головѣ и умыть, какъ звѣрушку, лимонъ сдѣлать — взять крайними пальцами за щеку и постукать средними по носу тихонько, чтобы весь улыбнулся. Въ первый годъ у него болѣло горло и бѣлый платокъ — повязка дѣлала его еще милѣе. Маракулинъ и заговаривалъ и трогалъ его и заигрывалъ со всею ласковостью, но Плотниковъ дичился. И только на слѣдующій годъ судьба ихъ столкнула. Маракулинъ былъ пѣвчимъ и Плотникова выбрали въ пѣвчіе и тоже альтомъ пѣть. На спѣвкахъ Плотниковъ очутился рядомъ съ Маракулинымъ у ужъ понемногу пересталъ дичиться, напротивъ, привязался къ Маракулину, который все для него дѣлалъ: задача трудная, задачу рѣшитъ, переводъ трудный, переведетъ. И такъ цѣлый годъ продолжалась ихъ трогательная и нѣжная дружба. А потомъ вдругъ какъ-то послѣ лѣтнихъ каникулъ Плотниковъ выросъ и ужъ ничего не осталось въ немъ изъ того котятнаго и щенятнаго, что тянуло Маракулина просто подойти и погладить его, какъ звѣрушку.

И ужъ Маракулинъ не такъ сталъ возиться съ

нимъ, такъ ласково попрежнему не говорилъ съ нимъ, продолжая, впрочемъ, все дѣлать для него, что только могъ. А Плотниковъ часто обращался къ нему и притомъ, какъ къ старшему, знающему такое, до чего ему самому, кажется, въ жизнь не дойти.

Училища Плотниковъ не кончилъ, въ пятомъ классѣ застрялъ, его и взяли. Плотниковъ — единственный сынъ и притомъ послѣдышъ послѣ безчисленныхъ сестеръ и въ дѣлѣ надобный, а плотниковское дѣло на всю Таганку — на всю Россію извѣстно. Ко времени своего злополучнаго окончанія — въ пятомъ классѣ онъ такъ раздобрѣлъ и такъ разросся, трудно было представить себѣ, глядя на него, того приготовишку Пашу съ бѣлымъ платкомъ, молочнаго и парного Пашу, которому хотѣлось лимонъ сдѣлать. Всякія отношенія, кажется, должны были прекратиться, но этого не случилось. Плотниковъ заходилъ къ Маракулину и всякій разъ заходилъ за книжкой, книжку просилъ дать почитать, и всякій разъ чего-то словно робѣя. Маракулинъ давалъ книжку, и онъ надолго пропадалъ. И совсѣмъ неожиданно опять являлся и въ часъ совсѣмъ неурочный рано утромъ и нерѣдко въ такомъ возбужденномъ видѣ, словно бы, начавъ вечеръ съ таганской пивной и пропивъ полночи въ какомъ-нибудь Саратовѣ, а до утра у Яра, и обмывшись затѣмъ въ пятикопеечныхъ Полуярославскихъ баняхъ, изъ бань прямо и являлся, только безъ вѣника, что, какъ потомъ оказалось, и бывало на самомъ дѣлѣ. Онъ робко возвращалъ книгу, робко заявляя и всегда одно и то же, что не одолѣлъ и ему надо попроще. Маракулинъ давалъ другую книжку попроще и Плотниковъ снова пропадалъ надолго.

Въ училищѣ въ послѣднихъ классахъ была сбродная компанія, объединенная, должно быть, тѣмъ са-

мымъ, что связывало Маракулина съ Глотовымъ. Тутъ были всякіе головорѣзы и тянущіеся за ними потаковщики, и всѣ, кому надо было развернуться, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли и самые заправскіе дѣльцы и обыкновенные служащіе, а кое-кто спившись, кончилъ на Хитровкѣ. Компанія эта была завсегдатаемъ таганской пивной, московскихъ бульваровъ, а въ воскресенье лѣтомъ — Кускова, въ Кусково обычно перекочевываетъ на лѣто Таганка и Рогожская. Въ этой компаніи участвовалъ Маракулинъ. Случалось иногда, присоединялся и Плотниковъ.

Плотниковъ, пившій до протокола, и однажды, одѣтый такъ легко, что ужъ въ болѣе легкомъ видѣ съ улицы прямо въ часть убираютъ, вступилъ на Таганской площади въ ратоборство съ ломовыми лошадями, буйный и несговорчивый, напившись до дыму, для препровожденія времени могъ выкинуть все, что угодно, и безъ всякаго разбору, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь. Такъ всѣ и знали. И только одно было исключеніе — для Маракулина.

Маракулинъ въ крайнихъ случаяхъ могъ даже унять и разговорить безудержнаго непочатаго Плотникова.

Павелъ Плотниковъ непочатостью своей и умѣньемъ выкинуть для препровожденія времени любой выверть весь былъ въ отца своего Василія Павловича, а Василій Павловичъ по этой части первый былъ дѣятель въ Таганкѣ и дѣятеленъ заразительно: имѣлъ послѣдователей и не мало. Только Василій Павловичъ буйнымъ никогда не былъ, хоть не только пяти, а и одного класса нигдѣ не кончилъ, и нигдѣ на Таганской площади ни съ людьми, ни съ лошадями не вступалъ въ ратоборство, напротивъ, тихъ былъ и кротокъ и рюмки въ ротъ не бралъ. Въ послѣдніе

свои годы на старости лѣтъ, когда ужъ новаго ничего Василій Павловичъ изобрѣсти не могъ и самъ хорошо сознавалъ свою поконченность, вздумалъ онъ для препровожденія времени заняться спаиваніемъ околодочныхъ — пришла ему сумасбродная затѣя поставить всю полицію не на ноги, какъ говорится, а вверхъ ногами. И повелъ онъ это дѣло съ большимъ искусствомъ, добиваясь своего всячески не мытьемъ, такъ катаньемъ: не самъ, такъ по приказу его. А удочкой, приманкой была карета — самая обыкновенная, ничѣмъ не замѣчательная карета и даже безъ герба — въ Таганкѣ гербовъ по званію жителей не полагается. По утрамъ Василій Павловичъ обыкновенно садился у окна и стерегъ околодочнаго, который около этого времени шелъ мимо дома въ часть. Околодочный зазывался въ домъ, будто по дѣламъ, — конечно, дѣлъ никакихъ не было, вести дѣла съ полиціей избѣгали, но такъ и совсѣмъ пустяки какіе-нибудь на случай всегда находились, а пока что Василій Павловичъ предлагалъ посмотрѣть карету и такъ предлагалъ, что больше упрашивалъ. И польщенный околодочный слѣдовалъ за нимъ въ сарай, а въ сараѣ ужъ все требуемое было готово, и выпускался околодочный изъ сарая не иначе, какъ безъ заднихъ ногъ — вверхъ ногами. На другой день то же самое, полегоньку да потихоньку и доводилъ до того, что околодочный, забывая всякій обходъ, съ утра самъ ужъ являлся въ сарай карету смотрѣть и, конечно, такого околодочнаго изъ полиціи скоро выгоняли, на его мѣсто назначали другого, а съ новенькимъ начиналась та же самая каретная исторія. А по примѣру Василія Павловича, заразившись его дѣятельностью рыбникъ Барабохинъ въ то же самое время спаивалъ поповъ и удочкой Барабохину служилъ садокъ, са-

мый обыкновенный рыбный садокъ, и вовсе не для держанія какой-нибудь головоломной не существующей рыбы въ родѣ той заграничной, имя которой не выговоришь, а простой стерляжій садокъ. И карета и садокъ дѣйствовали съ необычайнымъ успѣхомъ и порядочно времени, пока не надоѣло. Таковъ былъ Василій Павловичъ, оставившій послѣ себя достойнаго наслѣдника Павла. Вмѣстѣ съ каретой получилъ Павелъ Плотниковъ отъ отца своего и всякія затѣи для препровожденія времени, и таланта не зарылъ, а преумножилъ. Ужъ что взбредетъ ему въ голову, не сдѣлавъ, не успокоится, а взбредало ему въ голову разное и такое, чего побаивались. Но онъ никогда ничего не позволилъ себѣ, что хоть чѣмъ-нибудь затронуло бы Маракулина, — Маракулинъ исключеніе. Такъ всѣ и знали.

Трижды Плотниковъ принялъ самое горячее участіе въ Маракулинѣ: въ первый разъ ограждая, въ другой разъ устраивая и, наконецъ, въ третій разъ выручая.

Огражденіе заключалось въ томъ, что Плотниковъ отвадилъ отъ Маракулина Стракунова, избивъ Стракунова всенародно и не безъ внушенія. Былъ въ Таганкѣ такой Сашка Стракуновъ — изъ пролазовъ, чортъ знаетъ, на что жилъ, чѣмъ только не брезговалъ! Какъ-то втерся онъ въ Кусковскую компанію и чѣмъ-то понравился Маракулину — чѣмъ можетъ такой нравиться, одному Богу извѣстно — да и самъ Маракулинъ не сказалъ бы толкомъ, что его къ Стракунову повлекло. Такъ цыганскаго отродья, кривлявый, только всего и есть. Стракуновъ Сашка обдиралъ Маракулина, какъ сидорову козу, и все, что было у Маракулина съ уроковъ получено, все на него шло.

Такъ съ мѣсяцъ вертѣлся. Узналъ объ этомъ Плотниковъ и не замедлилъ — оградилъ.

А послѣ окончанія училища, почти тотчасъ послѣ экзаменовъ, не прогулявъ и недѣли, Маракулинъ уже поступилъ въ контору на Кузнецкомъ, и все это устроилъ Плотниковъ.

Вечера лѣтомъ проводились на бульварахъ. Какъ-то на Чистыхъ прудахъ на четверговой лѣтней музыкѣ Маракулинъ познакомился съ одной чистопрудной Полей. Поля, появлявшаяся на бульварѣ лишь въ сумерки — рогожская, жила въ Вокзальномъ переулкѣ. На Чистыхъ прудахъ она извѣстна была, какъ Поля, но Дунаевъ, познакомившій Маракулина съ Полей, звалъ ее Дуней, и Полянскій звалъ ее Дуней. Дунаевъ и Полянскій — одноклассники Маракулина, оба таганскіе, кусковской компаніи. А скоро и для Маракулина Поля стала Дуней. А произошло это знакомство вовсе не потому, что Маракулинъ непремѣнно бы этого добивался, нѣтъ, поводъ — другое, сущіе пустяки. На Пасхѣ какъ-то былъ Маракулинъ въ гостяхъ у Полянскаго и въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ о товарищахъ, — время было передъ выпускными экзаменами, — поспорилъ съ Полянскимъ о Дунаевѣ. „Да ты просто влюбился въ Дунаева, замѣтилъ Полянскій и улыбнулся особенно такъ, на барышню онъ похожъ, ты и заступаешься". А Маракулинъ покраснѣлъ весь и ему стало неловко тогда и за то, что Полянскій улыбнулся такъ, и за то, что самъ онъ почувствовалъ, какъ покраснѣлъ весь. И развѣ онъ оттого только и заступался за Дунаева, что Дунаевъ на барышню похожъ? Съ этого и началось. Дунаевъ, похожій на барышню, былъ свой человѣкъ на всѣхъ бульварахъ и въ знакъ ли своей товарищеской признательности или такъ вообще — въ такихъ дѣлахъ

и такъ вообще можетъ быть большимъ основаніемъ, предложилъ Маракулину познакомиться съ Полей. А у Маракулина не выходилъ изъ головы Полянскій, а главное помнилъ Маракулинъ, какъ улыбнулся тогда Полянскій, и теперь онъ схватился за это знакомство: ужъ Полянскій больше такъ не улыбнется. Вотъ какіе были сущіе мальчишескіе пустяки! И въ одинъ изъ чистопрудныхъ четверговъ вечеромъ знакомство состоялось. Дунѣ Маракулинъ сразу понравился. И ужъ съ первыхъ же дней знакомства она грубо это высказывала передъ Дунаевымъ и Полянскимъ. А какъ-то ночью въ Вокзальномъ переулкѣ, провожая отъ себя Маракулина, она проворно спустилась съ лѣстницы, чтобы отпереть ему дверь, и, когда онъ ступилъ на послѣднюю ступеньку, загородивъ двери, крѣпко обняла его и, обнявъ крѣпко — руки у ней стали вдругъ снова, какъ дѣтскія, — сунула ему въ карманъ платокъ съ его мѣткой, вышитой крестикомъ, шелковый и надушенный не тѣми духами, какими обыкновенно душилась, выходя въ сумерки на бульваръ, а другими. Но съ той ночи чѣмъ больше Дуня привязывалась къ нему, тѣмъ все дальше относило его. И къ концу лѣта ему ужъ невыносимы стали и засматриванія и выслѣживанія ея, не было ужъ мѣста, гдѣ бы скрыться отъ нея. Она отставала отъ бульварной жизни, наряжалась, душилась не бульварными, другими духами, и для нея это былъ подвигъ, потому что тратить на наряды безъ бульварной жизни, существуя только бульваромъ, невозможно. А она и не нарядная теперь, обыкновенная, если бы хотѣла, пошла бы въ гору, какая-то необыкновенная: про это всѣ говорили и ея знакомые — бульварные и ея пріятельницы — бульварныя, про это говорилъ и Дунаевъ и Полянскій. И зналъ это Маракулинъ, вѣдь руки ея

въ ту ночь стали вдругъ, какъ дѣтскія, — но что ему дѣлать? Платокъ ея, а онъ его не вынималъ изъ кармана съ той ночи и забылъ бы, если бы не чувствовалъ его, платокъ ея съ его мѣткой, вышитый крестикомъ, шелковый тянулъ какою-то тяжестью, словно чугунъ, не шелковый, и оставалось одно: или сжечь или бросить въ Москва-рѣку. И онъ бросилъ его въ Москва-рѣку. Былъ конецъ августа, послѣднія кусковскія гулянья, и ужъ Таганка и Рогожская повертывали оглобли въ свою Таганку и свою Рогожскую, послѣдній воскресный вечеръ холодный и звѣздный. Театръ кончился и вокзалъ былъ полонъ народу. На платформѣ гуляла Дуня. И Маракулинъ подошелъ къ ней и заговорилъ со всей накипѣвшей, долго сдерживаемой злобой, не дожидаясь отвѣта и не давая отвѣтить и, сразу оборвавъ, отошелъ прочь. И теперь ему казалось, что онъ все исполнилъ: больше она не подойдетъ къ нему, и ему больше нечего дѣлать, и больше ему ничего не надо! Къ Дунѣ подошелъ Полянскій и они гуляли на платформѣ. И, поровнявшись съ Маракулинымъ, Полянскій что-то сказалъ ему, но такъ тихо, не разобрать словъ, и только улыбку замѣтилъ Маракулинъ, ну точно такую-же, какъ тогда, на Пасху. И вотъ, когда снова Маракулинъ увидѣлъ ихъ и еще такъ далеко — на концѣ платформы, онъ почувствовалъ какой-то жгучій упрекъ, и чѣмъ ближе были они, тѣмъ упрекъ сильнѣе и жгуче, а съ упрекомъ стыдъ. И когда они снова поровнялись съ нимъ — онъ стоялъ на самомъ виду — когда очутился онъ съ нею лицомъ къ лицу, онъ больше не могъ вынести жгучести укора и стыда своего и низко поклонился ей до самой земли — въ ноги. И тутъ произошло что-то молчаливое, но, должно быть, такое жуткое, отчего бросились всѣ въ

сторону и поднялась суматоха. Между тѣмъ, подходилъ поѣздъ, все тряслось и вѣтеръ свистѣлъ, а Маракулинъ, поднявшись съ земли и видя, какъ какой-то полицейскій, приставъ что ли, куда-то тащитъ Дуню за руку, тоже затрясся и только слыша, какъ рѣзко надъ нимъ, близко вѣтеръ свиститъ, ударилъ пристава. А на самомъ-то дѣлѣ, приставъ ее никуда и не тащилъ, и не случись пристава, ее раздавило бы поѣздомъ, но это послѣ узналось, когда ужъ поздно было. Вечеромъ на слѣдующій день въ Таганскую часть, куда перевезли Маракулина изъ Кускова, въ камеру къ нему явился Плотниковъ и совсѣмъ неожиданно и чего-то робѣя, какъ когда-то за книжкой, и какъ-то робко сказалъ ему, что завтра утромъ выпустятъ его. Дѣйствительно, на утро выпустили Маракулина и безъ всякихъ. Такъ выручилъ его Плотниковъ. И это было послѣднее свиданіе съ Плотниковымъ.

Припоминая до мелочей все московское, всю ночь не заснулъ Маракулинъ и только совсѣмъ ужъ близко гдѣ-то около Подсолнечной забылся на минуту и ему приснился сонъ.

Ему снилось, будто подходитъ къ нему Павелъ Плотниковъ и робко говоритъ ему:

„Самое лучшее, самое раціональное, самое психологичное для твоей жизни, если тебѣ отрѣзать голову!"

А Маракулинъ будто отвѣчаетъ:

„Какъ же такъ безъ головы я буду, вѣдь, безъ головы быть это же страшно?"

„А что подѣлаешь!" — возражаетъ Плотниковъ и начинаетъ убѣждать его, что больно не будетъ, а самое большее, что можетъ быть, чудно и странно.

И хотя убѣждаетъ онъ какъ-то по-своему робко, но и возраженій не допускаетъ.

„Ну, рѣжь!“ — соглашается Маракулинъ.

И Плотниковъ беретъ бритву и начинаетъ ему рѣзать шею, и дѣйствительно, ни чуточку не больно, а ужъ голова совсѣмъ запрокинулась, такъ на ниточкѣ держится.

„Еще одно маленькое рѣшительное движеніе и голова будетъ прочь отрѣзана“, — говоритъ Плотниковъ, чиркая бритвой.

И голова падаетъ на полъ.

А Маракулину будто и безъ головы все видно: онъ видитъ, какъ упала его голова и покатилась по полу и куда-то исчезла, и въ то же время изъ горла широкой струей, выбивая вверхъ — прямо въ потолокъ, хлынула густая вишневая кровь. Весь полъ залитъ и весь онъ въ крови, живого мѣстечка нѣтъ. А потомъ будто кровавый вишневый фонтанъ ослабѣвать началъ, все тише, не брыжжетъ кровь, и ужъ скоро не стало крови и лишь маленькая струйка вилась по жилеткѣ къ полу.

И подходитъ будто Маракулинъ къ зеркалу и безголовый, а смотритъ на себя въ зеркало и чудно и странно ему кажется, нѣтъ головы, — одно горло красное.

„Какъ-же это я безъ головы буду?“ — плюнулъ онъ и проснулся.

* *
*

Сонъ оказался въ руку: чудно и странно было то, что случилось.

У Плотникова ужъ поджидали Маракулина.

Ѳомичъ, старый артельщикъ, прямо провелъ его къ самому въ кабинетъ.

Кабинетъ былъ раздѣленъ на двѣ половины, на два отдѣла: съ одной стороны копія съ нестеровскихъ картинъ, а съ другой двѣ клѣтки съ обезьянами.

Между Святою Русью и обезьяной сидѣлъ Плотниковъ, обуянный запоемъ, и зачѣмъ-то весь медомъ измазанъ, въ какой-то гнетущей печали скитника.

На столѣ валялись порожнія бутылки — и подъ Святою Русью бутылки и около обезьянъ бутылки.

„У него головы нѣтъ, ротъ на спинѣ, а глаза на плечахъ. На Святкахъ накинулся онъ на медъ и ѣлъ его съ воскомъ и съѣлъ его много и оттого завелась въ немъ пчела — цѣлый улей. Онъ — улей. И ему страшно — на сладкое падки! — и ему страшно — съѣдятъ его, перегубятъ всѣхъ его пчелъ, разорятъ его улей, съѣдятъ его! А лѣтомъ, какъ только появится первая муха, онъ займется эксплатаціей мухи въ качествѣ двигательной силы. Вся Россія будетъ раздѣлена на отдѣлы съ мушинымъ намѣстникомъ на каждый отдѣлъ, намѣстники съ генералъ-губернаторскими полномочіями будутъ завѣдывать мушинымъ сборомъ, и въ особой автоматической упаковкѣ на бронированныхъ автомобиляхъ муха будетъ доставляться со всѣхъ концовъ Россіи прямо въ Москву въ Таганку. Русская муха побѣдитъ паръ и электричество, Россія сотретъ въ порошекъ Англію и Америку. У него головы нѣтъ, ротъ на спинѣ, а глаза на плечахъ. Онъ — улей. Русскаго языка онъ не понимаетъ и по-русски не говоритъ“.

— Мнѣ твоего слона не надо! — сказалъ Плотниковъ, свысока пьяными глазами обводя съ ногъ до головы Маракулина, и притомъ выругался съ такимъ исто-русскимъ колѣнцомъ, такіе чертежи пу-

стилъ, что ужъ отъ звучности и крѣпости родной рѣчи у самого глаза на лобъ вылѣзли.

Маракулинъ стоялъ между Святою Русью и обезьяной и ровно ничего не могъ понять: ни о диковенномъ русскомъ мушиномъ двигателѣ, ни о ульѣ, ни о слонѣ, — и было чудно и странно.

А молчаніе его ужъ начинало, видимо, раздражать Плотникова. Плотниковъ вышелъ изъ своего гнетуще-печальнаго состоянія скитника, и фырчалъ.

„Русскаго языка онъ не понимаетъ и по-русски не говоритъ. Съ помощью сѣверно-ледовитоокеанскаго флота Россія, раздавивъ Европу, двинется за Лапландію на полюсъ и займетъ не только полюсъ, гдѣ живутъ рыбы съ поджаренными боками, а и все, что за полюсомъ, никому неизвѣстное — обиталище Гога и Магога, и будетъ это неизвѣстное, Гогъ и Магогъ, зваться Ландія, сирѣчь страна. Тамъ, изъ этой заполюсной Ландіи, пользуясь даровой всероссійской мушиной силой, какъ двигателемъ, будетъ Россія — онъ, Павелъ Плотниковъ, самодержавно управлять земнымъ шаромъ, вращая его по собственному произволу, то влѣво, то вправо, то остановитъ, то пуститъ".

— Прохвостъ, — крикнулъ вдругъ Плотниковъ, — твои слоны мятные, говорятъ тебѣ, мятныхъ слоновъ я не покупаю! — и схвативъ со стола бутылку, поднялся, красный, измазанный медомъ, всклокоченный, съ разинутымъ ртомъ, какъ пастью, и, покручивая бутылкой, сталъ прицѣливаться.

Маракулинъ стоялъ между Святою Русью и обезьяной и ровно ничего не могъ понять ни о сѣверно-ледовитоокеанскомъ флотѣ, ни о Гогѣ и Магогѣ, ни о Ландіи, ни о вращеніи земного шара по произволу, — и было чудно и странно.

И вдругъ бутылка какъ-то робко скользнула на полъ и раздался неистовый звѣриный вопль, истошнѣе всякаго помогите, и всѣ стѣны словно треснули, — заколебалась Святая Русь, шарахнулись обезьяны и что-то ахнуло по угламъ и загудѣло по дому.

Плотниковъ, въ своемъ мѣсячномъ жестокомъ запоѣ, безъ головы, со ртомъ на спинѣ и глазами на плечахъ, Плотниковъ-улей, ни слова не понимавшій по-русски и ни слова не говорившій по-русски, узналъ Маракулина.

— Петруша, хвостъ-прохвостъ... — завязая въ словахъ и крутя головою, какъ хоботомъ, топтался онъ передъ Маракулинымъ и растопыривалъ, словно щупальцы, волосатыя руки, и култыхало его и шатало его, какъ какой-нибудь сѣверно-ледовитоокеанскій броненосецъ, — Петруша, хвостъ-про-хвостъ!

И, шатнувшись къ дивану, грохнулся онъ всѣмъ своимъ огромнымъ забронированнымъ, Гогу и Магогу подобнымъ, непочатымъ плотниковскимъ тѣломъ и загудѣлъ ульемъ между Святою Русью и обезьяной.

Два молодца, дежурившіе у дверей, подхватили Маракулина подъ руки и чуть ли не вынесли, ровно кладь, изъ кабинета въ гостиную.

А навстрѣчу Маракулину подвигалась съ палочкой сухонькая старуха, мать Плотникова, сама Евдокія Андреевна.

— Исцѣлилъ ты его, батюшка! — только и могла выговорить старуха и, перекрестившись большимъ старымъ крестомъ, выронила палку, согнулась къ землѣ.

Какія-то темныя старухи бросились было со всѣхъ сторонъ ей на помощь, но она не хотѣла подняться.

И только Маракулинъ успокоилъ старуху.

Двое сутокъ безъ просыпу, гудя ульемъ, спалъ Плотниковъ. Тишина стояла въ домѣ, словно бы кромѣ его, — его улья, не было больше въ цѣломъ домѣ ни одной живой души.

И за эти два дня никуда не выпускали Маракулина, ухаживали за нимъ, пичкали его, но дверь подъ замкомъ держали.

Разговоръ шелъ о несчастномъ Пашѣ, о его несчастьѣ, какъ Паша, измазавшись медомъ, признавать никого не сталъ и въ лицо не узнавалъ и даже мать родную за слона рогатаго принялъ, за какого-то мятаго, мятнаго звѣря и Фомичу пристрѣлить распорядился, и какъ потомъ въ несчастномъ бреду своемъ Маракулина кликать принялся жалобно, ровно кошка, котятъ у которой отняли.

— Вспомнила я тогда, — разсказывала Евдокія Андреевна, — какъ, бывало, еще къ дѣлу обвыкать Пашѣ, принесетъ, бывало, книжку, скажетъ, у Петруши былъ, у Петра Алексѣевича, счастье принесъ! Увѣровалъ онъ въ тебя, батюшка, съ малыхъ лѣтъ увѣровалъ. Думаю себѣ: одинъ ты цѣлитель жестокаго злого недуга его и несчастья. Воскресенскаго батюшку, отца Семена, покропить просили, не допустилъ, мятнымъ звѣремъ обозвалъ, на Хапиловку везти хотѣли, къ братцу Иванушкѣ, разговору не слушаетъ. Николаю Өедоровичу доктору спасибо, надоумилъ за тобой послать. Исцѣлилъ ты его, батюшка! — и крестилась старуха большимъ старымъ крестомъ и низко кланялась.

— По самоустенію нечистаго дьявола, аки лютый звѣрь! — шептали изъ угловъ темныя старухи.

А Евдокія Андреевна все крестилась и кланялась низко.

На третьи сутки проснулся Плотниковъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, поѣхалъ въ городъ и только вечеромъ благополучно домой вернулся.

Вечеромъ потащилъ Плотниковъ Маракулина въ трактиръ къ Лаврову.

Сидѣли они въ лѣвомъ залѣ въ углу, какъ прежде, и, какъ прежде, играла машина. Плотниковъ все вспоминалъ: и училище и учителей всѣхъ и Чистые пруды и Кусково, вспомнилъ даже окрошку, какую-то особенную лавровскую окрошку, которую любилъ Маракулинъ. А отъ машины тоскливо было: не вернуть хотѣлось старое — прошлое было тутъ все, какъ на ладони, а какъ-то не понималось, зачѣмъ оно было и неужели только для того, чтобы вспомнить.

И, заглянувъ въ потайные уголки своей жизни, Маракулинъ понялъ, что въ сущности и перемѣны-то никакой не произошло, точно то же и думалъ онъ и чувствовалъ тогда, хотя бы за особенной лавровской окрошкой, только смутно, только тихо, съ случайными вспышками ясности, впрочемъ, развѣ измѣняются люди!

Сидѣли они въ лѣвомъ залѣ въ углу, какъ прежде, и, какъ прежде играла машина.

— А я съ твоимъ Аркадіемъ Павловичемъ, съ приставомъ, ужъ больно ты, Петруша, зря его тогда обидѣлъ, вонъ тамъ мы съ нимъ... — Плотниковъ показалъ въ сторону отдѣльныхъ кабинетовъ, и, крякнувъ, похлопалъ себя по карману, — пятьсотъ рублей просилъ за мировую, и все эта твоя Ѳеня!

— Дуня, — поправилъ Маракулинъ.

— Дуня, Ѳеня, все равно. Пойдемъ, братъ, къ Аркадію Павловичу, вотъ обрадуется-то! Ему, знаешь, за Московское возстаніе крестъ дали, настоящій, и на Тверскую перевели, вотъ обрадуется-то! А знаешь,

Петруша, — Плотниковъ наклонился и заговорилъ совсѣмъ тихо, — я въ тебя, Петруша, какъ въ Бога вѣрую, и не ладится, бывало, въ дѣлахъ что, только о тебѣ думаю, имя твое произнесу громко, смотришь, все опять по старому. И думаю такъ, придетъ конецъ — помирать мнѣ придется, а я тебя возьму и поклочу, ты придешь, и смерть мою отгонишь, кошкой паршивой замяучу и опять человѣкомъ сдѣлаешь. Такъ-то, Петруша, вотъ какъ я о тебѣ думаю.

Сидѣли они въ лѣвомъ залѣ въ углу, какъ прежде, и, какъ прежде, играла машина.

И странное дѣло, вспоминая старое, даже о какой-то особенной лавровской окрошкѣ, которую любилъ Маракулинъ, и въ вѣрѣ своей признаваясь, Плотниковъ не полюбопытствовалъ и ни разу даже не заикнулся спросить, какъ живется Маракулину, а еще страннѣе то, что, не спуская глазъ съ Маракулина, казалось, видитъ Плотниковъ совсѣмъ кого-то другого — не Маракулина, кого — Богъ знаетъ.

А можетъ быть, видѣлъ онъ и какъ-разъ не такого, чтобы о какихъ-то дѣлахъ спрашивать и любопытствовать. Вѣдь у Иверской о дѣлахъ не спрашиваютъ!

И было чудно и странно.

Еще день прожилъ Маракулинъ у Плотникова. Плотниковъ возилъ его на Ильинку въ амбары, потомъ въ Тверскую часть къ Аркадію Павловичу, котораго къ большому огорченію Плотникова въ части не оказалось, а вечеромъ проводилъ на вокзалъ.

И на прощанье еще разъ повторилъ, что вѣруетъ въ него, какъ въ Бога, и помирать будетъ, а увидитъ его, съ одра смерти встанетъ, замяучитъ паршивой кошкой и опять въ человѣка обратится.

Ужъ въ вагонѣ ночью за Клиномъ Маракулинъ вдругъ спросилъ себя, не снилась ли ему Москва?

Все было чудно и странно: и то, что Плотниковъ вѣруетъ въ него, какъ въ Бога, и то, что таскался онъ зачѣмъ-то на Ильинку въ амбары и даже къ приставу въ Тверскую часть, къ Аркадію Павловичу, а на Калитниково, на кладбище не прошелъ.

А вѣдь, ему непремѣнно надо было пройти на Калитниково, постоять у могилы, ну, хоть только постоять, только взглянуть, взглянуть и проститься.

И какая-то тоска хлынула на него.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

День съ утра бѣгала Вѣра Николаевна по своимъ массажамъ, а вечера просиживала за учебниками: готовилась она на атестатъ зрѣлости и, не оставляя завѣтной своей мысли, во что бы то ни стало, хотѣла поступить въ Медицинскій институтъ.

Занималась съ Вѣрой Николаевной Анна Степановна, дѣла у которой въ Ледневской образцовой гимназіи шли неважно.

Леднева — начальница гимназіи пока что, въ виду какихъ-то таинственныхъ обмундировочныхъ, выдавала ей жалованіе изъ своихъ — изъ собственнаго кармана, сопровождая свою щедрую ссуду излюбленными разсужденіями своими о добрыхъ дѣлахъ вообще, объ упадкѣ нравственности и о безнравственности и о жертвахъ своихъ: она сама въ своей собственной гимназіи безплатно уроки давала!

По разсказамъ Анны Степановны, одному Богу извѣстно, что творилось въ гимназіи. Сумбуръ стоялъ образцовый въ образцовой гимназіи. И не то, чтобы подобралась одна вольница, ремень-ребята, нѣтъ, не въ шалостяхъ дѣло, а въ томъ, что ученицами, какъ доходной статьей, дорожили, и такое отношеніе дѣтьми прекрасно оцѣнивалось. Конечно, никакихъ воздѣйствій не полагалось, и отмѣтки надо было подгонять такія, чтобы родителямъ не пришло въ голову взять свою дочь отъ Ледневой и отдать въ другое училище. Кромѣ того, сама Леднева — на-

чальница, дѣйствительно, давала уроки и не только учила, но и любила присутствовать на урокахъ, провѣряя вопросами своихъ даровыхъ учителей. И выходило все далеко не по программѣ и совсѣмъ не по тѣмъ учебникамъ, которые министерство, одобривъ, утвердило:

такъ въ великую французскую революцію дѣйствовали вовсе не Робеспьеръ и Маратъ, какъ учить принято, — что Робеспьеръ и Маратъ! — дѣйствовалъ Гуго Капетъ и погибалъ за свои злодѣяния съ королемъ Людовикомъ.

Образцовый сумбуръ завершался образцовой тѣснотой и холодомъ въ образцовой гимназіи. Холодъ былъ самый настоящій крещенскій: печей никогда не топили и не только въ классахъ, что требовалось послѣднимъ словомъ гигіены, но и въ учительской. Правда, кажется, дѣти особеннаго лишенія не чувствовали: дѣти прыгали, бѣгали, танцовали — сущій содомъ стоялъ въ гимназіи, но учителямъ какъ-то не совсѣмъ удобно было содомъ подымать, втихомолку содомъ не подымешь, а шумѣть не пристойно. На всѣ же заявленія у Ледневой начальницы одинъ отвѣтъ былъ:

— Это еще что, — говорила начальница, — вотъ вы посмотрѣли-бы въ карасевской гимназіи да побывали-бы въ спасской, тамъ вотъ, дѣйствительно холодъ!

Отвѣтъ Ледневой переносилъ Анну Степановну изъ Петербурга въ родной Пурховецъ, напомнивъ ей пурховецкаго инспектора народныхъ училищъ, знаменитаго Образцова.

А этотъ знаменитый Образцовъ какой-то стороной своей доводился Ледневой не больше, не меньше, какъ единокровнымъ и единоутробнымъ братомъ.

Раковъ историкъ отзывался о немъ весьма почтительно. По словамъ Ракова, живи Образцовъ въ древней исторіи, имя его обязательно начертано было-бы въ числѣ прочихъ изреченій въ какомъ-нибудь Дельфійскомъ храмѣ, а голова украсила-бы вершину аѳинскаго парѳенона. И Раковъ историкъ не ошибался.

Но если имя знаменитаго пурховецкаго инспектора слѣдовало вписать въ числѣ прочихъ изреченій въ какомъ-нибудь Дельфійскомъ храмѣ, Ледневу начальницу, обладавшую великимъ искусствомъ не тратить ни копейки изъ своего кармана и ловко проводившую за носъ не только своихъ изголодавшихся учителей, но, какъ говорили, и само министерство, Ледневу слѣдовало почтить куда познатнѣе.

Проходила зима. Вмѣстѣ съ снѣгомъ ужъ тая, расползалась черная гора на Бельгійскомъ дворѣ. Наступала весна съ своей Пасхой.

* *
*

Невесело встрѣтили Пасху, какъ невесело прошло Рождество.

Василій Александровичъ — клоунъ выписался изъ больницы, поджила у него пятка, но все-таки прежняго нѣтъ, не вернуть, пятка ужъ не такая, и сталъ онъ въ родѣ какъ безъ пятокъ: пройдетъ на уголъ Гороховой до газетчика и обратно — только и всего.

Вѣрѣ Николаевнѣ вмѣсто экзамена на атестатъ зрѣлости докторъ посовѣтовалъ, не теряя минуты, куда-то въ Абасъ-Туманъ отправляться: съ легкими что-то не очень-то ладное оказалось — скрипъ какой-то у ней и шипъ въ легкихъ.

Анна Степановна отъ образцоваго ледневскаго по-

рядка просто съ ногъ валилась и все только улыбается, все улыбается своею больной страшной улыбкой.

На Пасху на Бурковомъ дворѣ все было, что бывало изъ-году въ годъ на большіе праздники съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ на Фонтанкѣ Бурковъ домъ стоитъ: случаи, происшествія, скандалы, драки, мордобой, караулъ и участокъ, но все въ высшей степени и громче будничнаго.

У Акушерки Лебедевой опять покража случилась, но ужъ не шубу зимнюю мѣховую украли, а тридцать два рубля, скопленные на шубу, — въ чулкѣ деньги лежали въ запертомъ комодѣ, чулокъ остался, а денегъ не разыскали, какъ въ печкѣ сгорѣло. Опять винили швейцара Никанора, что не доглядѣлъ, а гдѣ Никанору углядѣть: онъ и день на ногахъ и ночью вставай на звонки, такъ круглый годъ. Конечно, умный воръ — свой, ничего не подѣлаешь!

Пекарь Ярыгинъ изъ Бурковской булочной, нахристосовавшись въ первый день, залегъ вечеромъ на доску спать надъ квашнею да во снѣ, знать, перевернулся неловко и упалъ въ тѣсто, да за ночь-то его и засосало, хватились на утро, а ужъ только однѣ ноги изъ квашни торчатъ, — хорошій былъ пекарь Ярыгинъ!

Станиславъ конторщикъ и Казимиръ монтеръ, вздумавъ поразвлечься, шутки ради подпоили Еркина паспортиста. А Еркинъ, строго соблюдавшій свой новогодній зарокъ братцу не пить водки, отъ долгаго воздержанія хвативъ стаканъ злой перцовки, взбѣсился и полѣзъ въ драку — и все это среди бѣла дня на дворѣ въ то время, какъ въ углахъ дѣвицы въ черныхъ платочкахъ и монашки-сборщицы въ сапогахъ откалывали Горбачеву Христосъ воскресе изъ мертвыхъ. Казимиръ-то ускоконулъ, а Стани-

славъ попался, сгребъ его Еркинъ да на землю, ущемилъ, придавилъ колѣнкой, хапнулъ и откусилъ носъ, а случившiйся тутъ-же на дворѣ рыжiй губернаторскiй песъ Ревизоръ откушенный станиславовъ носъ съѣлъ.

Самъ Бурковъ, бывшiй губернаторъ, самоистребитель, возвращаясь въ первый день Пасхи изъ какихъ-то важныхъ гостей, забылъ на извозчикѣ яйцо и, спохватившись только на утро, заявилъ полицiи о розыскѣ пасхальнаго извозчика съ этимъ, должно быть, замѣчательнымъ яйцомъ, о чемъ оповѣстили на третiй день всѣ петербургскiя газеты.

И на третiй же день бурковскiе ребятишки, играя въ военный судъ, приговорили швейцарова Ванюшку, Никанорова сына, къ смертной казни черезъ повѣшенiе и приговоръ привели въ исполненiе: потащили мальчишку въ каретный сарай и тамъ на вожжахъ вздернули. Едва отходили, хлюпкiй мальчонка, ужъ посинѣлъ и языкъ высунулъ, чуть не задохнулся.

Наконецъ, и совсѣмъ непредвидѣнно мужъ и жена Ошурковы покончили самоубiйствомъ. И никто по двору понять не могъ, съ чего бы имъ кончать съ собой: и десять комнатъ — квартира и всѣ десять комнатъ всякими вещицами изнаставлены и акварiумъ съ рыбками.

„Хорошiе были господа!“ — въ одинъ голосъ говорила прислуга, кухарки и горничныя, никогда подолгу не державшiяся изъ-за этихъ разныхъ вещицъ у Ошурковыхъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи какъ-то на Ѳоминой Сергѣй Александровичъ, заключивъ съ театромъ условiе о поѣздкѣ за границу, зашелъ вечеромъ къ Маракулину чаю попить. Къ чаю подошла и Вѣра Николаевна и

Анна Степановна, пришелъ съ палочкой и Василій Александровичъ — клоунъ.

Разговоръ шелъ о дамаскинской театральной заграничной поѣздкѣ, въ которой самъ Сергѣй Александровичъ видѣлъ чуть ли не спасеніе Россіи.

По его словамъ, Россія, задыхающаяся среди всякихъ Раковыхъ, Лещевыхъ, Образцовыхъ, Ледневыхъ, Бурковыхъ, Горбачевыхъ и Кабаковыхъ, впервые своимъ искусствомъ покажетъ себя городу великихъ людей — сердцу Европы — Парижу, и побѣдитъ.

— Чего въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Сергѣй Александровичъ, расходившись, какъ на какомъ-нибудь театрѣ, — всѣ поѣдемъ, всѣмъ за границу надо, хоть на мѣсяцъ, на недѣлю, все равно, только взглянуть и отъ всей этой бурковщины освѣжиться, и тебѣ, Василій, мы тебя дотащимъ! и вамъ Вѣра Николаевна, забудете Абасъ-Туманъ!

— А на какія мы деньги поѣдемъ? — улыбалась Анна Степановна.

— Какъ, на какія деньги?

— Куда ужъ намъ за границу, — замѣтила Вѣра Николаевна.

— Черезъ край, братъ, хватилъ съ своимъ Парижемъ вотъ что!

— Я достану денегъ, — сказалъ Маракулинъ, вспомнивъ вдругъ о Плотниковѣ, — тысячу рублей достану! — и сказалъ это Маракулинъ съ такой вѣрой и такъ твердо, что всѣ ему повѣрили, и о деньгахъ ужъ больше не было разговору.

Вопросъ былъ рѣшенъ: всѣ ѣдутъ за границу въ городъ великихъ людей — въ Парижъ.

Голова у всѣхъ закружилась. Строились предположенія и въ предположеніяхъ развивались всякія подробности и съ такимъ жаромъ и вѣрою, словно бы

съ этой поѣздкой за границу дѣйствительно связано было спасеніе Россіи — ихъ спасеніе и стоитъ имъ только переѣхать границу, такъ оно и начнется.

Тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, Анна Степановна найдетъ себѣ на землѣ мѣсто и подымется душою и улыбнется по другому.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, Вѣра Николаевна поправится и сдастъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, Василій Александровичъ снова полѣзетъ на трапецію и будетъ огоньки пускать.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, когда Сергѣй Александровичъ, танцуя, побѣждать будетъ сердце Европы, найдетъ Маракулинъ свою потерянную радость.

— Вѣрочку бы отыскать, — схватился вдругъ Маракулинъ, — Вѣрочку бы взять съ собою, чтобы и она тамъ, въ Парижѣ, нашла свое: или сдѣлается великою актрисой и отмститъ Анисиму, или пусть лучше явится къ ней успокоеніе, миръ сойдетъ на нее, уймется месть и просто она проститъ ему. .

И когда онъ сказалъ объ этомъ, всѣ согласились, что надо взять и Вѣрочку.

— А я Вѣрочку встрѣтила, — сказала Вѣра Николаевна, — въ Москвѣ вы тогда были, иду я вечеромъ домой по Гороховой, бѣжитъ мнѣ навстрѣчу, а холодъ такой, метель поднялась, сама въ одной кофточкѣ лѣтней, косынкой бѣлой повязана. „Вѣрочка!“ окликнула я. Остановилась она, посмотрѣла, да какъ-то такъ, на меня посмотрѣла, дрожитъ вся. „Вѣрочка, говорю, пойдемте чай пить, къ намъ чай пить!“ а она поправила косынку, дрожитъ вся, да головой такъ сдѣлала. На Семеновскомъ мосту... а холодъ такой, метель поднялась...

Письмо къ Плотникову въ тотъ же вечеръ было

написано и утромъ отослано заказнымъ въ Москву. Маракулинъ вѣрилъ, что придутъ деньги, вѣрилъ въ Плотникову тысячу, какъ самъ Плотниковъ вѣрилъ въ Маракулина.

Адонія Ивойловна, между тѣмъ, на богомолье двинулась, — поѣхала она въ Іерусалимъ, гдѣ демьянъ-ладонъ вонъ не выходитъ и горятъ свѣчи неугасимыя:

тамъ омоется она въ Іордань-рѣкѣ, оботрется плакунъ-травой и спадетъ съ нея, какъ еловая кора, все ея горе — горесть вся и слезы, уразумѣетъ она корабли Парашины и не будетъ земля уходить и обваливаться на могилѣ мужа ея на Смоленскомъ.

Свободная по вечерамъ, Акумовна гадала и выходила всѣмъ большая перемѣна и дорога, а Маракулину, кромѣ того, трава и елки, какъ тогда передъ Москвою, только елки эти совсѣмъ близко были и не по краямъ — онѣ лежали у Вѣры Николаевны.

— Веселая дорога! — шептала Акумовна.

— Въ Парижъ ѣдемъ, Акумовна, въ сердце Европы!

— А не взять ли намъ и Акумовну, согласна Акумовна за границу въ Парижъ съ нами? — подмигнулъ Сергѣй Александровичъ.

— Что жъ и поѣду, девять лѣтъ воздухомъ не дышала, воздухомъ подышу! — не заставила себя упрашивать Акумовна, готовая, пожалуй, за Сергѣемъ Александровичемъ не только въ Парижъ, а и на край свѣта пѣшкомъ итти.

— Ну вотъ и отлично, оставимъ рабыню Кузьмовну квартиру стеречь и прощай Россія. Надо отъ всего отряхнуться!

И, ужъ больше не выдержавъ, отъ прилива что ли чувствъ своихъ и надеждъ на успѣхъ Россіи, на ея побѣду самого сердца Европы, Сергѣй Алексан-

дровичъ такъ затропоталъ ногами, какъ пѣтухъ крыльями.

— Вѣрушку прихватить бы заодно, погибнетъ, безстыжая! — вспомнила Акумовна о своей Вѣрѣ, давнымъ давно погибшей на Бурковомъ дворѣ.

— И Вѣрушку твою прихватимъ, всѣ за границей будемъ.

Акумовна любовно раскладывала карты на Сергѣя Александровича.

— А нашъ турійрогскій батюшка, хорошій былъ, великій покаянникъ, о. Арсеній, — вспомнила вдругъ Акумовна, — передъ смертью своею всталъ и спрашиваетъ: „Готовы ли лошади?“ „Какія, батюшка, лошади?“ „Да, вѣдь, я, говоритъ, только-что молодыхъ повѣнчалъ, на свадьбу меня зовутъ за границу ѣхать!“ Да и померъ.

— Попъ попомъ и помретъ! — усмѣхнулся Сергѣй Александровичъ, слѣдя за картами.

А Маракулинъ почувствовалъ, что гдѣ-то дрогнуло въ немъ, словно сломилось что-то, но надежды встряхнули, выпрямили.

Всѣ надежды были на Плотникова и ни о чемъ другомъ не думалось.

Надежды были силами.

* *
*

Пришелъ май, бѣлыя палатки поднялись на Бельгійскомъ дворѣ, навезли во дворъ кирпичей и песку, начался ремонтъ дома, а по вечерамъ, заливаясь, забренчала балалайка — этого не русскаго убогаго добра на Бурковомъ дворѣ вволю, и ужъ, примостившись на подоконникахъ, стали высовываться заморенныя за зиму и взъерошенныя головы, въ надеждѣ,

должно быть, погрѣться весеннимъ майскимъ солнцемъ.

А отъ Плотникова не было отвѣта.

И въ душу Маракулина закрадывалось жуткое безпокойство, только и самъ онъ себѣ признаться въ этомъ боялся и никому не говорилъ.

Отвѣтъ придетъ, долженъ притти!

Они должны и они будутъ за границей въ городѣ великихъ людей, въ сердцѣ Европы — Парижѣ.

Тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, Анна Степановна найдетъ себѣ на землѣ мѣсто и подымется душею и улыбнется по другому.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, Вѣра Николаевна поправится и сдастъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, Василій Александровичъ снова полѣзетъ на трапецію и будетъ огоньки пускать.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, когда Сергѣй Александровичъ, танцуя, побѣждать будетъ сердце Европы, найдетъ Маракулинъ свою потерянную радость, Вѣрочку отыщетъ.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, Вѣрочка сдѣлается великою актрисой и миръ сойдетъ на нее.

И тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, катучимъ камнемъ докатившись до Парижа, снимется съ Акумовны родительское проклятіе и подышетъ Акумовна воздухомъ, которымъ девять лѣтъ не дышала, и ужъ не надо ей будетъ къ Государю добиваться, не надо будетъ пить настой изъ лошадинаго навоза.

Тамъ, гдѣ-то въ Парижѣ, не погибнетъ и ея Вѣра, давнымъ давно погибшая на Бурковомъ дворѣ.

Вѣра побѣждала всякое сомнѣніе, разсѣивала силою своей и крѣпостью всякое безпокойство, Мараку-

линъ вѣрилъ въ Плотникову тысячу, какъ самъ Плотниковъ вѣрилъ въ него.

Всего недѣля оставалась Сергѣю Александровичу до его заграничнаго отъѣзда и было рѣшено, что съ театромъ онъ поѣдетъ впередъ и оттуда изъ Парижа напишетъ, а къ тому времени получатся деньги и чуть-ли не весь Бурковъ дворъ двинется прямо съ Фонтанки — въ Парижъ.

И наступившая недѣля, полная тревоги и ожиданія между вѣрою и сомнѣніями, надеждой и безнадежностью сама по-своему все рѣшила.

У Анны Степановны кончились экзамены и, должно быть, таинственныя обмундировочныя, штатныя или подъемныя или прогонныя — всѣ по разному ихъ звали, получились, наконецъ. А такія деньги, какъ оказалось, однажды выдаются учителю, и, само собой, Леднева отъ мѣста ей отказала. Аннѣ Степановнѣ будто-бы и трудно въ гимназіи и недочеты за ней водятся, — кофточку съ открытой шеей носитъ она, неприлично, и улыбка у ней такая, батюшку — законоучителя Аристовулова улыбкою смущаетъ она, тоже неприлично, пойдетъ слава, скажутъ: въ ледневской образцовой гимназіи учительница батюшку совращаетъ, — и это совсѣмъ неприлично! Словомъ, ужъ если захочетъ человѣкъ человѣка по какой-нибудь своей безспорной причинѣ опачкать, такъ ужъ постарается, на то онъ человѣкъ! Само собой и кофточка съ открытой шеей и батюшка Аристовуловъ, совращаемый Анной Степановной, все это тонуло въ излюбленныхъ разсужденіяхъ о добрыхъ дѣлахъ вообще, о упадкѣ нравственности и о безнравственности и о молодомъ дѣлѣ, которое надо поддержать и о жертвахъ: сама она, Леднева начальница, въ своей собственной гимназіи безплатно уроки даетъ и къ тому же кормитъ

двадцать учителей, и всѣ ее, Ледневу начальницу, хорошо знають — весь Петербургъ, и сама генеральша Холмогорова — ея другъ.

Такъ все просто кончилось у Анны Степановны, очень просто, и пошла она, улыбаясь, — больно на душѣ было за ея улыбку, — пошла отъ Ледневой по своей дорожкѣ — отъ Лещева къ Ледневой, отъ Ледневой къ Петровой, отъ Петровой къ какой-нибудь сестрѣ Ледневой, пока не перестанетъ улыбаться.

И пришелъ, наконецъ, такъ долго, такъ много, такъ нетерпѣливо ожидаемый отвѣтъ отъ Плотникова: черезъ банкъ перевелъ Плотниковъ Маракулину двадцать пять рублей.

И уѣхалъ Сергѣй Александровичъ съ театромъ за границу — въ Парижъ, побѣждать русскимъ искусствомъ сердце Европы.

Передъ отъѣздомъ нанялъ онъ дачу гдѣ-то въ Финляндіи и уговорилъ Вѣру Николаевну и Анну Степановну поселиться вмѣстѣ съ Василіемъ Александровичемъ, за которымъ все еще требовался внимательный уходъ, да и не скучалъ чтобы онъ очень безпятый съ своей палочкой.

И во главѣ съ рабыней Кузьмовной двинулись вмѣсто Парижа куда-то въ Туръ-Киля: и Вѣра Николаевна и Анна Степановна и Василій Александровичъ-клоунъ.

И остались на Бурковомъ дворѣ лѣто лѣтовать Маракулинъ да Акумовна.

— Я къ Государю пойду: какъ помирать, руки такъ... и все разскажу! Я къ Государю пойду, нагишемъ пойду, нагая: какъ помирать, руки такъ... и все разскажу.

Но Маракулинъ ничего ужъ не возражалъ Акумовнѣ и даже не сказалъ ей ея же словами ея конеч-

ное, ея отходное — кару и награду людямъ: обвиноватить никого нельзя!

Все въ немъ какъ-то замолкло и заглохло.

* *
*

Одному надо предать, чтобы черезъ предательство свое душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ самимъ собою, другому надо убить, чтобы черезъ убійство свое душу свою раскрыть и ужъ, по крайней мѣрѣ, умереть самимъ собою, а Маракулину, должно быть, надо было талонъ написать какъ-то да не тому лицу, кому слѣдовало, чтобы душу свою раскрыть и ужъ быть на свѣтѣ не просто какимъ-нибудь Маракулинымъ, а Маракулинымъ Петромъ Алексѣевичемъ:

видѣть, слышать и чувствовать.

Но онъ не вынесъ жизни такъ не для чего, только видя, только слыша, только чувствуя, и запросилъ покою, выдумалъ себѣ генеральшу — безсмертную, безгрѣшную, безпечальную вошь, и нашелъ себѣ ея царское право въ надеждѣ вернуть свою потерянную необыкновенную радость.

И вотъ на ровномъ и прямомъ безнадежномъ его пути, гдѣ пропадала послѣдняя тѣнь и слѣдъ надежды, ужъ заработали тихія и цѣпкія, какъ червячки, злыя темныя силы надвигавшагося отчаянія, и отгрызая и отвязывая отъ жизни его крѣпкій стержень и основу жизни.

Съ утра до вечера ходилъ Маракулинъ по Петербургу изъ конца въ конецъ, отъ заставы до заставы, отъ тракта до тракта, ходилъ, какъ мышь въ мышеловкѣ.

Въ карманѣ лежала у него новенькая Плотни-

кова бумажка — двадцать пять рублей, какъ лежалъ когда-то новенькій шелковый Дунинъ платокъ, съ его мѣткой, вышитой крестикомъ, и онъ забылъ о новенькой Плотниковой бумажкѣ, какъ когда-то о Дунином шелковомъ надушенномъ платкѣ.

И все-таки до чего живучъ человѣкъ: бросаетъ его, бьетъ его, а онъ знай себѣ, какъ пѣтухъ рѣзанный, и безъ головы ходитъ, ровно бы и безголовый зерно ищетъ, хорохорится.

Нашелъ себѣ Маракулинъ занятіе, нашлось ему чѣмъ душу отвести: онъ сдѣлалъ открытіе и по важности своей это открытіе его ничуть, кажется, не уступало, хотя бы тому же Плотниковскому запойному предпріятію эксплуатаціи мухи, какъ двигателя.

Стоитъ будто бы выйти на улицу, какъ независимо отъ воли твоей попадешь подъ власть особаго уличнаго закона и ужъ не отъ тебя зависитъ, какъ ступать и какъ держаться, а отъ какой-то волны или струи уличной, въ которую попадешь.

Попадешь въ одну волну, и словно всѣ смѣются надъ тобой, гримасничаютъ тебѣ, фыркаютъ — это женщины, а мужчины губы выпячиваютъ, такъ катушкою губы вертятъ, словно свистнуть собираются, а вотъ катитъ другая волна — и видъ совсѣмъ другой, у мужчинъ лица звѣрскія, хмурыя, угрюмыя, рѣдко встрѣтишь женщину, а если ужъ попадется, то въ одиночку — идетъ и хохочетъ, никого не видитъ, какъ слѣпая, и хохочетъ, а вотъ и еще волна широкая — однѣ женщины и нѣтъ, кажется, злѣе глазъ и злѣе улыбокъ, онѣ, осматривая одна другую, колятъ глазами и улыбаются, словно шпаря улыбкой одна другую, злыя жены, а вотъ и еще волна — люди, какъ люди, идутъ скученно, бодро, а между ними и не дѣти вовсе, а уродцы-карлики изможденные съ бол-

тающимися, какъ плети, вялыми руками и не по росту огромной съ наклономъ впередъ головой, и еще есть много и разныхъ волнъ, и есть волна относливая — попадешь и погонитъ тебя, всѣ бѣгутъ — и люди, и лошади, и старики, и дѣти, и старухи, и трамваи, и автомобили.

И сдѣлавъ это открытіе свое, Маракулинъ ухватился за него съ упорствомъ, какъ, бывало, за отчетъ директору.

Вѣдь, онъ теперь все равно, какъ ужъ мертвый, вѣдь, его похоронили. „А мы тебя, знаешь, Петруша, давно похоронили!“ — вспоминались ему слова Глотова кассира Александра Ивановича, сказанныя тогда въ театрѣ.

Да, давно похоронили, и онъ какъ мертвецъ, какъ покойникъ, какъ нездѣшній, можетъ легко и просто и безпристрастно за здѣшними, за живыми слѣдить.

И теперь онъ будетъ провѣрять себя, свое открытіе.

Но для чего провѣрять, и какой смыслъ въ его открытіи, кому оно понадобится и для чего, для удовольствія какого мертвеца, покойника, нездѣшняго или здѣшняго, живого?

Этого онъ не спрашивалъ, это не касалось его, — все въ немъ какъ-то замолкло и заглохло, и просто, должно быть, не для чего, какъ не для чего рѣзанный пѣтухъ хорохорится.

Но онъ ошибся, провѣрять некогда было.

Проходя ночью по Невскому, Маракулинъ встрѣтилъ Вѣрочку.

Такъ было: у Думской каланчи дѣлали облаву и, какъ всегда, по Невскому металась сотня безалаберно разодѣтыхъ женщинъ, хватаясь за прохожихъ и умоляя только проводить немного, и среди этихъ

женщинъ бросилась въ глаза одна, также нелѣпо, какъ и другія, перескакивавшая съ тротуара на мостовую и съ мостовой на тротуаръ, только вся въ темномъ, она, миновавъ околодочнаго, пустилась къ Аничкову мосту.

Въ этой одинокой темной — все было на ней темное, и платье, и шляпа, и перчатки — онъ узналъ Вѣрочку.

И вдругъ вспомнивъ о новенькой Плотниковой бумажкѣ, и комкая двадцатипятирублевку, — теперь онъ не нищій! — бросился онъ ей въ догонку.

Но у Аничкова моста Вѣрочка, смѣшавшись съ толпою встрѣчныхъ, пропала.

— Вѣрочка, — покликалъ онъ, озираясь то на Фонтанку, то на Невскій, — Вѣрочка! — и темное, что-то холодное обвилось змѣей вокругъ его сердца.

И на утро первое, что въ немъ подумалось и твердо рѣшилось, непремѣнно съ вечера же итти на Невскій и караулить Вѣрочку.

И день онъ просидѣлъ дома.

Въ этотъ день приходился Семикъ — четвергъ передъ Троицей, и Акумовна особенно гадать собиралась: семицкое гаданье, по ея словамъ, особенное, какъ и сонъ семицкій, всю правду скажетъ.

На Бурковъ дворъ зашли бродячіе музыканты: гармонья и бубенъ.

На гармоньѣ игралъ какой-то изъ мастеровыхъ не то слесарь, не то водопроводчикъ — высокій, черномазый, а бубномъ пристукивала дѣвочка въ матросской рубашечкѣ и шапочкѣ, такъ лѣтъ двѣнадцати дѣвочка, не разобрать точно: у дѣвочки ноги не было, одна нога. Она опиралась на палку, а на согнутомъ колѣнѣ держала бубенъ.

Дѣвочка пѣла подъ гармонью.

Она пѣла какую-то фабричную пѣсню, въ которой шли вперемежку и стихи въ родѣ: „Я опущусь на дно морское, я полечу за облака" — и изъ цыганскихъ всякихъ троекъ и жгучихъ очей, и чувствительныя слезинки, и вдругъ прорывало стариной старинной. Выговаривала она чисто, все можно было разслышать, каждое слово. Но дѣло не въ словѣ.

Широкимъ груднымъ альтомъ пѣла дѣвочка, постукивая бубномъ. Степною ширью и морскимъ раздольемъ упоена была пѣсня.

И бубенъ падалъ, какъ падаетъ сердце.

Обступили музыкантовъ ребятишки, бросили свои дикія игры и дикія работы, кругомъ стали, притихли и, не отрываясь, глядѣли на одноногую дѣвочку, какъ когда-то на кошку Мурку, катающуюся по камнямъ отъ боли.

А дѣвочка пѣла.

Персіанинъ-массажистъ изъ бань, онъ всегда около ребятишекъ, тутъ же примостился, кружилъ бѣлками.

А дѣвочка пѣла.

Широкимъ груднымъ альтомъ пѣла дѣвочка, постукивая бубномъ. Степною ширью и морскимъ раздольемъ упоена была пѣсня.

И бубенъ падалъ, какъ падаетъ сердце.

Ребятишки все тѣснѣе придвигались къ одноногой дѣвочкѣ, словно не хотѣли отпускать ее отъ себя. И закрыли ее всю собою, такъ что ее не видно стало, и, казалось, это земля пѣла, степь пѣла, море пѣло — ширь и раздолье, сердце земли. И было страшно, вотъ кончится пѣсня, вотъ кончитъ пѣть дѣвочка и уйдетъ. Не хотѣлось, чтобы она уходила.

Но пѣніе кончилось. Играла одна гармонья. Дѣвочка, опираясь на палку, заковыляла по щебню и

словно кружилась по двору съ своимъ протянутымъ бубномъ и безъ улыбки открытымъ чистымъ лицомъ глядѣла вверхъ къ окнамъ, какъ тогда кошка Мурка, катаясь по камнямъ отъ боли, глядѣла вверхъ къ окнамъ.

Акумовна какъ-то по-дѣтски горько заплакала, все, должно быть, вспомнивъ, все свое: катучимъ камнемъ коло бѣлаго свѣта!

Маракулинъ бросился на улицу и ужъ за воротами догналъ музыкантовъ.

— Какъ зовутъ тебя, дѣвочка? — тронулъ онъ ее за руку.

— Марья, — отвѣтила дѣвочка, безъ улыбки глядя на него открытымъ чистымъ лицомъ.

Гармонистъ тоже остановился, приподнялъ картузъ, должно быть, отецъ, черномазый такой, щербатый.

Маракулинъ схватился за новенькую Плотникову бумажку, скомканную, сунулъ ее дѣвочкѣ, двадцать пять рублей, и, не оглядываясь, пошелъ.

А вдогонку за нимъ снова неслась широкая пѣсня. Степною ширью и морскимъ раздольемъ упоена была пѣсня.

И бубенъ падалъ, какъ падаетъ сердце.

Онъ шелъ по своему ровному прямому пути на Невскій. Ужъ наступала ночь.

Тамъ, на Невскомъ, дождется онъ Вѣрочку. Онъ всю ночь будетъ караулить ее.

И не ошибется, вѣдь, бѣлая ночь — бѣлая не обманетъ!

Ночь-то бѣлая не обманетъ: какая-то женщина вся въ темномъ толкнула его и, придерживая платье, пустилась къ Аничкову мосту.

Все было на ней темное, и платье, и шляпа, и перчатки — онъ узналъ Вѣрочку и бросился за ней.

Но у Аничкова моста Вѣрочка смѣшалась съ толпою такихъ же, — она не одна была въ темномъ.

— Вѣрочка, — кликалъ онъ, — Вѣрочка! — заглядывая въ глаза каждой темной, и не двѣ, не три, ихъ было много, всѣ онѣ увертывались отъ него и снова гдѣ-то собирались и словно подползали къ нему тихо и незамѣтно, темныя и тихія, и темное что-то холодное обвивалось змѣей вокругъ его сердца.

* *
*

И ночью, въ эту семицкую ночь, приснилось Маракулину, будто сидитъ онъ у стола за самоваромъ въ какой-то большой заставленной комнатѣ, и все разбросано и раскидано, какъ послѣ сборовъ передъ отъѣздомъ, и люди все незнакомые — усталые какіе-то, понурые въ комнатѣ.

А по сосѣдству съ нимъ, и это онъ съ отвращеніемъ замѣтилъ, курносая, зубатая, голая и съ нею еще кто-то въ темномъ — нагнулась надъ рухлядью, разбираютъ тряпки.

И въ досадѣ, схвативъ стаканъ, онъ намѣтилъ пустой голый черепъ.

А она, курносая, зубатая, голая, поднялась да къ двери:

„Въ субботу, — стучитъ зубами, смѣется — ты не забудь дать фунтъ Акумовнѣ, — стучитъ зубами, смѣется, — а мать будетъ въ бѣломъ!" — смѣется зубатая.

„Чего фунтъ, крупы что-ли? или серебра? — заспорилъ онъ съ ожесточеніемъ, словно бы оспаривая какое-то послѣднее право свое не подчиняться ни-

какимъ срокамъ, никакой субботѣ, — да ну же, не дурачься! настоящій фунтъ стерлинговъ, да?"

„Въ субботу!" — смѣется курносая, зубатая, голая и не оглядываясь, стучитъ ужъ по каменной лѣстницѣ внизъ во дворъ.

А на дворѣ — полонъ дворъ.

Да это Бурковъ дворъ, высыпали жильцы изъ всѣхъ квартиръ и изъ флигеля и Горбачевскихъ угловъ: всѣ семь дворниковъ — старшій Михаилъ Павловичъ и Антонина Игнатьевна, и паспортистъ Еркинъ, Станиславъ-конторщикъ съ откушеннымъ носомъ, и Казимиръ монтеръ, швейцаръ Никаноръ и Ванюшка, Никаноровъ сынъ, приговоренный ребятишками къ смертной казни черезъ повѣшеніе, и ребятишки, приговорившіе Ванюшку, и персіанинъ-массажистъ изъ бань, и та дѣвочка, которая Муркѣ молока принесла, и сапожники, пекаря, банщики, парикмахеры, портнихи, бѣлошвейки, сидѣлка изъ Обуховской больницы, кондуктора, машинисты, шапочники, зонтичники, щеточники, водопроводчики, наборщики и разные механики и мастера электрическіе съ семьями, и всякія барышни съ Гороховой и Загороднаго, и дѣвицы-портнишки, и дѣвицы изъ чайной, и шикарные молодые люди изъ бань, прислуживающіе петербургскимъ дамамъ до востребованія, и старуха, торгующая у бань подсолнухами и всякою дрянью, и кухарки безъ мѣста, и маляръ, и столяръ, и сбитенщикъ, и всѣ разносчики, словомъ, весь Бурковъ домъ — „весь Петербургъ".

И всѣ глядятъ вверхъ къ окну, какъ глядѣла кошка Мурка, катаясь на камняхъ отъ боли, какъ глядѣла бродячая пѣвица — дѣвочка Марья, кружась по двору на одной ногѣ съ своимъ бубномъ.

„Что она сказала?" — спрашиваютъ Маракулина.

А Маракулинъ стоитъ будто въ окнѣ, какъ какой-нибудь старецъ Кабаковъ, молитвою вызывающій гласъ съ небеси, стоитъ передъ народомъ.

„Одинъ изъ насъ умретъ!“ — говоритъ Маракулинъ.

И въ отвѣтъ шепчетъ ему весь Бурковъ дворъ въ тоскѣ смертельной:

„Не я ли, Господи? Не я ли, Господи?“

А высоко, куда выше четырехъ кирпичныхъ бельгійскихъ трубъ съ громоотводами, парятъ зеленые, какъ птицы зеленыя, аэропланы, и громадными зелеными крыльями застилаютъ небо.

„Не я ли, Господи? Не я ли, Господи?“ — шепчетъ весь Бурковъ дворъ въ тоскѣ смертельной.

И ужъ идетъ будто Маракулинъ домой на Фонтанку и странно, слышитъ, какъ звонятъ ко всенощной у Воскресенія въ Таганкѣ, и не на парадное входитъ онъ, а съ кухни, пріотворяетъ дверь — у плиты въ кухнѣ сидитъ какая-то женщина, на Акумовну похожа, только и не Акумовна, вся въ бѣломъ.

„Мать будетъ въ бѣломъ!“ — вспомнились ему слова курносой, зубатой, голой, и онъ бросился въ комнату.

Та же комната, вся заставленная, и все разбросано и раскидано, какъ послѣ сборовъ передъ отъѣздомъ, только нѣтъ людей незнакомыхъ, ни души въ комнатѣ, только мать сидитъ, одна его мать съ крестомъ на лбу.

„Ужъ пришла, сѣла!“ — говоритъ мать.

Она говоритъ про ту, которая въ кухнѣ передъ плитой сидитъ въ бѣломъ, и вдругъ заплакала.

А онъ сталъ на колѣни, наклонилъ, какъ подъ топоръ, свою голову въ отчаяніи и тоскѣ смертельной...

Въ отчаяніи и тоскѣ смертельной проснулся Маракулинъ.

Была пятница.

И пораженный внезапной сумрачной мыслью, что срокъ ему — суббота, одинъ день остался, онъ поледенѣлъ весь.

И не хотѣлъ вѣрить сну и вѣрилъ и, вѣря, самъ себя приговаривалъ къ смерти.

Родится человѣкъ на свѣтъ и ужъ приговоренъ, всѣ приговорены съ рожденія своего и живутъ приговоренными и совсѣмъ забывъ о приговорѣ, потому что не знаютъ часа, но когда сказанъ день, когда отмѣрено время и положенъ срокъ, указана суббота, нѣтъ, это ужъ выше силъ человѣческихъ, данныхъ Богомъ человѣку, котораго, надѣливъ жизнью, приговорилъ, но часъ смерти утаилъ отъ него.

И, повѣривъ сну своему, почувствовалъ Маракулинъ, что не вынесетъ, не дождется субботы и въ отчаяніи и тоскѣ смертельной, съ утра бродя по улицамъ, только и ждалъ ночи:

увидать Вѣрочку, все разсказать ей и проститься.

А на его ровномъ и прямомъ безнадежномъ пути, гдѣ пропала послѣдняя тѣнь и слѣдъ надежды, тихія и цѣпкія, какъ червячки, злыя темныя силы надвинувшагося отчаянія отгрызали послѣднія связи его крѣпкой основы жизни.

Трудно было ему отрываться отъ жизни.

„А можетъ быть, сонъ-то сномъ, а на провѣрку совсѣмъ и не то выйдетъ, почему это онъ такъ повѣрилъ сну? И развѣ можно вѣрить какому-то сну, этакъ, пожалуй, Богъ знаетъ, до чего дойти можно! И никогда такъ не бываетъ: передъ смертью снится

всегда что-нибудь совсѣмъ простое, — сапогъ теряютъ или еще что-нибудь, или за границу собираются ѣхать...“

Маракулинъ, вспомнивъ о за-границѣ, о томъ своемъ раѣ — Парижѣ, очнулся.

Онъ стоялъ около какого-то забора, сплошь заклееннаго объявленіями, и не могъ признать, гдѣ, на какой улицѣ стоитъ онъ. Изъ-за деревьевъ глядѣлъ шпиль Инженернаго замка, но когда онъ пошелъ по забору и, какъ казалось ему, прямо на шпиль, шпиль вдругъ пропалъ. А дальше онъ итти не рѣшался, словно бы дальше и была его суббота, срокъ, часъ его.

Повернулъ онъ обратно и опять увидѣлъ шпиль и смѣло пошелъ вдоль забора въ противоположную сторону и шпиль долго держался передъ глазами, но такъ же, какъ и въ первый разъ, вдругъ пропалъ. А дальше онъ итти опять не рѣшался, словно бы дальше и была ему суббота, срокъ, часъ его.

И онъ ходилъ по забору, слѣдя за шпилемъ Инженернаго замка, взадъ и впередъ до положенной самому себѣ грани, въ отчаяніи и тоскѣ смертельной.

Эта бѣда его водила, бѣда метала съ улицы на улицу, изъ переулка въ переулокъ, отводила ему глаза, путала, — это судьба его, которой не поперечишь и отъ которой не уйти.

Тоска своей смертельностью и отчаяніе своей тяжестью, наконецъ, утомили его, срокъ и часъ забылись, голова опустилась и еще крѣпкія ноги вывели его на дорогу: онъ шелъ по Инженерной, переходилъ улицу къ Михайловскому дворцу.

И вотъ какая-то старушонка рваная, сморщенная, слезящаяся вся, уцѣпилась ему за руку перевести ее черезъ улицу. И хотя была такая малень-

кая — кости однѣ, вцѣпившись костлявыми пальцами и повиснувъ, какъ безногая, показалась ему такой тяжестью, едва до рельсовъ дошелъ. А когда переступилъ рельсы, тяжесть старушонки словно еще увеличилась, и ужъ какъ подъ трамвай не попалъ онъ, одному Богу извѣстно: мчавшійся, безъ умолку звонившій трамвай, пролетѣлъ такъ близко, что жарко стало.

Бросивъ старушонку, пустился Маракулинъ бѣжать.

И, пламенѣя и леденѣя, бѣжалъ онъ къ Нарвскимъ воротамъ, отъ костлявой старушонки бѣжалъ, отъ срока своего бѣжалъ и почему-то къ Нарвскимъ воротамъ, куда-то подъ Нарвскую арку, гдѣ, какъ, казалось ему, нѣтъ и не будетъ костлявой старушонки, гдѣ забудетъ онъ о срокѣ о своемъ часѣ, о субботѣ.

Но почему-то дойдя до Гороховой, не пошелъ по Садовой, а повернулъ по Гороховой къ Фонтанкѣ.

На Фонтанкѣ около Буркова дома въ переулкѣ ловили какую-то барышню, должно быть, революціонерку. Городовые оцѣпили переулокъ и проходу не было.

Маракулинъ остановился.

За барышней долго гонялись и, наконецъ, какіе-то въ штатскомъ, вѣрно сыщики, тѣсно окружили ее, и повели къ извозчику.

Чѣмъ-то напоминала барышня — революціонерка бродячую пѣвицу — дѣвочку, или открытымъ чистымъ лицомъ своим напоминала она Марью, только румяная и высокая. Шпильки выпали у ней и соломенная шляпа сбилась и растрепались большіе русые волосы.

Сѣлъ съ ней приставъ на извозчика и повезли.

„Марія Александровна, — подумалъ Маракулинъ,

вотъ она какая, Марія Александровна, въ жертву себя уготовавшая, готовая и не однажды, а еще и еще разъ умереть за человѣчество!" — и пошелъ дальше мимо Буркова дома по Фонтанкѣ.

У Измайловскаго моста, шагахъ въ трехъ отъ пивной, онъ догналъ какую-то даму: не молодая ужъ, вся сѣдая, но крѣпкая, здоровая шла она ровнымъ шагомъ, словно гуляя для моціона.

И когда Маракулинъ хотѣлъ обогнать ее, вдругъ она пригнулась и какъ-то глупо побѣжала и въ то же самое время изъ пивной одинъ за другимъ выстрѣлъ и караулъ!

И на тротуарѣ ужъ съ пробитой спиной, уткнувшись въ камни, лежала дама — здоровая, крѣпкая старуха, и рядомъ лежалъ складной стульчикъ.

„Вотъ тебѣ и безсмертная!" — подумалъ Маракулинъ, узнавъ въ убитой старухѣ свою несчастную генеральшу — сосудъ избранія, ту самую генеральшу вошь, которую надѣлилъ онъ царскимъ правомъ въ свою жестокую бурковскую ночь.

И вотъ царское право слѣпою случайностью отнято, не помогъ складной стульчикъ!

Съ Фонтанки и переулковъ сбѣгался народъ, съ любопытствомъ, съ ужасомъ и съ тѣмъ особымъ злорадствомъ, съ какимъ смотрятъ живые глаза въ мертвые, засматривали въ лицо убитой.

А она безсмертная, безгрѣшная, безпечальная, неподвижно лежала съ пробитой спиной, безпомощная, бездыханная, безсчастная.

— Это наша бурковская, генеральша Холмогорова! — сказалъ Маракулинъ подбѣжавшему городовому.

Понесли генеральшу — бѣлый газъ на ея шляпѣ, развѣваясь, тянулся за нею паутиной.

И Маракулинъ шелъ за нею впереди толпы за складнымъ стульчикомъ.

И опять мимо дома, не заходя домой, вышелъ онъ на Гороховую и такъ по Гороховой шелъ до самаго Адмиралтейства, повторяя безсмысленно:

„Вотъ тебѣ и безсмертная! Вотъ тебѣ и безсмертіе!"

Въ Александровскомъ саду онъ было присѣлъ на скамейку и вдругъ, какъ ужаленный, вскочилъ и опять пошелъ.

Около памятника Петру остановился:

— Петръ Алексѣевичъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ памятнику, — Ваше Императорское Величество, русскій народъ настой изъ лошадинаго навоза пьетъ и покоряетъ сердце Европы за полтора рубля съ огурцами. Больше я ничего не имѣю сказать! — Снялъ шляпу, поклонился и пошелъ дальше, по Англійской набережной черезъ Николаевскій мостъ на Васильевскій островъ.

На бульварчикѣ между седьмой и шестой линіей за Среднимъ проспектомъ народъ запрудилъ дорожку. Всѣ стояли и хоть бы кто слово сказалъ, такъ было необычайно тихо.

Подъ деревомъ сидѣла старуха и, тряся головой, спутанной тяжелыми бѣлыми волосами, только смотрѣла, и не слезы, кровь текла по щекамъ изъ ея смирныхъ глазъ тихими струйками.

„Не дождалась, — подумалъ Маракулинъ, — Лизавета Ивановна не дождалась, не сдѣлала Божьяго дѣла, не передала своего счастья, несчастная!"

И вдругъ почувствовалъ страшную жажду, словно-бы ожгли его эти кровавыя тихія слезы.

Недалеко отъ Малаго проспекта, на седьмой ли-

нiи, около огромнаго дома въ маленькомъ одноэтажномъ домишкѣ пивная.

Какой-то завалящiй гривенникъ нашелся въ карманѣ и Маракулинъ завернулъ въ эту пивную: жажда мучила его невыносимо.

Онъ сѣлъ за грязный залитый столикъ лицомъ къ окну, взялъ газету такъ, не читать, а такъ.

— Голоднаго накормить можно, бѣднаго обогатить можно, — донесся знакомый голосъ и слова знакомыя, — а коль скоро ты влюбленъ и предметъ твой тебѣ не взаимствуетъ, тутъ, хоть тресни, нѣтъ помощи!

„Въ Муркинъ день безпокойный старикъ Гвоздевъ, вотъ кто это говорилъ!" вспомнилъ Маракулинъ и, положивъ газету, схватился за теплое пиво.

— Шутите все, Александръ Ивановичъ, я, Александръ Ивановичъ, намедни мышь съѣлъ на Аѳонскомъ подворьѣ, за пять рублей съѣлъ-съ; съ братiей афонской споръ держали. „Съѣшь, говорятъ, Гвоздевъ, твоя пятерка, а не съѣшь, намъ подавай!" Хорошо, изловили сейчасъ мышку, на подворьѣ мышей много, сѣренькая такая, мышенокъ. Снялъ я шкурку съ мышенка, поджарилъ его немножко съ боковъ для вкусу, разрѣзал на ломтики, посолилъ, благословился и скушалъ. Мышку-то скушалъ-съ и забралъ пятерку, а самого смѣхъ душитъ, говорю: „Еще аѳонскiе, хе, пятерку за мышенка, да я у Прокопiя Праведнаго этакую крысищу за рубль безъ соли съѣлъ!"... Мнѣ, Александръ Ивановичъ, хоть бы только какъ-нибудь прожить!

А въ отвѣтъ Гвоздеву протянулся чей-то разстроганный голосъ:

— Изъ-за васъ я погибаю, славненькiе глазки!

— Я самъ, Александръ Ивановичъ, до женщинъ охотникъ!

И ужъ что-то грузно повалилось на липкій полъ и забарахталось и заплакало горько, какъ только плачутъ дѣти, какъ Акумовна плакала горько, все вспомнивъ подъ пѣніе Марьи, все свое, — свой катучій камень.

Допивъ теплое пиво и пуще растравивъ жажду, Маракулинъ вышелъ.

Онъ шелъ по своему ровному прямому пути на Невскій. Ужъ наступила ночь.

Тамъ, на Невскомъ, дождется онъ Вѣрочку. Онъ всю ночь будетъ караулить ее. Увидитъ Вѣрочку, все ей разскажетъ, и простится съ ней.

И не ошибется, вѣдь бѣлая ночь — бѣлая не обманетъ!

Ночь-то бѣлая не обманетъ: Вѣрочка сразу появилась, онъ узналъ ее въ темномъ.

Но и замеръ отъ ужаса: всѣ женщины до одной были въ темномъ — все было темное, и платье, и шляпа, и перчатки.

И онѣ не увертывались, онѣ шли увѣренно и важно мимо городового въ бѣломъ, огибая городового въ бѣломъ, словно въ какомъ-то старинномъ торжественномъ танцѣ, отъ Знаменья до Адмиралтейства и отъ Адмиралтейства до Знаменья.

— Вѣрочка, — кликалъ онъ, — Вѣрочка! — заглядывая въ глаза каждой, ни одной не пропуская, и темное, что-то холодное обвивалось змѣей вокругъ его сердца.

Это отчаяніе обвилось вокругъ его сердца.

И ужъ смерть извилистыми окольными путями подходила къ его порогу.

И всю ночь бродилъ онъ въ отчаяніи и тоскѣ смертельной, заглядывая въ глаза каждой, ни одной

не пропуская, останавливался на Аничковомъ мосту и тамъ стоялъ, пропуская ихъ всѣхъ передъ собой.

И онѣ огибали его, какъ городового въ бѣломъ, шли увѣренно и важно, словно въ какомъ-то старинномъ торжественномъ танцѣ, отъ Знаменья до Адмиралтейства и отъ Адмиралтейства до Знаменья.

И когда взошло солнце и всѣ онѣ темныя сгинули куда-то, не осталось ни одной темной, никого не осталось на Невскомъ, только городовые въ бѣломъ, Маракулинъ повернулъ по Литейному къ Финляндскому вокзалу.

Онъ вдругъ рѣшилъ, и это какъ-то само собою рѣшилось: онъ поѣдетъ въ Туръ-Киля на дачу къ Василію Александровичу, къ Вѣрѣ Николаевнѣ, къ Аннѣ Степановнѣ, они, вѣдь, его сколько разъ выручали, они его выручатъ, они ему молока дадутъ, ему ѣсть хочется, — ему, вѣдь, всего двѣнадцать лѣтъ! — они ему молока дадутъ.

Была троицкая суббота — канунъ Троицы, и по Литейному ужъ везли троицкія деревца:

кудрявые зеленые возы тянулись по улицѣ, такіе зеленые — молоденькія березки.

На Финляндскомъ вокзалѣ поѣздовъ еще не было и пришлось бы ждать, а сидѣть на вокзалѣ не хотѣлось, и Маракулинъ пошелъ по шпаламъ, но, пройдя немного, у моста сошелъ съ путей, сѣлъ у канавы и заснулъ.

И спалъ онъ крѣпко, какъ спалъ, должно быть, Плотниковъ тѣ двое сутокъ своихъ въ несчастномъ жестокомъ запоѣ.

Когда же Маракулинъ проснулся, былъ вечеръ — конецъ субботы.

И снова пораженный внезапной сумрачной мыс-

лью, что срокъ ему — суббота, онъ поледенѣлъ весь.

И не хотѣлъ вѣрить сну своему и вѣрилъ и, вѣря, самъ себя приговаривалъ къ смерти.

Родится человѣкъ на свѣтъ и ужъ приговоренъ, всѣ приговорены съ рожденія своего и живутъ приговоренными и совсѣмъ забывъ о приговорѣ, потому что не знаютъ часа, но когда сказанъ день, когда отмѣрено время и положенъ срокъ, указана суббота, нѣтъ, это ужъ выше силъ человѣческихъ, данныхъ Богомъ человѣку, котораго, надѣливъ жизнью, приговорилъ, но часъ смерти утаилъ отъ него.

И суббота наступила, суббота подходила къ концу, срокъ насталъ и часъ близился.

А на его ровномъ и прямомъ безнадежномъ пути, гдѣ пропала послѣдняя тѣнь и слѣдъ надежды, тихія и цѣпкія, какъ червячки, злыя темныя силы надвинувшагося отчаянія догрызали послѣднія связи его крѣпкой основы жизни.

Трудно ему было отрываться отъ жизни.

„А, можетъ быть, сонъ-то сномъ, а на провѣрку совсѣмъ и не то выйдетъ, почему это онъ такъ повѣрилъ сну? И развѣ можно вѣрить какому-то сну, этакъ, пожалуй, Богъ знаетъ, до чего дойти можно! И почему онъ Акумовнѣ не разсказалъ этотъ сумрачный сонъ свой, ну пусть бы Акумовна сообразила, она, вѣдь, божественная, она сказала бы, правда или неправда“.

Маракулинъ бросился къ трамваю, уже сѣлъ въ трамвай, но, вспомнивъ, что у него нѣтъ ни копейки и послѣдній завалящій гривенникъ онъ въ пивной оставилъ, соскочилъ и, чуть не обгоняя трамвай, побѣжалъ на Фонтанку.

И онъ добѣжалъ до Фонтанки до Буркова дома, но въ квартиру не легко ему было проникнуть.

Ему казалось, что звонилъ онъ съ полчаса, по крайней мѣрѣ, а никто не отпиралъ и не подавалъ голоса, и бросилъ онъ звонить, принялся стучать въ дверь, но и на стукъ никто не отозвался, въ квартирѣ было тихо и только вѣтеръ посвистывалъ въ щели — должно быть, трубы въ печахъ были открыты, жутко посвистывалъ вѣтеръ.

Еще позвонилъ Маракулинъ, еще постучалъ, постоялъ, подождалъ и спустился въ швейцарскую, но и Никанора не оказалось — куда-то въ лавочку ушелъ, а Ванюшка, Никаноровъ сынъ, ничего не знаетъ:

видѣлъ Акумовну по утру и больше къ ней не подымался, Акумовна дома, а самъ все смѣется чего-то.

„А если дома Акумовна, то отчего не отзывается и дверь не отпираетъ, вѣдь онъ же съ полчаса звонилъ, по крайней мѣрѣ, и стучалъ не меньше, ужъ не померла ли старуха?

И онъ вышелъ въ переулокъ и, зайдя въ ворота, пошелъ къ черному ходу.

Странно, подымаясь на лѣстницу, вдругъ услышалъ, какъ звонятъ ко всенощной въ Москвѣ у Воскресенія въ Таганкѣ, и въ тревогѣ удробило сердце.

Дверь въ кухню оказалась незапертой.

Акумовна сидѣла у плиты, и голова у ней была повязана бѣлымъ, — въ бѣломъ платкѣ.

„Мать будетъ въ бѣломъ!“ — вспомнились ночныя слова изъ семицкаго сна.

И передъ Акумовной на блюдечкѣ лежали два яйца, третье яйцо она ѣла.

„Фунтъ! — мелькнуло у Маракулина, — вотъ онъ какой фунтъ!“

Акумовна не улыбалась, и глаза были чужіе, какіе-то выпученные.

И не Акумовна это у плиты сидѣла, нѣтъ, только похожая на Акумовну.

И ужасъ обуялъ Маракулина.

— Батюшка, баринъ! — поднялась вдругъ Акумовна, но не своимъ голосомъ сказала она, сиплымъ пропойнымъ, только похожимъ на акумовнинъ.

И, потерявъ послѣднія силы, Маракулинъ схватился за косякъ двери и застоналъ.

— Батюшка, баринъ, Господь съ вами, батюшка, баринъ, Петръ Алексѣевичъ, сейчасъ самоварчикъ, сію минуту! — затопоталась по-настоящему настоящая Акумовна, и бросивъ яйцо, ухватила со стола красный журавлевскій самоваръ, застучала трубой.

Маракулинъ опустился на акумовнину табуретку, но сказать ничего не могъ, сжимало горло и губы дрожали.

— Батюшка баринъ, — топоталась Акумовна около самовара, — со мною-то что было, чуть было не померла я, да спасъ Господь, смиловался.

А съ Акумовной подлинно такое было, — и какъ это она еще не свихнулась, — дѣйствительно, спасъ Господь, смиловался. И ужъ немудрено, что ни звонка, ни стука она не услышала. И какъ еще Маракулина она признала и голоса хватило у ней слово сказать, и помогутъ ли ей яйца, а ѣла она ихъ, чтобы, хоть сипло, да все-таки говорить, не мычать по коровьему, замычишь и по коровьему!

Полѣзла Акумовна утромъ на чердакъ, бѣлье у ней тамъ кое-какое на чердакѣ висѣло, бѣлье пошла поснимать, чтобы къ Троицѣ выгладить до всенощной, а кто-то и подшутилъ надъ ней: на чердакѣ ее

заперъ. Стала она кричать и не мало времени кричала, да услышать невозможно, некому: всѣ квартиры пустыя кругомъ — всѣ на дачу уѣхали. И никому на чердакъ не надобится: ни одна кухарка, ни одна горничная на чердакъ не толкнется, — нѣтъ никого. И знаетъ она, безполезно, а кричитъ. Да и какъ не кричать! На чердакѣ оставаться — а до которыхъ же поръ? до осени? когда съ дачи вернутся? или когда смилуется надъ ней, кто ее заперъ, и придетъ и выпуститъ, а на это можно ли разсчитывать, вѣдь, и забыть могли, за дѣлами забудется, мало ли! — оставаться ей на чердакѣ тоже никакъ нельзя. И ужъ голосу нѣтъ. И полѣзла она въ потемкахъ по чердаку шарить, забитое окно разыскивать: вспомнила, гдѣ-то подъ самой крышей было окно. Шарила она, шарила — нашла щелку, разыскалось окно. Вцѣпилась она въ доску, доску отдирать, да крѣпко доски держатся, сколько ни бьется, все крѣпко сидятъ, а щелка маленькая, развѣ что мышенку пролѣзть. Да понадсѣла, ухватилась она обѣими руками и высадила. Слава Богу, вольный свѣтъ! Перекрестилась да на крышу и поползла, да съ перепугу на тотъ конецъ — на парадный къ казармамъ поползла, ползетъ, ступить боится — нога соскользнетъ, а сама кричитъ. Доползла до трубы, встала она у трубы, сняла башмаки, кинула на улицу. Какіе-то ребятишки подхватили башмаки и унесли. И стоитъ она у трубы босая, держится за трубу, кричитъ. И знаетъ, что кричать такъ просто, не послушаютъ, и кричитъ она, что баринъ, молъ, вернулся, звонитъ баринъ, а она отпереть не можетъ. Да шумъ на Фонтанкѣ, пароходы, гудки автомобилей заглушаютъ всякій крикъ. Босикомъ безъ башмаковъ не оскользнешься — пошла она отъ трубы, бродитъ по крышѣ и кричитъ свое: баринъ, молъ, вернулся,

звонитъ баринъ, а она отпереть не можетъ. Услыхали маляры — сосѣдскую крышу маляры красили: „Чего, говорятъ, бабка, кричишь, прыгай къ намъ!“ смѣются. А какъ она къ нимъ прыгнетъ, лѣстницу не даютъ, всѣ лѣстницы заняты, она вѣдь не кошка. Но прошелъ первый страхъ, услышала голосъ человѣческій, обвыклась она и сообразила: на другой конецъ, черный перейти ей и тамъ по желобу во дворъ спуститься. Если по желобу влѣзать, рука можетъ омлѣть, а если по желобу спускаться и труба изъ рукъ не выскочитъ, то совсѣмъ легко — такъ и покатишься. Сообразила она, вспомнила и пошла на другой конецъ, на черный и, ужъ прямо къ желобу — голова у ней на высотѣ не кружится — да, ухватившись обѣими руками за коронку желоба, ноги спускать стала, и ужъ трубу ловитъ, чтобы ногами прихватиться... „Остановись бабка, кричитъ Никаноръ, не лазь, отопру!“ смѣется. Ну, тутъ она обратно черезъ всю крышу въ окно да на чердакъ.

— Шесть часовъ промаялась, батюшка баринъ, чуть было не померла, да спасъ Господь, смиловался!

Самоваръ, между тѣмъ, поспѣлъ, красный журавлевскій пѣвунъ попыхивалъ, налаживаясь запѣвать вечернюю пѣсню.

Маракулинъ, за разсказомъ оправившись, прошелъ къ себѣ въ свою комнату.

„А возможно, что весь сумрачный сонъ его не къ нему вовсе, къ Акумовнѣ относился. Или это невозможно, за другого нельзя видѣть? А почему бы и не увидѣть!“

Но суббота еще не кончилась, шла ночь, наступили послѣдніе часы, близился часъ итти на отвѣты: самому отвѣчать и требовать отвѣтовъ.

Акумовна принесла самоваръ, доѣла для голоса

яйца и вернулась къ Маракулину и по привычкѣ съ картами въ рукахъ.

Но Маракулинъ отказался отъ картъ, ему не надо гадать, онъ ей свой сонъ семицкій разскажетъ, только пусть она скажетъ правду.

И сталъ онъ разсказывать весь свой сумрачный сонъ по порядку, отчетливо онъ его помнилъ, и разсказалъ онъ про курносую, зубатую, голую, назначившую ему срокъ — субботу, и о матери своей съ крестомъ на лбу, какъ заплакала мать.

— Что этотъ сонъ означаетъ, Акумовна?

Молчала Акумовна, и улыбаясь и поглядывая какъ-то по юродивому, изъ-стороны.

И снова пораженный внезапной сумрачной мыслью, что срокъ ему — суббота, онъ поледенѣлъ весь.

„Стало быть, подумалъ онъ, все правда — и почему Акумовна молчитъ? — стало быть, правда, сейчасъ, черезъ нѣсколько минутъ наступитъ ему срокъ, его часъ — конецъ?"

Родился человѣкъ на свѣтъ и ужъ приговоренъ, всѣ приговорены съ рожденія своего и живутъ приговоренными и совсѣмъ забывъ о приговорѣ, потому что не знаютъ часа, но когда сказанъ день, когда отмѣрено время и положенъ срокъ, указана суббота, нѣтъ, это ужъ выше силъ человѣческихъ, данныхъ Богомъ человѣку, котораго, надѣливъ жизнью, приговорилъ, но часъ смерти утаилъ отъ него.

— Акумовна, такъ правда это или неправда?

— Я черный человѣкъ, я ничего не знаю, — отвѣтила Акумовна, и улыбаясь и поглядывая какъ-то по юродивому, изъ-стороны.

И вотъ часы на кухнѣ захрипѣли и медленно стали отбивать часы: часъ за часомъ.

И пробило двѣнадцать.

Кончилась суббота, — началось воскресенье.

— Акумовна, двѣнадцать пробило? — робко спросилъ Маракулинъ.

— Двѣнадцать, ровно двѣнадцать.

— Настало воскресенье?

— Воскресенье, воскресный день, спите спокойно, Господь съ вами!

Акумовна, оставивъ пѣвучій журавлевскій самоваръ, пошла себѣ на кухню спать.

А развѣ онъ можетъ спать?

Выждавъ, пока Акумовна угомонилась, и прикрывъ самоваръ, Маракулинъ взялъ подушку и, положивъ подушку на подоконникъ, какъ дѣлаютъ Бурковскіе жильцы, лѣтующіе лѣто въ Петербургѣ, прилегъ на нее и, держась руками за подоконникъ, перевѣсился на волю.

Нѣтъ, онъ не заснетъ, онъ во всю ночь не заснетъ: суббота кончилась, настало воскресенье!

Было пусто на дворѣ, ни одного человѣка, и ни одного человѣка въ окнахъ, только онъ одинъ.

И вдругъ онъ увидѣлъ на мусорѣ и кирпичахъ вдоль шкапчиковъ-ларьковъ отъ помойки и мусорной ямы къ каретному сараю все зеленыя березки, — весь Бурковъ дворъ уставленъ былъ березками, — и зеленыя такія, зеленые листики.

И почувствовалъ онъ, какъ медленно подступаетъ, накатывается та самая прежняя необыкновенная его потерянная радость: ключемъ выбивала откуда-то изъ-подъ сердца эта его необыкновенная радость горячая, и росла, наполняя сердце и, горячая, заполняла грудь.

Ужъ ничего не видѣлъ онъ, только видѣлъ онъ березки, и вдоль березокъ, сама, какъ березка, та Вѣра — Вѣрушка — Вѣрочка... и слипались ея руки съ листьями, отъ листка къ листку пробиралась она къ сараю, будто по воздуху, и словно земля проваливалась по слѣду ея.

И вотъ перепорхнуло сердце, переполнилось, вытянуло его всего, вытянулся онъ весь, протянулъ руки — —

И, не удержавшись, съ подушкой полетѣлъ съ подоконника внизъ...

И услышалъ Маракулинъ, какъ кто-то, точно въ трубочку изъ глубокаго колодца, сказалъ со дна колодца:

— Времена созрѣли, исполнилась чаша грѣха, наказаніе близко. Вотъ какъ у насъ, лежи! Однимъ стало меньше, больше не встанешь. Болотная голова.

Маракулинъ лежалъ съ разбитымъ черепомъ въ лужѣ крови на камняхъ на Бурковомъ дворѣ.

1910 г.
1922 г.
Charlottenburg

